

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

**ВНЕШНИЕ СВЯЗИ СТРАН ПРИКАСПИЯ В
УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА И
ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

Москва
ИМЭМО РАН
2010

УДК 327
ББК 66.4(53)'7
Внешн 603

Серия “Библиотека Института мировой экономики и международных отношений”
основана в 2009 году

Научный руководитель исследования и ответственный редактор сборника –
член-корреспондент РАН **Г.И. Чуфрин**
Научно-техническое оформление рукописи – н.с. **Е.П. Густилина**

Сборник подготовлен при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Роль России в интеграционных процессах в Центральноазиатском – Прикаспийском регионе» (проект № 09-03-00029 а/Р).

Внешн 603

Внешние связи стран Прикаспия в условиях глобального кризиса и интересы России / Отв. ред. – Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – 131 с.

ISBN 978-5-9535-0237-5

В сборнике анализируются различные аспекты внешних связей стран Прикаспия, получивших развитие в условиях глобального финансово-экономического кризиса, а также действия их важнейших внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров – в первую очередь Соединенных Штатов и Китая. Одновременно предлагаются оценки влияния этих процессов на национальные интересы России.

This publication analyses various aspects of foreign relations of the Caspian countries which developed under the global financial and economic crisis as well as activities of their principal political and economic partners, the United States and China in particular. It also offers an assessment of the impact of these developments on Russia's national interests.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru/>

ISBN 978-5-9535-0237-5

© ИМЭМО РАН, 2010

Введение

Процессы общественного развития постсоветских государств, расположенных по обе стороны Каспийского моря - в Центральной Азии и на Южном Кавказе, протекают в весьма сложных социально-политических и экономических условиях становления их государственности. К тому же ход этих процессов нередко усугубляется взаимными претензиями территориального плана, либо межэтническими противоречиями, либо проявлениями кланового и религиозного экстремизма.

Все это оказывало и продолжает оказывать весьма негативное влияние на общий социальный, политический и экономический климат в регионе и вынуждает страны Прикаспия вносить изменения, зачастую весьма существенные, в свои социально-политические и экономические стратегии, менять приоритеты национального развития, отказываться от первоначально заявленных целей такого развития или же откладывать их достижение на неопределенно длительный срок.

К тому же их внешнеполитические и внешнеэкономические связи с зарубежными партнерами испытывали в последние годы серьезное воздействие со стороны ряда крупных международных событий регионального и глобального характера. К их числу относились военные действия, начатые Грузией против Южной Осетии в августе 2008 г., и их последствия, разрастающийся вооруженный конфликт в соседнем Афганистане и, конечно же, мировой финансово-экономический кризис.

Совокупность этих внутренних и внешних факторов оказывала глубокое влияние, в том числе на характер и масштабы межгосударственных связей стран Прикаспия с Россией. Следует подчеркнуть при этом, что хотя страны региона неоднократно заявляли о своей заинтересованности в дальнейшем укреплении таких связей, рассматривая их в качестве важного инструмента обеспечения своих национальных политических, оборонных и экономических интересов, нередко первоначально согласованные планы в намеченные сроки не выполнялись, а многие, казалось бы, взаимовыгодные программы и мероприятия, особенно многостороннего характера, и вовсе оставались на бумаге.

Происходило это, во-первых, потому, что в связи с накоплением новых вызовов и проблем на пути национального развития государств Прикаспия наблюдались колебания, иногда весьма существенные, в отношении правящих кругов стран региона к целям, характеру и масштабам сотрудничества с Россией. И хотя абсолютное большинство стран региона (за исключением, по понятным причинам, современной Грузии) в принципе не намерены отказываться от продолжения такого сотрудничества или серьезно его сокращать, они, тем не менее, склонны критически оценивать как его реальные возможности в целом, так эффективность и полезность конкретных его форм, и в результате нередко радикально менять свое отношение к участию в тех или иных совместных программах или коллективных организациях (что, например, сделал Узбекистан, вышедший из ЕврАзЭС в октябре 2008 г.).

Во-вторых, на политическом и экономическом пространстве Прикаспийского региона стремительно усиливался конкурентный потенциал третьих стран в связи с тем, что в системе международных отношений прикаспийских государств неуклонно набирали вес их связи с Китаем, США, ЕС, другими европейскими и азиатскими странами. А это означало, что при сохранении заинтересованности в продолжении сотрудничества с Россией ни одна из стран Прикаспия не намерена была тормозить

развитие межгосударственного сотрудничества с другими субъектами международных отношений, а напротив – стремилась активно его развивать.

* * *

В предлагаемом вниманию читателя сборнике рассматриваются различные аспекты внешних связей стран Прикаспия, получивших развитие в условиях глобального финансово-экономического кризиса, а также действия их важнейших внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров – в первую очередь Соединенных Штатов и Китая. Одновременно предлагаются оценки влияния этих процессов на национальные интересы России, которая, в свою очередь, также заметно активизировала свои действия в регионе в последнее время.

В частности, в статье Д. Малышевой дается критическая оценка политики США в Центральной Азии, которая хотя и несколько утратила свой агрессивно-наступательный характер после прихода к власти Б.Обамы, но этот феномен носит, по мнению автора, временный характер. «Возврат США в постсоветскую Евразию может оказаться стремительным и мощным в случае быстрой реабилитации американской экономики и восстановления традиционного режима инициативной внешней политики. В этом случае традиционно медленно «сосредотачивающаяся» Россия может быть потеснена с позиций, на которых ей удастся утвердиться во время «передышки» – снижения накала соперничества, вызванного отвлечением США на решение более неотложных проблем (кризис, Ирак, Афганистан, Иран)».

Как уже неоднократно отмечалось в ряде российских и зарубежных исследований, в последние годы происходит явная активизация действий Китая в странах Прикаспия – в первую очередь в Центральной Азии. По существу речь идет о последовательной и широкомасштабной экономической стратегии Пекина, целью которой является установление прочной привязки экономики центральноазиатских стран к хозяйственным потребностям и нуждам своих западных провинций, в первую очередь СУАР, через прокладку транспортных путей и сети газо- и нефтепроводов, предоставление финансовой помощи на льготных условиях и т.д. Последствия этого, как представляется, не могут не сказаться на национальных интересах России.

Именно так и воспринимается экономическая политика Китая в регионе известным синологом В. Гельбрасом, который полагает, что реализация, например, китайских транспортных проектов в Центральной Азии способна в будущем привести к экономической, а вслед за этим – и внешнеполитической переориентации стран Центральной Азии, вовлекаемых в эти проекты, с России на Китай.

Иных взглядов на последствия укрепления хозяйственных связей Китая со странами Центральной Азии придерживается А. Салицкий, по мнению которого, «усиление привязки к китайскому хозяйству повышает геоэкономическое значение центральноазиатского региона и его способность противостоять кризисным явлениям. Регион постепенно преодолевает периферийное положение в международном разделении труда».

Наряду с США и Китаем растущий интерес к развитию экономических связей с центральноазиатскими странами проявляет и целый ряд других государств. Анализу характера взаимоотношений, складывающихся между Японией и Южной Кореей и странами Центральной Азии в современных условиях, посвящена статья В. Амирова.

Особого внимания читателя заслуживает, на наш взгляд, весьма обстоятельная статья А.Куртова, посвященная анализу трансформации внешней, в том числе экономической, политики Туркменистана – одной из наиболее закрытых

для внешнего мира стран Прикаспия. В статье подробно и аргументировано анализируется внешняя политика нового руководства Туркменистана, которое под руководством президента Бердымухамедова последовательно и в то же время достаточно гибко проводит курс на отстаивание национальных интересов. Принципиально важным при этом, по мнению автора, является то, что, придерживаясь принципов постоянного нейтралитета и многовекторности, нынешнее руководство Туркменистана де-факто рассматривает своим главным партнером во внешнем мире Россию. Россия продолжает оставаться и главным экономическим партнером Туркменистана, несмотря на имеющиеся между ними расхождения и противоречия, в том числе вызванные временным прекращением поставок туркменского газа в Россию в 2009 году.

Прямо противоположную по своей направленности политику по отношению к России проводит режим Саакашвили в Грузии. Рассматривая положение в этой стране после ее поражения в августовском конфликте 2008 года, А. Крылов в статье, красноречиво озаглавленной им «Южный Кавказ: разные пути постсоветского развития», считает, что в Грузии «сложилась наиболее жесткая в регионе авторитарная модель управляемой имитационной демократии». Причем, хотя режим Саакашвили пока что жестко контролирует политическую жизнь, глубокий социально-экономический кризис, поразивший национальную экономику, и рост протестных настроений повышает вероятность дестабилизации Грузии.

Что же касается остальных южнокавказских государств, как «старых» (Армения и Азербайджан), так и «новых» (Абхазия и Южная Осетия), то их отношения с Россией развиваются, по мнению автора, в достаточно конструктивном русле.

Несколько особняком в сборнике стоит статья одного из ведущих российских индологов, С. Лунева, посвященная анализу последних тенденций в российско-индийских политических и экономических отношениях. Решение включить ее в корпус сборника было обусловлено тем, что, во-первых, в последние годы наметилась явно позитивная тенденция к восстановлению и развитию некогда весьма масштабных хозяйственных советско-российских связей и, во-вторых, тем, что одним из наиболее перспективных регионов российско-индийского взаимодействия в перспективе может стать Центральная Азия, где Индия готова принять участие в разработке и импорте местных энергетических ресурсов.

* * *

В целом в статьях, вошедших в данный сборник, было продолжено всестороннее исследование национальных интересов России и вызовов им в Прикаспийском регионе, последовательно ведущееся в ИМЭМО при поддержке РГНФ. Ранее полученные результаты этого исследования были опубликованы в сборниках статей «Формирование действенных структур безопасности и сотрудничества в Центральной Азии» (М.: ИМЭМО, 2007); «Новые тенденции во внешней политике России в Центральной Азии и на Кавказе» (М.: ИМЭМО, 2008) и «Состояние и перспективы взаимодействия России со странами Центральной Азии и Закавказья» (М.: ИМЭМО, 2009).

Центральная Азия в свете российско-американской «перезагрузки»

Объявленная в феврале 2009 года «перезагрузка» российско-американских отношений, последовавшие вслед за тем шаги, направленные на восстановление взаимного доверия, на привнесение в эти отношения духа сотрудничества, несомненно, значимые для внешней политики России события. Не удивительно, что тема «перезагрузки» получила в научных публикациях, а также в дискуссиях, которые велись и продолжают вестись в экспертном сообществе, многочисленные истолкования, как позитивного, так и критического свойства. Данная статья не ставит целью провести анализ собственно российско-американских отношений в контексте их объявленной «перезагрузки». Предмет нашего внимания – развивающиеся на ее фоне, а также и в контексте операции США/НАТО в Афганистане, политические и международные процессы в постсоветских республиках Центральной Азии (ЦА) с участием в них России. Тем не менее, смысл и содержание «перезагрузки» обозначить тоже важно.

«Перезагрузка»: ее пределы и ограничения

К нормализации отношений с Россией («перезагрузке») администрация Обамы пришла в силу ряда обстоятельств. Во-первых, без диалога двух крупнейших ядерных держав трудно стало приостанавливать или ограничивать процесс распространения ОМУ, а, конкретно – иранской ядерной программы: наступление на нее продолжает оставаться едва ли не приоритетным направлением американской внешней политики. Во-вторых, возросла заинтересованность США в сотрудничестве с Россией по другой, не менее важной для Вашингтона проблеме – афганской. В-третьих, превращение в глобальную сверхдержаву Китая, бросающего в известном смысле вызов первенству США в мировой экономической системе и политике, побудило американскую администрацию искать контактов с Россией, также опасющейся чрезмерного подъема этого своего азиатского соседа и конкурента в ЦА.

Оценивая содержание складывающихся в условиях «перезагрузки» российско-американских отношений, министр иностранных дел РФ С. Лавров подчеркивал: «Сказать, что нам стало легче работать в условиях прихода к власти в США демократической администрации президента Барака Обамы, означало бы серьезно упрощать ситуацию. Работы стало больше, но изменилось ее качество. Мы расчищаем те завалы, которые накопились при прежней администрации и вызывали глубокий кризис доверия в наших отношениях. По-существу, мы в начале процесса возвращения наших отношений к норме, которая учитывала бы в том числе и нашу совместную ответственность за судьбы мира»¹.

И действительно к началу 2010 г. в результате возобновленного между двумя странами диалога, тональность двусторонних отношений заметно улучшилась. Их важным промежуточным итогом стало подписанию 8 апреля 2010 г. в Праге президентами РФ и США нового большого соглашения о сокращении и ограничении наступательных ядерных вооружений. Это событие свидетельствовало также и о том, что «перезагрузка» базировалась в основном вокруг этой крупной военно-стратегической проблемы. Все остальные обсуждаемые в связи с «перезагрузкой» вопросы стали в известной мере производными или же сопутствующими. И это несмотря на то, что по некоторым из них США и Россия имеют сходные или, по крайней мере, сближающиеся позиции. Речь идет, в частности, о стабилизации

ситуации в Ираке, Афганистане и Пакистане, о разрешении арабо-израильского конфликта, о противодействии международному терроризму и предотвращении превращения его в ядерный, о борьбе с наркотрафиком, пиратством, организованной преступностью и пр. Одинаковыми, однако, для США и России эти проблемы не являются.

Взять, к примеру, Ирак. Россия с самого начала была противницей применения в обход ООН силы против этого государства. Вставшая теперь перед США проблема выхода из Ирака «без потери лица», с тем, чтобы не оставлять за собой непогашенную конфликтную зону, Россию в целом затрагивает лишь опосредованно. Тем более что США активно противодействуют любым попыткам подключения России к миротворческому процессу в Ираке, активно препятствуют возвращению российских компаний в энергетическую сферу этой ближневосточной страны: из нее нефтяные компании РФ стали вытесняться сразу же после оккупации Ирака американскими войсками.

В разрешении конфликта между палестинскими арабами и евреями Россия участвует только главным образом в качестве члена «ближневосточного квартета» (в составе РФ, США, ООН, ЕС) и то весьма опосредованно, поскольку после состоявшейся 27 ноября 2007 г. в американском городе Аннаполисе международной конференции Вашингтон провозгласил себя единственным посредником в урегулировании палестино-израильского конфликта. Это, впрочем, не привело к существенным сдвигам в его разрешении, но зато в какой-то мере развязало Москве руки, поскольку позволило российской дипломатии вполне свободно действовать самостоятельно, поддерживать контакты с политическими силами на Ближнем Востоке (ХАМАС), с которыми США отказываются вести диалог.

Не вполне совпадает с американской позиция России и по иранской ядерной проблеме. Сам Иран на протяжении нескольких последних лет в известной мере использовал Россию как своего сторонника для создания собственной ядерной программы. В России это осознают, однако и играть по правилам, диктуемым из Вашингтона, тоже не особенно стремятся, а нависшая над Ираном американо-израильская угроза применения против него военной силы, «напрягает» Россию, которая видит в случае претворения в жизнь этой угрозы, огромные риски для собственной безопасности. В марте 2010 г. госсекретарь США Х. Клинтон призвала к введению в отношении Ирана «зубастых» санкций, в связи с чем президент России сделал уточнение: введение санкций возможно, но они должны быть «выверенными и умными»². Одновременно с этим премьер-министр РФ В. Путин сообщил о том, что запуск первого блока Бушерской АЭС состоится летом 2010 г.³ Так что в вопросе об окончательном выборе российской позиции в пользу американских предложений по Ирану, включая сюда и предлагаемые Вашингтоном санкции против этой страны, рано еще ставить точку.

Не устраивает Россию и сосредоточение внимания всего потенциала международных сил на решении одной отдельно взятой проблемы – «международного терроризма», как к тому продолжают призывать некоторые американские политики (президент Б. Обама – в меньшей степени) при том что существующая архитектура безопасности остается, по мнению российской стороны, неэффективной, работающей с отрицательным результатом. В России в связи с этим считают: в иерархии угроз международной безопасности приоритет должен быть отдан ликвидации афганского наркопроизводства, ибо оно стало питательной базой для таких зол, как терроризм и исламистский экстремизм.

Есть в отношениях России и США, а также возглавляемых ими НАТО, другие проблемы, по которым серьезные разногласия так и не были сняты «перезагрузкой». Озабоченность в России по-прежнему вызывают активно поддерживаемые США

попытки наделить НАТО глобальными функциями⁴. Это касается и приближения военной инфраструктуры альянса к границам России, и разработка новых сценариев использования силового потенциала НАТО в обход международного права в непрофильных сферах – энергобезопасности, киберзащите, изменении климата в Арктике.

Не привела «перезагрузка» и к кардинальному пересмотру подходов США к роли России на постсоветском пространстве, хотя в этом вопросе нельзя не заметить некоторых изменений. Администрация Обамы не относит сегодня постсоветское пространство к числу жизненно важных интересов США, и только отдельные американские политики продолжают оспаривать право России на привилегированные интересы в СНГ, заявляя о недопустимости попыток ее «доминирования» в бывших советских республиках. Да и в целом действующей американской администрации не свойственна «пассионарность», отличавшая предшественников Обамы, наделивших себя монопольным правом трактовать демократию, определять законность или незаконность национальных демократических моделей, инициировавших в известной мере и «цветные» революции в СНГ, и Войну 08.08.08.

Так вот в отношении ухода «оранжевых» с политической сцены Украины после президентских выборов (17 января и 7 февраля 2010 г.) или второй киргизской революции 6-7 апреля 2010 г. Вашингтон занял внешне отстраненную позицию, что, впрочем, может быть объяснено не «прозрением» администрации относительно тщетности усилий по насаждению демократии в переходных постсоветских обществах или же воздействием «перезагрузки». Скорее всего, в условиях дефицита ресурсов и внутренней нестабильности, рожденных глобальным финансовым кризисом, США и их партнеры сочли более приемлемым для себя временно отступить с некоторых своих позиций в СНГ, рассчитывая в скором времени туда вернуться. Примечательным в этой связи выглядит высказывание известного американского политолога Ариэля Коэна: «Когда первоначальный шок от второй киргизской революции пройдет, администрации Обамы надо будет снова включить постсоветское пространство в список американских геополитических приоритетов. На кон поставлены наши усилия в Афганистане, а также присутствие Запада в центре Евразии»⁵. Пока же США не возражают против того, чтобы Россия взвалила на себя ответственность за поддержание порядка в ЦА и на постсоветском пространстве в целом.

Афганская компонента «перезагрузки»

Военная операция США в Афганистане, получившая название «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom), началась в октябре 2001 года в ответ на теракты 11 сентября. После разгрома основных сил движения «Талибан» в Афганистане была развернута военная миссия НАТО (ISAF - International Security Assistance Force), которая действовала на основании резолюции Совета Безопасности ООН от 20 декабря 2001 года. 11 августа 2003 г. НАТО взяла на себя функции «стратегического командования, контроля и координации деятельности Международных сил содействия безопасности для Афганистана (МССБ)», а 1 октября Североатлантический совет одобрил долгосрочную стратегию НАТО «в осуществлении ее роли в составе МССБ в Афганистане». Об этом Генеральному секретарю Совета Безопасности ООН сообщил в письмах от 2 и 6 октября 2003 года Генеральный секретарь Организации Североатлантического договора лорд Робертсон⁶. Операция в Афганистане вывела, таким образом, альянс за пределы Евро-Атлантического региона, способствовала давно планировавшейся

трансформации НАТО в глобальную организацию и превращении ее в «демократическую» альтернативу якобы изжившей себя ООН.

В наши дни Соединенные Штаты официально заявляют о двух своих стратегических императивах в зоне конфликта. Первый — окончательное уничтожение «Аль-Каиды» и поддерживающего ее «Талибана», второй — предотвращение радикализации Пакистана, что позволит исключить возможность попадания ядерных арсеналов в руки местных исламистов. В отличие от предшествующей администрации, команда Обамы не акцентирует внимания на распространении демократии западного типа в этих государствах Востока. Предложенная американским президентом обновленная стратегия по Афганистану и Пакистану («доктрина АфПак», как ее стали именовать в американских политических и медийных кругах) предусматривает активное использование «мягкой силы», дипломатии и компромисса⁷.

Реализовывать эти задачи США намерены и после июля 2011 г. — времени «ухода» из Афганистана, объявленного президентом США 1 декабря 2009 г. в военной академии Вест-Пойнт. Но эта дата, уточнил советник президента США по национальной безопасности генерал Джеймс Джонс в своем выступлении в вашингтонском Центре американского прогресса (Center for American Progress), не является датой вывода американских войск из Афганистана, а лишь началом передачи «ответственности афганским властям и вооруженным силам». Тем самым США, утверждает Джонс, посылают «важный сигнал афганскому народу: мы не заинтересованы в продолжении бесконечной войны или оккупации страны, мы хотим стать партнерами, а не патронами»⁸. Речь то есть идет об отправке в Афганистан взамен незначительно сокращаемого в 2011 г. воинского контингента другой «армии» — гражданских советников. Пока же раздробленный и охваченный военными конфликтами Афганистан, в котором процветают теневая экономика и наркобизнес, все еще далек до восстановления и укрепления. Не удастся также уничтожить талибов как силу, способную реально противостоять США и их союзникам.

Россия, как и США, заинтересована в том, чтобы Афганистан не превращался больше в источник угроз миру и стабильности, чтобы там не оставалось «серых зон», где могли бы найти прибежище международные террористы и чтобы были подорваны основы наркоэкономики Афганистана. И в этом плане Россия только приветствовала выполнение этих задач многосторонними силами под руководством США. Российская Федерация считает также, что в контексте поиска модели надежного, устойчивого урегулирования было бы принципиально важным предусмотреть провозглашение нейтрального статуса Афганистана. Об этом министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил по итогам своего визита в Туркменистан 16 марта 2010 г.⁹

Оказывает российское руководство и практическое содействие международной коалиции в Афганистане. Россия заключила двусторонние межправительственные соглашения с Германией, Францией и Испанией о железнодорожном транзите в Афганистан их военного имущества и персонала через свою территорию. В июле 2009 года были подписаны соглашения, позволяющие США производить до 4500 полетов в год над территорией России для транзита военных грузов для сил коалиции в Афганистане. Москва обязалась также готовить афганских полицейских для борьбы с наркобизнесом на базе одного из учебных заведений МВД. Но это партнерам России по «перезагрузке» кажется недостаточным, и Россию уговаривают вернуться в Афганистан в качестве союзника тех сил, которые в свое время образовывали «единый фронт борьбы афганского народа с советской оккупацией», формировали отряды моджахедов, снабжали их

оружием, содействовали созданию «Аль-Каиды» и «Талибана». Отказываясь принимать участие в военных операциях коалиционных сил в Афганистане, российское руководство утверждает: ключ к решению афганской проблемы лежит не в военной, а в мирной плоскости. США и их союзники по НАТО в принципе не возражают против этого. Другое дело, что помимо официально провозглашенных задач — обеспечения безопасности, борьбы с «Аль-Каидой» и талибами, восстановления гражданского правления в Афганистане и налаживания партнерства с Пакистаном — ими преследуются и другие цели, которые не имеют никакого отношения к интересам России в регионе, а в чем-то и являются вызовом им.

Так вот в Афганистане и ЦА формируется военно-стратегический плацдарм, значительно превосходящий по своим масштабам и мощи те потребности, которые нужны для проведения локальной и ограниченной временными рамками военной операции. Этот плацдарм включает в себя в общей сложности около 40 военных баз. Часть их располагает взлетно-посадочными полосами до 3.5 км, наземными и подземными сооружениями, станциями воздушного и космического слежения, самолетами дальнего радиолокационного обнаружения типа АВАКС в количестве, достаточном для контроля будущего возможного театра военных действий, охватывающего регион Центральной и Южной Азии. Военное руководство США и НАТО дает понять, что намерено сохранить эти стратегические объекты и после объявленного в 2011 г. ухода. Ведь США получают уникальную возможность держать под постоянным наблюдением ключевые государства Азии (Китай, Индию, Пакистан, Иран), а также постсоветскую Центральную Азию и Россию. США, кроме того, могут контролировать энергопотоки и трубопроводный транспорт Каспийского региона. Военное присутствие может быть использовано Вашингтоном и для манипулирования в регионе различными политическими силами и организациями (правозащитными, «оппозиционными», религиозно-экстремистскими и пр.) с целью воздействия на местные правительства в нужном для американской политики направлении. То есть имеются серьезные основания, чтобы предположить: территория Афганистана и дальше будет использоваться США для закрепления в Евразии, которую Збигнев Бжезинский назвал в свое время «главным геополитическим призом для Америки»¹⁰.

Но такое не определенное никакими временными сроками присутствие в регионе посторонней военной силы нарушает существующие здесь балансы, подрывает безопасность и суверенитет государств, бросает серьезный вызов собственно российским интересам в Евразии. Отчасти невыгодно пребывание США/НАТО в Афганистане Китаю, поскольку их базы располагаются в непосредственной близости от его границ, а война может стимулировать сепаратистские движения среди преимущественно мусульманского уйгурского населения Синьцзяна. Не устраивает Китай и усиление американской военной мощи в Южной Азии: в 2005 году Киргизия не разрешила полеты американских «Аваксов» с базы в Манасе вдоль своей границы с КНР, однако никто не запрещает им теперь производить их из Шинданда и Баграма. Разделяет китайские опасения и Индия — но по другой причине: ее пугает возможность поглощения Афганистана Пакистаном, что, без сомнения усилит главного геополитического противника Индии в регионе.

Представляется в этой связи, что сильно заблуждаются те в России, кто уверовал, что Америка и ее союзники сделают в Афганистане за Россию «грязную работу» — поборются с терроризмом и религиозным экстремизмом, искоренят наркотрафик и т. п., и потому Россия получит колоссальную выгоду от поддержки международной коалиции. На самом же деле США как крупнейшая мировая экономическая, военная, информационная держава, которая по-прежнему держит многое в мире под своим контролем, преследуют в своих внешнеполитических

начинаниях, включая сюда и афганскую эпопею, в первую очередь собственные интересы. А потому ни за Россию, ни за кого другого никакую «работу» они делать не будут; США «работают» исключительно на себя и на свои собственные интересы. И эти интересы вовсе не предусматривают восстановления России в качестве великой державы, как не предусматривают они поддержки интеграционных усилий России в ЦА либо согласия с сохранением ее доминирования в энергетической сфере.

Иллюзорным видится и расчет на то, что США в знак признательности за содействие России афганским операциям альянса пойдут на встречные уступки по чувствительным для России вопросам, касающимся, в первую очередь, ближнего зарубежья. Да, оно пока выведено из сферы американских первоочередных интересов ввиду стоящих перед администрацией США более сложных и неотложных задач – преодоления экономического кризиса, завершения военной фазы операций в Ираке и «АфПаке», решения иранской проблемы. Однако же США сохраняют преимущество в политике, касающейся воевавшей с Россией в августе 2008 г. Грузии: ее ремилитаризации Пентагон оказывает живейшее содействие. Есть и другие примеры.

Отказавшись в 2009 г. в преддверии заключения с Россией соглашения о транзите в Афганистан от включения Украины и Грузии в План действий по членству, предусматривавший ускоренную и облегченную подготовку к вступлению в НАТО, лидеры США и НАТО вовсе не сняли с повестки дня вопрос о дальнейшей географической и политико-правовой экспансии альянса, о расширении его в восточном направлении. Они просто отложили его. Продолжают США развивать в обход России, а зачастую и в противовес ей, интенсивные двусторонние контакты с закавказскими и центральноазиатскими государствами, брать на себя посреднические функции в разрешении местных «замороженных» конфликтов. Как и раньше, США активно продвигают энергетические и транспортные маршруты (Набукко) в обход России. Не сданы в архив и активно задействованные в период президентства Дж. Буша-мл. геополитические проекты – «Большого Ближнего Востока» (Greater Middle East) и «Большой Центральной Азии» (Greater Central Asia), которая с включением в нее Афганистана должна, как предполагается, стать «мостом», соединяющим ББВ с «дружественными США» странами Южной Азией, способствовать «перепрофилированию» постсоветской Центральной Азии с российского на афгано-южноазиатское направление. Эти проекты видятся американским стратегам как своего рода противовес не устраивающему их процессу вовлечению стран ЦА в орбиту интересов Китая, Ирана, Пакистана, а также, разумеется, и России.

Особо следует выделить проблему наркотрафика из Афганистана, и здесь несоответствие российских и американских подходов еще более очевидно.

Россия неоднократно и напрямую призывала США и возглавляемые ими силы международной коалиции в Афганистане положить конец усилившемуся после 2001 г. наркопоток из этой страны. Эта угроза стала настолько злободневной, что глава федеральной службы по наркоконтролю (ФСНК) РФ В. П. Иванов сравнил ситуацию с поставками афганского героина в Россию с опиумными войнами в Китае на рубеже XIX-XX веков. Иванов заявил также: наркотрафик из Афганистана приобрел характер «агрессии против России», за которую должны нести ответственность США и НАТО ¹¹. Выступая 24 марта 2010 г. в Брюсселе на расширенном заседании Совета Россия-НАТО, председатель ФСНК представил российский план ликвидации афганского наркопроизводства «как практическую базу для консолидации усилий России и государств Североатлантического блока», обратив внимание на то, что «от эффективности совместных действий на этом направлении зависит стабильность,

как Евразии, так и мира в целом»¹². Представители НАТО и США не стали даже обсуждать этот план, а лишь посоветовали России принять более активное участие в операции по борьбе с талибами в Афганистане.

Не идет руководство альянса и на контакты с ОДКБ и ШОС, отвергая все их предложения, направленные на то, чтобы синхронизировать усилия по борьбе с наркопроизводством в Афганистане. Свой отказ военное командование США и НАТО в Афганистане объясняют опасениями увеличения в случае развертывания борьбы с местными наркопроизводителями нападений на блокпосты и, соответственно, умножений потерь среди американских и натовских военнослужащих. А то, что Россия и страны ЦА превратились в главный объект афганской наркоэкспансии, их мало волнует, как не слишком заботит и возможность дестабилизации центральноазиатского региона, страны которого остаются весьма уязвимыми для любого, не только афганского, внешнего влияния.

Центральноазиатский элемент стратегии «АфПак»

Само стратегическое значение постсоветской Центральной Азии, между тем, возросло по мере превращения ее с лета 2009 г. в основной маршрут для транзита американских и европейских грузов в Афганистан – так называемый Северный коридор (в отличие от Южного, пролегающего через беспокойный Пакистан). По мере приближения афганской кампании к эндшпилю участились также заявления американских политиков о растущей угрозе Центральной Азии со стороны «Талибана» и «Аль-Каиды», об опасности усиления в регионе Китая, России и Индии, о том, что только НАТО является единственной дееспособной военной структурой, способной обеспечить безопасность ЦА. Это лишь убеждало Россию в том, что США не намерены распространять на ЦА «перезагрузку» своих отношений с ней, планируя единолично закрепиться в регионе.

Между тем эскалации в Афганистане/Пакистане боевых действий способна серьезным образом дестабилизировать ситуацию, ибо перемещения талибов разрушили ту хрупкую систему сдержек и противовесов, которая существовала во всем регионе. Присоединившимся к афганскому «Талибану» этническим узбекам и таджикам (не обязательно являющимися участниками Исламского движения Узбекистана - ИДУ) приходится скрываться от «операций возмездия», проводимых международной коалицией во главе с США/НАТО или же организовывать отдельные очаги сопротивления. Как альтернативный вариант они рассматривают возвращение на родину - в Ферганскую долину, которая и являлась изначально местом зарождения движения.

Есть и другая сторона у этой проблемы. В условиях тотальной безработицы в Таджикистане, например, бегущие из Афганистана в поисках спасения от военных действий этнические таджики – не обязательно являющиеся участниками боевых формирований, столкнутся в Таджикистане с проблемами, поскольку они создают на рынке труда дополнительную конкуренцию. Она и без того усугублена глобальным финансово-экономическим кризисом, а также возвращением из России и Казахстана потерявших там работу трудовых мигрантов.

Впрочем, информация о злокозненных намерениях «боевиков из Афганистана» (ИДУ) может намеренно запускаться, как американской стороной, так и центральноазиатскими правительствами. Американцы заинтересованы в расширении своего военного базирования. И потому сообщения и прогнозы относительно планов «талибов и исламистских экстремистов» могут служить информационным прикрытием для реального военно-политического закрепления США в ЦА после намеченного на 2011 год сокращения войск в Афганистане. Для

Узбекистана и ряда других государств ЦА раздувание внешней угрозы может служить основанием для «закручивания гаек» внутри страны и для получения международной финансовой помощи на цели «борьбы с терроризмом». Представляется в этой связи, что самую большую угрозу государствам ЦА несет не Афганистан и не талибы, которые в массе своей – националисты-пуштуны, а подрывающий нормальную экономику ЦА наркотрафик и местные оппозиционеры, действующие часто под знаменем ислама.

США приложили немало усилий к тому, чтобы убедить страны ЦА в том, что рассматривают их в более широком контексте и не воспринимают только как придаток своей политики в Афганистане и Пакистане. Так, помимо развития двусторонних отношений между государствами региона и США с целью обеспечения надежности Северного коридора, приоритетными целями официальной политики Вашингтона в регионе были провозглашены: развитие и диверсификация его энергетических ресурсов; поддержка политической либерализации и соблюдения прав человека; содействие развитию рыночной экономики и проведению экономических реформ; предотвращение полного распада государств, что было особенно актуально для Таджикистана и Киргизстана, которые, как отмечал помощник госсекретаря США Джордж Крол, все больше напоминали «несостоявшиеся государства»¹³.

Одним из проводников политики США в ЦА призван был стать созданный в конце 2009 года по инициативе американских конгрессменов Совет по обсуждению проблем Центральной Азии. Его главными задачами провозглашалось укрепление взаимоотношений в борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, содействие освоению природных ресурсов, становление демократического общества и соблюдение прав человека в государствах Центральной Азии. О заинтересованности американской администрации в ЦА, говорят и размеры экономической помощи, предоставляемой государствам региона. Так, в 2011 финансовом году Киргизия получит 40,3 млн. долларов (в 2010 г. - 46 млн. долл.). Объем помощи Таджикистану, хотя немного сократится по сравнению с 2010 г. (42,5 млн. долларов), но составит в 2011 г. 41,5 млн. долл. Военные ассигнования Киргизии сократятся - с 3,5 до 2,4 млн. долларов; Таджикистану – с 1,5 до 1,2 млн. долл. Объем помощи Узбекистану и Казахстану останется неизменным, а Туркменистану вместо 12,5 млн. долл., полученных им в 2010 г., достанется в 2011 году 10 млн. долл.¹⁴

Показателем активности Соединенных Штатов в Центральной Азии стали многочисленные визиты в этот регион высокопоставленных чиновников вашингтонской администрации. Так, на регулярной основе посещал в 2009-2010 гг. Центральную Азию генерал Д. Петреус, являющийся главой Центрального командования вооруженными силами США в центральном регионе (United States Central Command – USCENTCOM). Зона ответственности этой штабной структуры распространяется на территорию 30 государств на Среднем Востоке, в Восточной Африке и Центральной Азии. Благодаря усилиям этого высокопоставленного военного, а также дипломатической деятельности госдепартамента, Вашингтону удалось отстоять авиабазу в бишкекском аэропорту «Манас», через которую, согласно Пентагону, ежемесячно в Афганистан и обратно следовали 15 тыс. военнослужащих сил коалиции и 500 тонн грузов.

Вынужденный из-за событий в Киргизии в апреле 2010 г. временно приостановить переброску своих войск в Афганистан через Манас, Пентагон быстро нашел альтернативный маршрут через Казахстан. Подписав в вашингтонском Белом доме с этим партнером России по всем военным и экономическим объединениям в СНГ Соглашение о стратегическом партнерстве¹⁵, американское руководство

намеревается осуществлять теперь полеты в Афганистан из США через Северный полюс и территорию Казахстана. Не исключено при этом использование военной инфраструктуры ВВС США в Казахстане¹⁶, что будет означать дальнейшее расширение военного присутствия американцев в регионе. Ранее глава казахстанского МИД Канат Саудабаев, выступая на открытом заседании Совета Безопасности ООН, пообещал сфокусировать усилия ОБСЕ, где Казахстан в 2010 г. председательствует, на совершенствовании охраны границ Афганистана с его центральноазиатскими соседями. Запланирована также подготовка афганского персонала на базе пограничного колледжа ОБСЕ в Таджикистане и в таможенном учебном центре ОБСЕ в Киргизии¹⁷.

И в целом Казахстан вывел сотрудничество с НАТО на качественно новый уровень. Так, 19 января 2010 г. в Брюсселе в ходе визита казахстанской делегации во главе с заместителем Министра обороны РК генерал-лейтенантом Булатом Сембиновым состоялось заседание в формате «НАТО плюс Казахстан», на котором был одобрен и принят второй цикл Индивидуального плана действий партнерства Казахстана с НАТО (первый цикл был принят в 2006 г.). Кроме того, НАТО официально пригласила Казахстан присоединиться к миротворческим операциям в Афганистане. И это несмотря на то, что Казахстан является членом ОДКБ и ШОС, которые неоднократно предлагали альянсу сотрудничать в Афганистане.

Не исключено, что в скором времени будет возобновлено сотрудничество и по линии Узбекистан – НАТО, тем более что Узбекистан заявил о своей готовности оказать поддержку антитеррористической операции в Афганистане и разрешить Пентагону транзит через аэропорт Навои невоенных грузов для увеличивающегося американского контингента в Афганистане. Напомним, что и Германия сохранила свое присутствие на военной базе в приграничном с Афганистаном узбекском городе Термезе, через который шло снабжение германских войск в афганской провинции Кундуз. Стратегическое значение этой базы возросло после того, как талибы участвовали в нападении на солдат бундесвера и перерезали альтернативный путь их снабжения через Таджикистан.

Официальный Ташкент позитивно оценил программу президента США по решению афганской проблемы, с которой Обама выступил 1 декабря 2009 г. По мнению министра иностранных дел Узбекистана В. Норова, данная программа в перспективе позволит передать всю ответственность за установление мира и стабильности на многострадальной земле Афганистана в руки самих афганцев. Об этом глава МИД Узбекистана заявил на 17-й встрече Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Афинах 2 декабря¹⁸.

18 августа 2009 г. министр обороны Узбекистана Кабул Бердиев и генерал Дэвид Петреус подписали соглашение о военно-техническом сотрудничестве. Содержавшее более 60 отдельных договоров по самому широкому спектру взаимодействия - от подготовки кадров до закупки американской военной техники, данное соглашение свидетельствовало о том, что Пентагон намерен сделать Узбекистан своим ключевым партнером в регионе, по крайней мере на время проведения афганской операции.

Таким образом, США и НАТО отдают в ЦА предпочтение двусторонним контактам. Сотрудничество же с региональными объединениями – СНГ, ШОС, ОДКБ, способствовало бы, по мысли западных стратегов, еще большей международной легитимации этих структур безопасности (претендующих на то, чтобы стать со временем своего рода альтернативой НАТО в регионе), признанию в мировой политике особой роли России, играющей в этих структурах лидирующую роль. Это означает также, что предложенную России «перезагрузку» администрация США намеревается выполнять на своих условиях, которые в свою очередь базируются на

строго выверенных глобальных американских интересах. То, что они не совпадают с российскими национальными интересами, сомнению не подлежит.

Центральноазиатские «качели»

Центральноазиатские страны, пользуясь разнообразием векторов сотрудничества, предоставляемых им выгодным географическим положением, и разыгрывая различные геополитические «карты», пытаются извлечь максимальную выгоду от частично инициированной ими самими конкурентной геополитической борьбы в регионе.

Красноречивее всего такую политику демонстрирует *Узбекистан*. Это ключевое, по большому счету, государство ЦА остается, наряду с Туркменистаном, самым большим индивидуалистом в регионе: он уклоняется от участия в военных учениях ОДКБ и ШОС, в мероприятиях, в которых есть хоть намек на возможность военной или политической интеграции. В этом Узбекистан преуспел так же, как и Туркменистан, нашедший в своем нейтральном статусе хороший выход для того, чтобы «равноудаляться» на внешнеполитических «качелях» от мировых центров.

Андижанские события мая 2005 г. рассорили Узбекистан с ЕС и США. Однако же США в отличие от ЕС санкций против Узбекистана не вводили, и уже с 2007 г. приступили к неофициальным контактам с Ташкентом. Когда же президентом США стал Б. Обама, то и на официальном уровне о разногласиях, как кажется, постарались забыть. Америка быстро вернулась в «узбекский вакуум» (откуда она, по большому счету, и не особо уходила), где за это время основные региональные конкуренты США так реально и не закрепились. Официальный Ташкент больше не обвинял США в намерениях устроить в стране «цветную революцию». А США не слишком сильно критиковали правительство Узбекистана и его президента по столь болезненной для них проблеме, как права человека. Напротив, распространенными стали рассуждения об «определенных подвижках положительного характера» в Узбекистане.

11 января 2010 г. президент Узбекистана подписал постановление «О мерах по реализации плана действий по укреплению двустороннего сотрудничества между Республикой Узбекистан и Соединенными Штатами Америки на 2010 год». Данный план, в котором отражены меры по развитию двусторонних отношений в сфере политики, безопасности, экономики, человеческого измерения, обеспечения мира и стабильности в Афганистане, был разработан по итогам первого раунда узбекско-американских политических консультаций, состоявшихся в Вашингтон 17-18 декабря 2009 года. Второй раунд консультаций намечен на вторую половину 2010 г. в Ташкенте. План предусматривает мероприятия «в политической сфере, сфере безопасности, экономики и развития, человеческого измерения и в сфере обеспечения мира и стабильности в Афганистане»¹⁹.

Проявил Узбекистан активность в решении ряда ключевых международных проблем, в первую очередь афганской. Особое внимание Ташкента к этой проблеме было обусловлено, во-первых, длительными историческими и культурными связями Узбекистана и Афганистана, где проживало, главным образом на севере, около 3 миллионов узбеков. Во-вторых, в Узбекистане были крайне озабочены возможностью перетекания из Афганистана длящейся там несколько десятилетий нестабильности. Считая, что соседние с Афганистаном государства должны быть вовлечены в процесс обсуждения и выработки общих принципов и подходов к поиску путей урегулирования афганской проблемы, президент Каримов еще в 2008 г. предложил возобновить деятельность функционировавшей под эгидой ООН Контактной группы «6+2» в составе Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана,

Пакистана, Китая, Ирана, США и России и расширить ее («6+3») за счет включения в переговорную схему НАТО. Проигнорировавшие сначала эту инициативу американские и европейские политики начали с 2009 г. широко ее обсуждать.

Узбекистан заинтересован в том, чтобы афгано-пакистанская военная зона перестала быть местом прибежища исламистской несистемной оппозиции, несущей серьезную угрозу правящему режиму Узбекистана. Потому он будет и дальше принимать американскую (наравне с российской) помощь для создания национальной боеспособной армии, предоставлять свою территорию для военного и гражданского транзита сил международной коалиции, воюющей в Афганистане. Заинтересован Узбекистан в мирном Афганистане как в потенциальном рынке для продажи своих энергетических ресурсов, избыточных электрических мощностей. Исходя из этих соображений, Узбекистан расширил свое участие в проектах, нацеливающих центральноазиатские государства, их энергоресурсы, электроэнергию, транспортные мощности на Афганистан и государства Южной Азии. Примечательно, что многое делается по схеме, описанной еще в 2005 году Фредериком Старром в его известной работе «Партнерство в Большой Центральной Азии» для Афганистана и его соседей» ('A Greater Central Asia Partnership' for Afghanistan and its neighbors). Сам Старр, ставший директором Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Дж. Хопкинса, посетил Узбекистан во главе группы экспертов, принятых 12 декабря в 2009 г. президентом И. Каримовым в его резиденции Оскаррой.

Государственная компания «Узбекские железные дороги» и министерство общественных работ Афганистана заключили контракт на строительство железной дороги на севере Афганистана на участке Хайратон – Мазари-Шариф. Было также принято решение о реконструкции железнодорожного перегона Термез–Хайратон и строительстве грузового терминала в Мазари-Шарифе. Узбекистан, таким образом, вплотную приблизился к осуществлению своего давнего замысла – созданию трансфганского коридора для выхода через Мазари-Шариф, Герат и Кандагар к международным морским портам Ирана и Пакистана. При этом Узбекистан уклонялся от сотрудничества с Таджикистаном в вопросах борьбы с наркотрафиком и охраны границ. Не очень активно поддерживал он инициативы России/ОДКБ по Афганистану, что негативно сказывалось на попытках выработать консолидированную позицию государств региона по афганской проблеме. Дистанцировался Узбекистан и от ряда других региональных инициатив по афганскому урегулированию.

В известной мере такая позиция была обусловлена обострившимися отношениями между Узбекистаном и его ближайшим окружением – *Таджикистаном и Киргизстаном*. Напряженность возникла из-за планов Таджикистана и Киргизии, испытывавших острый дефицит электроэнергии, построить при содействии российских компаний Рогунскую ГЭС в Таджикистане и Камбаратинскую в Киргизии. В Узбекистане опасались, что следствием такого строительства станет уменьшение потока воды на трансграничных водных артериях Амударья и Сырдарья. Каримов призвал учитывать интересы его страны, а также Туркмении и Казахстана, которые расположены в низовьях трансграничных рек и всегда испытывали огромный дефицит воды. В связи с этим президент Узбекистана предложил провести под эгидой ООН экспертизу на международном уровне, чтобы можно было бы выявить ущерб аграрному сектору и экологии от возведения новых гидроэнергетических объектов. В свою очередь соседи Узбекистана обвинили его в том, что он использует водную проблему как средство политического давления на соседей. Но расхождения между Узбекистаном, Таджикистаном и Киргизией не сводятся только к вопросу использования водных ресурсов они затрагивают и пути достижения

энергетической независимости. Споры идут также за влияние в регионе, за территории, за Ферганскую долину.

В качестве председательствующего (с июня 2009 по июнь 2010 г.) в Шанхайской организации сотрудничества Узбекистан предложил активизировать взаимодействие ШОС с ООН. Выступая 6 октября 2009 г. в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН, постоянный представитель Узбекистана при этой организации Мурад Аскарлов привлек внимание к серьезным вызовам глобальной безопасности, связанным с угрозами терроризма, распространения оружия массового поражения и систем его доставки. Аскарлов подтвердил твердую приверженность Узбекистана укреплению центральной координирующей роли ООН в организации международного противодействия террористической угрозе.

Заслуживают внимания и инициативы президента И. Каримова по совершенствованию механизмов принятия решений в рамках ШОС. Они были выдвинуты на состоявшемся 15-16 июня 2009 г. заседании Совета глав государств-членов ШОС в Екатеринбурге и на встрече 10-11 сентября президента Узбекистана с национальными координаторами государств-членов ШОС в Ташкенте. Речь шла, в числе прочего, о необходимости создания сводных Правил процедуры ШОС – единого документа, который регламентировал бы порядок инициирования, разработки, согласования и принятия нормативно-правовых документов организации. Каримов предложил также ускорить подготовку необходимых правовых документов, определяющих порядок приема государств-наблюдателей в полноправные члены ШОС.

Более формальный характер носило в 2009 г. взаимодействие Узбекистана с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Президент И. Каримов принял участие во внеочередной сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ, состоявшейся 4 февраля 2009 г. в Москве. Но он отказался от участия в заседании Совета ОДКБ 14 июня. На нем было подписано Соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ. Дистанцировался Узбекистан и от военных учений, включая совместное комплексное учение КСОР ОДКБ по обеспечению коллективной безопасности, проводившееся в 2009 г. в три этапа с 26 августа до середины октября на территории России, Белоруссии и Казахстана. Не участвовали военнослужащие Узбекистана и в антитеррористических учениях «Рубеж-2010» (конец апреля 2010 г.) в Таджикистане.

Узбекистан, таким образом, продолжил маневрирование между различными силовыми центрами. Но хотя в своих отношениях с ними Узбекистан и демонстрировал частичный разворот в сторону Запада, это крупное центральноазиатское государство оставалось более приверженным многовекторной стратегии. Официальный Ташкент давал также недвусмысленно понять, что не намерен уступать кому бы то ни было региональное лидерство в Центральной Азии.

Пальму первенства в следовании «многовекторности» в политике вполне может разделить с Узбекистаном и Киргизстан, который предоставил свою территорию для военного базирования как США/НАТО, так и России/ОДКБ. Эту ненормальную ситуацию Россия и ее партнеры по ОДКБ и ШОС давно пытались изменить, настаивая либо на указании точных сроков пребывания в «Манасе» американских военнослужащих, либо на закрытии этого военного объекта, расположенного в непосредственной близости от находящейся под командованием России базы ОДКБ в Канте, где присутствует в основном российский контингент. В феврале 2009 г. тогда еще действующий президент К. Бакиев подписал указ о закрытии «Манаса», в апреле парламент Киргизии утвердил это решение, и Бишкек получил от России первый транш кредита и помощи в размере 450 млн. долл. США.

Вашингтон, однако, не захотел смириться с такой потерей, и тем более допустить, чтобы Россия взяла в «базовом вопросе» верх. К тому же Киргизия рассматривалась как важное звено американской стратегии в регионе. Это, во-первых, связано с выгодным географическим расположением республики, которая открывает дорогу к двум потенциальным «горячим точкам», в управлении которыми США крайне заинтересованы - китайскому Синьцзяну и Ферганской долине. Во-вторых, хроническая политическая нестабильность и корыстолюбие правящих элит позволяли легко манипулировать и правительством Киргизии, и оппозицией. В этом плане Киргизия превратилась для США в ЦА в то же, чем стала для них на Кавказе Грузия: государством, ценность которого определялась не наличием энергоресурсов, а исключительно географическим положением.

В итоге киргизский президент, ссылаясь на личную просьбу президента Афганистана Хамида Карзая, а главное – добившись от Вашингтона согласия втрое увеличить арендную плату за базу в «Манасе», позволил американцам и дальше пользоваться ею, но под новой вывеской – Центр транзитных перевозок (ЦТП)²⁰. При этом подразделения Франции и Испании, также базировавшиеся в «Манасе», в октябре 2009 г. были вынуждены покинуть базу, так как договориться с Киргизией о продлении договора им не удалось. Попутно американцы получили согласие официального Бишкека на открытие недалеко от китайской границы – в Баткене «контртеррористического тренировочного центра», что еще больше «напрягло» власти КНР, которые и без того не были довольны американским присутствием в Киргизии.

В качестве компенсации власти этой центральноазиатской республики, верные своеобразно понимаемой ими политики многовекторности, дали согласие на создание в Оше сроком на 49 лет и с правом пролонгации военной базы Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ, которые, как предполагалось, должны были стать, наряду с ОДКБ и ШОС, важной компонентой безопасности Центральной Азии. К тому же в Киргизии были напуганы угрозами со стороны соседнего Узбекистана, недовольного ни проникновением из Киргизии экстремистских элементов, ни ее водно-энергетическими проектами, подрывающими, с точки зрения официального Ташкента, экологию и сельское хозяйство Узбекистана. Договоренность о новой базе была достигнута в ходе визита президента России Дмитрия Медведева в Бишкек 1 августа 2009 г.

Резкий афронт президента Узбекистана И. Каримова, вновь завязавшего к тому времени «роман» с Америкой и не отреагировавшего на планы открытия в Киргизии американского центра, вынудил тогда Москву отказаться от бишкекской «компенсации». Известный эксперт по ЦА А. Князев, оценивая внешнеполитическое поведение тогдашних властей Киргизии, подчеркивал, что его вряд ли можно было назвать «отвечающим и национальным интересам самой республики, и просто здравому смыслу»²¹.

17 марта 2010 г. Д. Петреус посетил Киргизию, где он обсудил с К. Бакиевым вопросы двустороннего сотрудничества и ситуацию в Афганистане. Этот визит состоялся через день после того, как администрация президента Барака Обамы подтвердила свое решение о предоставлении руководству Киргизии примерно 5,5 млн. долларов США, предназначенных для строительства контртеррористического центра. Последовавшие затем в апреле известные события в Киргизии под поэтичным названием «революция Розы» (по имени известной оппозиционерки и вдохновительницы «тюльпановой революции» марта 2005 г. Розы Отунбаевой, возглавившей после свержения К. Бакиева временное правительство в Киргизии) приостановили реализацию этих планов. Нельзя при этом не обратить внимания и на то, что Отунбаева в состоявшемся 10 апреля 2010 г. телефонном разговоре с

госсекретарем США, а затем и в интервью Associated Press подтвердила, что в вопросе функционирования ЦТП Киргизия будет следовать ранее достигнутым договоренностям, и новые власти Киргизии продлят еще на год истекающий в июле 2010 г. договор с правительством США об аренде их военной базы²². Так что, возможно, послереволюционная Киргизия тоже не застрахована от сидения на двух, а, возможно и на трех (китайском) «стульях».

Что касается *России*, то она после войны с Грузией стремится к тому, чтобы ускорить создание сферы своих привилегированных интересов в ЦА и в других частях постсоветского пространства. Очевидно и то, что сотрудничество России и стран региона с США/НАТО влечет за собой не только получение определенных внешнеполитических и материальных дивидендов, но также и возникновение дополнительных рисков в таких областях, как распространение религиозного экстремизма, террористическая активность, межэтнические конфликты.

ИДУ, активно вовлеченное, по многим сообщениям, в наркобизнес, не располагает в Узбекистане инфраструктурой для развертывания широкой повстанческой деятельности. Однако же вытеснение из Афганистана и Пакистана имеющих богатый военный опыт боевиков способно дестабилизировать обстановку в республике, тем более что численность узбеков в составе афганского «Талибана» оценивалась экспертами до 20 тыс. человек. Именно поэтому с внешним фактором связали в Узбекистане вооруженные нападения 25-26 мая 2009 г. на Ханабад и Андижан, подрыв там террориста-смертника. Эти события совпали по времени с военной операцией, проводившейся пакистанскими войсками против талибов в долине Сват. А террористические акты с использованием смертников в московском метро (29 марта 2010 г.) и затем в дагестанском Кизляре и Ингушетии некоторые увязали с деятельностью «Теневой Армии» (Lashkar al-Zil), обосновавшейся в Северном Вазиристане - в Размаке, где она собрала под свои знамена «борцов за веру» многих национальностей, включая и чеченцев. На эту группировку возлагают также ответственность за теракт в отеле «Серена» в Кабуле в январе 2008 г. и за нападение в ноябре 2008 г. на индийскую коммерческую столицу Мумбаи²³.

Примечателен и инцидент, произошедший в конце февраля 2010 г. в иранском городе Бендер-Аббасе. Тогда там был принудительно посажен самолет авиакомпании «Кыргызстан», на борту которого находился арестованный затем иранскими спецслужбами руководитель террористической группировки «Джундалла» Абдулмалик Риги. Известно, что «Джундалла» действует при финансовой и военной поддержке США и Великобритании и ставит своей целью отделение от Ирана провинции Систан и Белуджистан. Как выяснили иранцы в ходе допросов Риги, он летел на авиабазу «Манас», чтобы встретиться с высокопоставленными американскими чиновниками. В связи с этим внешнеполитическое ведомство Ирана выступило с заявлением, что в «Манасе» американцы готовят боевиков, засылаемых в их страну. МИД Ирана обратился также к властям Киргизии с заявлением, что подобные действия являются вмешательством во внутренние дела Ирана, и потребовало разобраться в ситуации. Министерство иностранных дел Киргизии только и могло ответить на эту скандальную историю заявлением, что никаких террористов на борту самолета не было, а официальных претензий из Тегерана не поступало²⁴.

Реальным противовесом существующим вызовам и угрозам могла бы стать Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Она создана в 2001 г. лидерами России, Китая, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии и является преемником основанной в 1997 г. «Шанхайской пятерки», куда входили все вышеперечисленные государства кроме Узбекистана, Главными целями организации в период ее создания были заявлены меры по укреплению доверия в

Центральной Азии, борьба с терроризмом, экстремизмом и наркотрафиком. По мере развития организации к этим задачам прибавились другие – развитие экономического сотрудничества, энергетическое партнерство, научное и культурное взаимодействие. Ныне ШОС обладает внушительным ресурсным и человеческим потенциалом. Общая территория входящих в нее стран составляет 30 млн. кв. км, или 60% территории Евразии. Ее совокупный демографический потенциал – это четвертая часть населения планеты²⁵.

Можно ли, исходя из этого, надеяться на то, что ШОС превратится со временем в военный альянс, своего рода «азиатское НАТО»? Пока оснований для этого нет, поскольку Россия и Китай, пусть и озабоченные американо-натовской экспансией в регионе, не готовы в обозримом будущем заключить друг с другом военный союз и взять на себя всю полноту ответственности за обеспечение безопасности региона. Да и внешняя политика центральноазиатских государств не располагает к такому развитию. Страны региона озабочены больше задачами отражения возможных посягательств на их суверенитет, что позволяет национальным элитам полноправно распоряжаться экономическим и культурным достоянием своих республик, а некоторым – и осуществлять без угрозы вмешательства извне властные полномочия в интересах авторитарного правителя либо приближенных из его клана. Пресловутая «многовекторность» позволяет им получать пока дивиденды из различных источников, и, разумеется, им претит перспектива участия в серьезном военном альянсе, где их интересы и амбиции будут ограничены блоковой дисциплиной – то есть тем, чего нет сейчас ни в ОДКБ, ни в ШОС.

Итоги и перспективы

Итак, «перезагрузка» российско-американских отношений оказалась востребованной лишь для решения весьма ограниченного круга международных проблем (сокращение ядерных вооружений – в их числе), по которым обе стороны прагматично попытались договориться. Непосредственным следствием этой политики можно считать подписание договора по СНВ. Но на «баланс» «перезагрузки» можно повесить также ухудшение отношений России со своим ближайшим соседом и важным экономическим партнером – Ираном, стремительное подключение Турции к проблемам постсоветского пространства. В нем самым большим вызовом интересам России остается Китай, активно утверждающийся в ключевых секторах экономики и энергетики республик бывшего СССР. С Китаем Россия продолжит сотрудничество в противодействии наркотрафику, терроризму, экстремизму, но соперничество между обоими государствами в ЦА сохранится и более вероятным видится смещение в этом регионе баланса влияния в пользу Китая. Так что региональная конкуренция на постсоветском пространстве не только не снизится, она станет еще более усложненной.

Афганистан не станет, согласно американскому проекту «Большой Центральной Азии», локомотивом интеграции Центральной и Южной Азии. Разоренный войной он будет вынужден выживать за счет западных доноров. Сохранение статус-кво в Афганистане и Пакистане и сохранение здесь иностранного военного присутствия будет питать наркотрафик, существенную поддержку которому будут оказывать те страны ЦА (Таджикистан, Туркменистан и Киргизстан), где место «нормальной» экономики постепенно займет наркоэкономика, при том что угроза такой же трансформации может встать и перед российской экономикой. Активизация военного фактора в Афганистане и Пакистане чревата также вытеснением укрывшихся здесь боевиков из состава этнических узбеков и таджиков, которые в

массовом порядке станут возвращаться на родину, что создаст реальную угрозу слияния местного экстремистского движения в ЦА с вооруженными выходцами из Афганистана. Отдельные вооруженные столкновения в ЦА могут приобрести характер партизанской войны, хорошо знакомой по опыту гражданской войны в Таджикистане. Само присутствие в Афганистане возглавляемой США коалиции будет подпитывать местное повстанческое движение, которое поддерживает транснациональный терроризм. Присутствие американо-натовских сил помешает также развитию строительства трубопроводов и – что особенно важно – установлению прочного мира в регионе Центральной и Южной Азии.

В ближайшее время права человека и демократия будут играть второстепенную роль в повестке дня для ЦА Европейского Союза, США и других международных игроков. Подтверждением тому служит принятое 21 октября 2009 г. решение ЕС отменить эмбарго на ввоз оружия в Узбекистан, который изменил отношение к себе западных стран после того, как вышел из ЕврАзЭС, «заморозил» свое участие в ОДКБ и разрешил транзит невоенных грузов в Афганистан.

США в обозримый период времени не откажутся от мирового лидерства, а следовательно, и от стратегического присутствия в тех частях земного шара, где это связано с защитой американских интересов. Сохранят они свое присутствие и в Евразии, что обусловлено, в числе ряда других важных причин, ресурсно-энергетическим фактором. На какое-то время США в ЦА останутся игроком извне, включенность которого в евразийские дела будет зависеть от динамики американских национальных интересов и политической тактики. Возврат США в постсоветскую Евразию может оказаться стремительным и мощным в случае быстрой реабилитации американской экономики и восстановления традиционного режима инициативной внешней политики. В этом случае традиционно медленно «сосредотачивающаяся» Россия может быть потеснена с позиций, на которых ей удастся утвердиться во время «передышки» – снижения накала соперничества, вызванного отвлечением США на решение более неотложных проблем (кризис, Ирак, Афганистан, Иран). Учитывая это, Москве стоит активизировать «точечное» сотрудничество с некоторыми странами региона в рамках еще не исчерпавших свой потенциал организаций – ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС.

Партнеры России по НАТО, а также США и ЕС, несмотря на все разговоры про «перезагрузку», не смогут преодолеть недоверие к России. Они не решатся на равноправное и взаимовыгодное сотрудничество ни с ней, ни с ОДКБ, ни с ШОС даже по такой важной для судеб НАТО проблеме, как Афганистан. Это будет обусловлено идеологическими соображениями, а также той стратегией, от которой они не собираются отказываться. Она заключается в вытеснении по возможности России из ключевых, с точки зрения западных интересов, постсоветских республик, недопущения их интеграции в объединения, где Россия сможет играть значимую роль (будь то Таможенный союз, ОДКБ, КСОР, ШОС и т. п.).

Если конкуренция за контроль над энергоносителями ЦА усилится, то серьезным раздражителем для Запада станет внешнеполитическая независимость России на международной арене и ее нежелание поддерживать многие направления политики США/ЕС/НАТО (в отношении Китая, Ближнего Востока, Ирана). Но соперничество между Россией и США в Центральной Азии – по крайней мере, в период президентства Б. Обамы – не перерастет в военно-политический конфликт, поскольку противоречия будут смягчаться необходимостью взаимодействия в вопросах сокращения ядерных вооружений, борьбы с терроризмом и другими угрозами.

Россия, сохранив влияние в Центральноазиатском регионе, будет, как и сегодня, встречать многочисленные препятствия для продвижения своих интересов

на коллективной основе – в рамках существующих в СНГ организаций, поскольку сам регион не сформировался пока еще как единое политическое и интеграционное целое. А потому отношения РФ со странами Центральной Азии будут носить, как правило, двусторонний характер.

Тлеющие очаги нестабильности в афгано-пакистанской зоне управляемого конфликта, в Синьцзяне, Ферганской долине – угрозы, которые нависают, главным образом, над центральноазиатскими государствами, Китаем, Россией. Вероятность их возгорания весьма велика, что заставит на практике проверить реальную боеспособность существующих в регионе систем безопасности (ОДКБ и ШОС) и только еще формирующихся (КСОР). Очевидно, что ни один из центральноазиатских партнеров России по этим структурам в одиночку с растущими вызовами и угрозами не справится. Пресловутая «многовекторность», в рамках которой одни страны ЦА пытаются балансировать между ОДКБ и НАТО, а другие – отдавать предпочтение военному сотрудничеству с США/НАТО, только размывает региональное взаимодействие, ослабляет совместные усилия. В условиях активизации ведущих мировых держав в Центральной Азии странам региона придется сделать непростой выбор – с кем, в каких сферах и на каких условиях сотрудничать. От этого во многом зависит не только будущее самих этих стран, но и обстановка в регионе, их взаимоотношения друг с другом и с Россией.

Примечания

- ¹ Интервью С. Лаврова агентству «Интерфакс» о внешнеполитических итогах 2009 года. 25.12. 2009. - <http://www.interfax.ru/print.asp?sec=1483&id=116442>
- ² Москва пригрозила Тегерану антиядерными санкциями. 25.03.2010. - <http://lenta.ru/news/2010/03/25/sanctions>
- ³ В. Путин: Бушерскую ГЭС запустят этим летом. 18.03.2010. - <http://top.rbc.ru/economics/18/03/2010/381749.shtml>
- ⁴ В утвержденной президентом РФ 5 февраля 2010 г. военной доктрине России к числу основных военных опасностей отнесено «стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока»// Военная доктрина Российской Федерации. 05.02.2010.- http://news.kremlin.ru/ref_notes/461/
- ⁵ Cohen A. Obama's stake in second Kyrgyz revolution// The Wall Street Journal, 12.04.2010. - <http://online.wsj.com/article/SB10001424052702303828304575180041042112102.html>
- ⁶ Письмо Генерального секретаря Организации Североатлантического договора от 2 октября 2003 года на имя Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Документ S/2003/970. 08.10.2003.- www.un.org/russian/ha/afghanistan/s_2003_970.pdf.
- ⁷ A new strategy for Afghanistan and Pakistan. Опубликовано 27.03.2009 на официальном сайте Белого дома. URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/09/03/27/A-New-Strategy-for-Afghanistan-and-Pakistan/>
- ⁸ The administration strategy in Afghanistan and Pakistan/ Washington, January 25, 2010. - <http://www.americanprogress.org/events/2010/01/jones.html>
- ⁹ Стенограмма интервью Министра иностранных дел России С.В.Лаврова российским СМИ по итогам визита в Туркменистан, 16 марта 2010 года. Документ 322-17-03-2010. www.mid.ru
- ¹⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 43.
- ¹¹ Russia says it has become the world's biggest consumer of heroin. 10.03.2009 – <http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/europe/7935527.shtml>
- ¹² Выступление председателя ГАК, директора ФСКН России Виктора Иванова «Направления сотрудничества России и НАТО по ликвидации планетарного феномена афганского наркопроизводства». - <http://stratgap.ru/pages/strategy/3662/3886/4390/print.shtml>
- ¹³ <http://www1.voanews.com/russian/news/former-ussr/US-Politics-Central-Asia-2009-12-15-79370207.html>
- ¹⁴ Кусера Дж. Центральная Азия и Кавказ: Администрация Барака Обамы занимает умеренную позицию в вопросе оказания помощи странам региона. 11.02.2010. - <http://russian.eurasianet.org/node/30972>

- ¹⁵ US., Kazakhstan Joint Statement on Strategic Partnership. 11 April, 2010. - <http://www.america.gov/st/texttrans-english/2010/April/20100412103638eaifas0.5645563.html?CP.rss=true>
- ¹⁶ Мухин В. В Афганистан через Северный полюс // Независимая газета. 14.04.2010.
- ¹⁷ Корбут А. Миротворческий кафтан Астаны // Военно-промышленный курьер. 17–23.02.2010, №6 (322).
- ¹⁸ Узбекистан поддержал план Обамы по Афганистану. 02.12.2009. - <http://www.gazeta.uz/2009/12/02/plan/>
- ¹⁹ Текст Постановления опубликован на сайте Фергана.ру. http://news.ferghana.ru/archive/2010/postanovl_uzusa.htm. См. также: Узбекистан принимает меры по развитию связей с США. 27.01.2010. - <http://www.uzdaily.com/articles.php?id=1252>
- ²⁰ Эту операцию обозреватель «Евразийского дома» Шамсудин Мамаев трактует следующим образом: «Вашингтон скупил оптом все семейство Бакиевых – подобную практику США хорошо отработали в Афганистане, где они вначале брали под свою опеку, а затем включали в свою команду нужных им политических персонажей. Но при этом Вашингтон неизбежно и сам попадает в определенную зависимость от своих марионеток – это наглядно демонстрирует пример все того же Хамида Карзая, от которого администрация Обамы никак не может избавиться, даже несмотря на массовую фальсификацию им результатов выборов»// Мамаев Ш. Как Америка проиграла России «революцию тюльпанов». 14.04.2010. - <http://www.eurasianhome.org/xml/t/opinion.xml?lang=ru&nic=opinion&pid=1552>
- ²¹ Наличие баз США в Центральной Азии мешает сотрудничеству в регионе, 01.04.2010.- <http://ru.trend.az/print/1661457.html>
- ²² Аренду американской базы "Манас" в Киргизии продлят на год// Associated Press, 14-04-2010. Цит. по: CA-NEWS (KG). - <http://www1.ca-news.org/print/356891>
- ²³ Shahzad S. S. Ilyas Kashmiri strategy behind Dagestan blasts// Asia Times, 02.04.2010 – http://www.atimes.com/atimes/Central_Asia/LD02Ag01.html
- ²⁴ Afrasiabi K. L. Iran wants help from a friend// Asia Times, 12.03. 2010.- http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/LC12Df04.html; см. также: Кожемякин В. Вашингтон готовит плацдарм в Центразии. 18.03.2010. - <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1268862720>
- ²⁵ Кузнецов А. Есть ли будущее у ШОС? Евразия. Информационно-аналитический портал, 23.09.2009. - <http://evrazia.org/print.php?id=1093>

Казахстан после кризиса

Стратегическое расположение на карте мира неразрывно связано со все возрастающей ролью Казахстана в обеспечении энергетической безопасности на евразийском континенте. По подтвержденным запасам нефти Казахстан входит в число ведущих стран мира, занимая седьмое место по запасам нефти, шестое – по запасам газа и второе – по запасам урана. Утвержденные извлекаемые запасы углеводородного сырья по РК, включая сушу: нефти – 30 млрд. барр. (4,0 млрд. тонн), газа – 3,0 трлн. м³. По запасам углеводородного сырья в рамках СНГ республика уверенно занимает второе место после России. В силу уже одних только этих показателей геополитическое положение Казахстана приобретает все большее значение.

Закономерно, что Объединение юридических лиц «Казахстанская ассоциация организаций нефтегазового и энергетического комплекса «KAZENERGY» объединило ведущих лиц и компании для обсуждения острейших проблем современности. На форуме «KAZENERGY»: Глобальные вызовы – стратегические альянсы» шла речь о согласовании странами региона сбалансированной, взаимовыгодной энергетической политики. Участники форума, судя по имеющейся информации, сосредоточили свое внимание главным образом на перспективах развития после кризиса¹.

Официальная оценка степени воздействия мирового экономического кризиса на Казахстан была оптимистичной уже в самом начале его воздействия на экономику страны. Несмотря на то, что кризис сразу же выявил слабость казахстанской экономики, первый вице-премьер РК Умирзак Шукеев сказал в мае 2008 г.: «Все последствия мирового финансового кризиса на сегодняшний момент, я могу уверенно сказать, мы преодолеваем, и это сказалось только на некотором замедлении роста ВВП». Он считал, что «бурный рост наших отраслей реального сектора – это вопрос ближайших нескольких лет».

В этой связи У. Шукеев публично выразил свою убежденность в высоком инвестиционном потенциале казахстанского бизнеса. «Инвестиции национального бизнеса внутри страны уже достигли объема \$80 млрд., наши предприниматели готовы дополнительно вложить до \$40 млрд. в привлекательные инвестиционные проекты»².

На самом деле ситуация является намного сложнее, несмотря на «некоторое замедление роста ВВП».

Влияние кризиса

По итогам 2009 г. ВВП республики вырос в реальном выражении на 1,1%³. Наиболее сильно кризис сказался в результатах 1 квартала 2009 г., когда ВВП снизился на 2,2%, и за 1 полугодие – на 2,4%. На протяжении 3 квартала положение стало выправляться. По итогам 9 месяцев сокращение ВВП составляло 1,5%⁴. В 4 квартале, судя по официальным данным, удалось не только поправить положение дел в пострадавших секторах, но даже несколько улучшить ситуацию в целом. Тем не менее, по сравнению с предшествующими годами произошло довольно существенное снижение темпов роста.

Индекс физического объема ВВП*(в процентах к соответствующему периоду предыдущего года)*

	1 квартал	1 полугодие	9 месяцев	за год
2007	110,6	110,4	109,6	108,9
2008	106,1	105,7	104,0	103,3
2009	97,8	97,6	98,5	101,1

За 2002-2006 гг. индекс физического объема в процентах к предыдущему году увеличивался почти на 10% ежегодно. В 2007 г. он возрос на 8,9% и в 2008 г. – на 3,3%⁵. Следовательно, в 2009 году прирост ВВП сократился в 3 раза. В отличие от ряда сопредельных стран, ВВП Казахстана все же не снизился, как, например, весьма значительно в России, а увеличился. Иными словами, экономика Казахстана, по сведениям национальной статистической службы, стала выходить на путь стабильного роста. Если оценивать положение дел на основе приведенных показателей, Умирзак Шукеев оказался прав. Вопрос в том, достаточно ли пользоваться только этими данными.

Кризис есть кризис, с ним неизбежно связаны определенные потери. По сравнению с январем-декабром 2008 г. сократился розничный товароборот⁶. Численность безработных составила 6,3% по отношению к численности экономически активного населения. Повысились потребительские цены. Без учета неорганизованной торговли внешнеторговый оборот в январе-ноябре 2009 г. уменьшился на 37,8% по сравнению с аналогичным периодом предшествующего года, в том числе экспорт на 43,8%, импорт на 25,9%⁷.

Объем промышленного производства в действующих ценах увеличился на 1,7%, особенно значительно в горнодобывающей промышленности. На общем фоне выделяется сельское хозяйство, где объем валовой продукции возрос на 13,8%.

Финансовые результаты крупных и средних предприятий за 3 квартал характерны сокращением прибыли на 37,1% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. При этом доля убыточных предприятий среди общего числа отчитавшихся достигла 38,4%. У Мажита Есенбаева, председателя Агентства по защите конкуренции, иные данные: более половины государственных предприятий Казахстана убыточны. При этом их количество ежегодно увеличивается⁸. По его словам, по итогам 2008 г. поступления доходов в бюджет составили 1,52 млрд. тенге, что в 57 раз меньше, чем сумма, потраченная государством на их содержание. При этом доля госсектора в экономике не снижается. По сравнению с 2006 г. количество государственных предприятий увеличилось на 10% – с 4659 до 5126.

По информации Антимонопольного агентства, анализ финансово-хозяйственной деятельности показал, что порядка 10% госпредприятий являются убыточными, 10% - прибыльными, остальные 80% показали нулевой результат. При этом наиболее убыточной является отрасль ЖКХ, наиболее прибыльными – предприятия в сфере ТЭК, транспорта и связи (в том числе СМИ). К причинам убыточности госпредприятий можно отнести высокий износ основных фондов, постоянно требующих затрат на ремонт и капитальные вложения, неэффективное использование государственных активов⁹. Таким образом, несмотря на различия в оценке реального положения дел в промышленности, все они рисуют неприглядную картину. Кризис только усугубил положение государственной промышленности.

Сложная ситуация сложилась в финансовом секторе. По международным меркам банковский сектор Казахстана относительно невелик и характеризуется высокой степенью концентрации. По состоянию на начало 2007 г. в банковском секторе насчитывалось 33 банка второго уровня. 14 из них являются банками с иностранным участием (включая 9 дочерних банков-нерезидентов). Большинство банков частные. В собственности государства остаются только Жилстройсбербанк и Банк развития Казахстана. Несколько банков оказались в условиях кризиса в сложном положении. Ситуацию в немалой степени удалось поправить государственному Фонду национального благосостояния «Самрук-Казына». Фонд приобрел доли в пяти банках второго уровня – БТА, Казкоммерцбанка, Народного банка, Альянс Банка и Темирбанка. Тем самым удалось в известной мере нормализовать положение в финансовом секторе и возродить стабильную деятельность банков. В 2010 г. помимо завершения процедур по реструктуризации внешней задолженности банков Фонд ориентируется на системных мерах по поддержке данных кредитных организаций. В частности, за счет реструктуризации планируется списать внешние долги БТА и Альянс банка в объеме \$10 млрд. «Самрук-Казына» намерен после налаживания управления, внедрения риск-менеджмента и контроля добиться снижения доли проблемных кредитов в ссудных портфелях банков и увеличению возвратности кредита. В течение 3-5 лет Фонд планирует продать свои активы в банковской сфере¹⁰.

Успешно росла добыча урана. Добыча природного урана составила около 14 тыс. тонн, или на 63% больше чем в 2008 г.¹¹ Для сравнения: Канада, лидировавшая в урановой отрасли в последние годы, добыла в 2009 г. около 10 тыс. тонн, Австралия – порядка 8 тыс. тонн. По словам вице-президента АО «НАК Казатомпром» Нурлана Рыспанова, в 2010 г. планируется увеличить добычу урана до 18 тыс. тонн. Таким образом, РК займет первое место в мире по его добыче в период максимального спроса на уран.

Объем инвестиций в основной капитал в 2009 г. возрос на 2,1% по сравнению с годом ранее. Кредитные вложения банков второго уровня по состоянию на ноябрь 2009 г. увеличились по сравнению с соответствующим периодом предшествующего года на 5,8%. В общей сумме кредитов доля долгосрочных кредитов составила 84,6%, кредитов в иностранной валюте – 49,9%. Следовательно, реальный сектор начинает получать финансовую поддержку для начавшегося подъема.

Кризис сопровождался увеличением внешнего долга. Валовый внешний долг (ВВД) Республики Казахстан на конец 3-го квартала составил \$111,3 млрд., что составляет 100,8% к ВВП. Впервые в истории Китай вошел в тройку крупнейших кредиторов страны¹². Хотя в 2007 г. внешний долг Китаю едва доходил до \$1 млрд., в 2009 г. он возрос до \$7,81 млрд. Долг Китаю вырос главным образом за счет финансирования газопровода «Казахстан – Китай» и других проектов в Казахстане, связанных с добычей нефти и газа.

Несмотря на ощутимое снижение внешних обязательств банков, внешний долг финансовой отрасли составил \$34,2 млрд. или 30,7%. Продолжается рост обязательств предприятий геологической разведки. Долг отрасли составил \$31,6 млрд. Значительный прирост в \$3,5 млрд. за 9 месяцев 2009 г. показала отрасль строительства, что связано с сооружением казахстанско-китайского газопровода. По словам Тимура Омарова, начальника управления стратегических разработок РФЦА, «общеизвестно, что одними из активных инвесторов являются китайцы. Китайские инвесторы достаточно активны и строят по поводу Казахстана большие планы. Стоит отметить, что, вкладывая деньги в казахстанские компании, Китай отдает предпочтение тем, в которых уже есть китайский капитал. Думаю, что много

миллиардные кредиты, выдаваемые Китаем, имеют целью дальнейшее вхождение в казахстанские предприятия на правах собственников»¹³.

Слабость Казахстана состоит в том, что внешний долг намного превышает величину внутренних источников капитала, составляющую по оценке компании «Тройка Диалог», \$80 млрд. Именно этим объясняются столь активные действия правительства по привлечению крупных инвестиций из Китая.

Объем внешних долговых обязательств со сроком погашения в 2010 г. составляет всего \$16 млрд. Из них \$5 млрд. представляют собой связанные кредиты, которые, скорее всего, будут пролонгированы.

Отношение государственного долга к ВВП составляет менее 10%. Объем внешнего госдолга равен всего \$2 млрд. Для его обслуживания Казахстан располагает валютными резервами в \$21 млрд. и средствами Национального нефтяного фонда в размере \$24 млрд.

Если же учитывать весь объем внешнего долга, то он довольно велик – \$110 млрд. \$70 млрд. предназначены, по сути, для проектного финансирования, привлеченные для увеличения экспортных мощностей и погашаемые за счет выручки от сырьевого экспорта, составляющего в настоящее время \$50 млрд. в год. Вполне возможно, что она будет расти по мере увеличения объемов добычи и вывоза полезных ископаемых. Из остальных \$40 млрд., по мнению экспертов, примерно \$10 млрд., вероятно, будет списано в рамках реструктуризации задолженности обанкротившихся банков, а \$30 млрд. покрываются международными резервами правительства, средствами Национального нефтяного фонда, зарубежными депозитами банков и валютной наличностью на руках населения. Общий размер активов – более \$60 млрд.

В 2009 г. Казахстан привлек зарубежных кредитных средств на \$22 млрд. по соглашениям с Китаем, Всемирным банком, Европейским и Азиатским банками развития.

Национальный банк Казахстана опубликовал данные о международных резервах и активах национального фонда РК¹⁴. Валовые международные резервы составили \$23,218 млрд. Из них активы в СКВ – \$20,718 млрд., в золоте – \$2,501 млрд. По сравнению с началом года они выросли на 16,84%.

Активы Национального Фонда Республики Казахстан равны \$24,368 млрд. По сравнению с началом года они уменьшились на 11,34%.

По сообщению Национального банка Казахстана, с начала 2009 г. тенге ослаб к доллару США на 22,9%¹⁵. Средневзвешенный биржевой обменный курс тенге за 2009 составил 147,51 тенге за доллар. Биржевой курс на конец периода составил 148,46 тенге за доллар.

За 2009 г. объем биржевых торгов на Казахстанской фондовой бирже с учетом сделок на дополнительных торгах не превысил \$47 млрд., снизившись на 30% по сравнению с показателем 2008 г. На внебиржевом валютном рынке объем операций за 2009 год уменьшился по сравнению с 2008 годом на 52,1% и составил \$49,5 млрд.

Оценивая ситуацию, Рашит Ахметов, член Комитета Сената по финансам и бюджету, сказал: «Китайцы, очевидно, будут наращивать присутствие в нашей экономике. Однако не нужно этого панически бояться. Для нашей экономики не важен страновой окрас приходящих денег – главное, чтобы инвестиции и кредиты предоставлялись на выгодных нам условиях. Все сделки оформляются в соответствии с законодательством Казахстана и международными договорами, так что излишне бояться и нагнетать не нужно... Естественно, было бы все же правильнее, выдерживать баланс между такими инвесторами, как Европа, США, Россия и Китай»¹⁶.

Дамир Сейсебаев, руководитель аналитического центра АО «Асыл-инвест», сказал, в частности: «Что касается Китая, то в 2009 году он предоставил порядка \$15 млрд. взамен на нефть и металлы. Именно Китай в 2009 году стал стратегически важным инвестором, ссуды которого необходимы Казахстану в борьбе с финансовым кризисом.

Если обратить внимание на статистику Национального банка, то, по состоянию на 30 сентября 2009, доля ВВД, приходящаяся на Китай, составила 7,02% ВВД или \$7,81 млрд.»¹⁷.

Благодаря государственным вливаниям в банковский сектор финансовое состояние ведущих банков страны стабилизировалось. Более того, стали расти показатели ликвидности и капитализации большинства банков. Возвращается доверие к банкам, о чем свидетельствует восстановление вкладов физических и юридических лиц. За последние пять месяцев 2009 г. вклады населения в банках увеличились на 16%, бизнеса – на 15%. В условиях отсутствия доступа на внешние рынки депозитарная база начинает приобретать важнейшую роль в фондировании банковской деятельности. Доля счетов клиентов в пассивах банков с начала года выросла с 39% до 50%. Соотношение кредитов и депозитов сократилось с 2,0 до 1,7.

Перераспределение вкладов в пользу благополучных банков и рост рынка депозитов заметно улучшили рыночные позиции ведущих банков. Так, Казкоммерцбанк повысил свою депозитную базу с начала года на 21%, Халык банк – на 54%, Банк ЦентрКредит – на 45%. Доля Халык банка на этом рынке выросла с 19% до 22%, БЦК – с 9% до 10%¹⁸.

В 2010 г., по мнению директора ТОО «Акыл-кенес консалтинг» Дауржана Аугамбая, казахстанские банки будут менять свою стратегию¹⁹. По его словам, оптимизация будет идти в двух направлениях. Первое – это рационализация оргструктуры банка и кадров, и второе – отказ от дорогих рекламных модулей. Сейчас каждый сотрудник должен приносить максимальную прибыль, особенно это касается розницы.

Кризис обнажил одну из особенностей экономического развития РК в предшествующий период. Бурный рост экономики, основанный на стремительном росте мировых цен на сырье, снизил внимание к модернизации экономики, развитию конкуренции, структурным преобразованиям, подготовке специалистов-профессионалов, к повышению престижа профессионализма и интеллектуального потенциала. А. Дандыгулов делает более обстоятельные выводы: «На властном Олимпе только сейчас начинают понимать: многие беды исполнительной власти, высшего чиновничества – от незнания азов рыночной экономики и отсутствия цивилизованного бизнес-опыта. Кризис обнажил всю глубину проблемы: акимы, не имеющие практических бизнес-навыков, просто «втупую» выжимают административно-финансовый ресурс из власти – благо он бесконечный. А воодушевленные европейским или американским дипломом «болшаковцы» попадают на высокие должности без практического опыта. Завтра они вполне могут повторить незавидную судьбу «младотурков». В отсутствие квалифицированного резерва власти – последняя окончательно может дискредитировать себя в глазах народа»²⁰.

Перспективы дальнейшего развития

Президент республики Нурсултан Назарбаев, выступая на 22-ом заседании Совета иностранных инвесторов, определил инвестиционные приоритеты: «Я сегодня даю инвесторам, в том числе отечественным, четкий сигнал, что мы будем работать лишь с теми, кто будет предлагать реализацию конкретных проектов,

направленных на диверсификацию экономики и глубокую переработку сырья»²¹. В январе 2010 г. Президент наметил завершение работы над стратегическим планом развития Казахстана на период до 2020 г. Как заявил секретарь Совета безопасности Марат Тажин, «это не только экономический документ, поскольку он является ясным маршрутом в наше ближайшее будущее, маршрутом ближайшего десятилетия»²².

Нурсултан Назарбаев одобрил Концепцию развития финансового сектора страны в послекризисный период²³. Ключевой задачей должна стать ориентация финансовой системы на обеспечение достаточными ресурсами приоритетных секторов экономики. В документе выделены четыре основных направления развития финсектора. Первое – предусмотрено использование института государственно-частного партнерства (ГЧП) как основного механизма финансирования развития экономики страны. В целом процесс финансирования экономики должен будет в большой мере перейти на внутренние источники.

Второе важное направление – внедрение принципа контрцикличности регулирования и надзора финансового сектора. Регулирование будет ужесточаться в период экономического роста, в период спада смягчаться.

Третье направление развития финсектора заключается в выработке оптимального механизма раннего выявления, предотвращения дисбаланса финансового сектора и возникновения «пузырей» на рынках реальных финансовых активов, а также минимизацию системных рисков. В регулярную практику будут внедрены карты рисков (система описания и классификация рисков). Система принятия решений будет базироваться на процедурах раннего выявления рисков на базе индикаторов финансовой устойчивости, взаимосвязи рисков финансового и реального секторов экономики и анализа способности финансовой системы покрыть финансовые убытки без существенного ущерба для стабильности.

Четвертым направлением развития финансового сектора является пересмотр финансового законодательства республики, исходя из уроков глобального финансового кризиса. В том числе будет решаться задача по предотвращению нелегального оттока капитала за рубеж и возврату уже выведенных средств.

На реализацию индустриальных проектов в 2010 г. Россия в общей сложности выделит Казахстану около \$3 млрд. Часть этих средств планируется направить на крупномасштабное строительство энергоблока № 3 Экибастузской ГРЭС-2. Свыше \$12 млрд. Казахстану готовы предоставить китайские банки. ФНБ «Самрук-Казына» сообщил о привлечении кредитной линии Банка развития Китая до \$3 млрд. Средства будут направлены на развитие горно-металлургических комплексов, в том числе «Казамыса». Кроме того, китайский «Эксимбанк» в 2010 г. предоставит кредит на \$10 млрд. для развития нефтегазовой сферы, нефтехимической отрасли, металлургии и других отраслей. В сентябре 2009 г. Китайская инвестиционная корпорация (CIC) за \$939 млн. купила долю в казахстанской нефтегазовой компании JSC KazMunaiGas Exploration Production, являющейся одним из лидеров добычи нефти и природного газа²⁴.

В декабре 2009 г. Болтаном Жамишевым, министром финансов РК, и Шаою Жао, вице-президентом Азиатского банка развития (АБР) было подписано соглашение о предоставлении Казахстану второго транша кредита в размере \$187 млн. для реконструкции автодорог в рамках проекта «Западная Европа – Западный Китай». Общая сумма займа составит \$700 млн.

Крупнейшим объектом, сданным в эксплуатацию в декабре 2009 г. явилось открытие газопровода Туркменистан-Узбекистан-Казахстан-Китай. Видимо, для краткости его называют газопроводом Китай – Центральная Азия. Казахстанский участок газопровода протяженностью в 1200 км (общая протяженность от начальной

точки в Туркменистане до конечной точки в КНР – 7500 км) был построен за рекордные 1 год и 4 месяца²⁵. Первоначально по газопроводу в Китай будет поставляться 13 млрд. м³ топлива в год, к концу 2013 г. поставки увеличатся до 30 млрд. м³²⁶. Деньги на казахстанскую часть проекта были даны китайским Эксимбанком под гарантии китайской нефтяной компании CNPC, владеющей крупными нефтяными и газовыми месторождениями в Казахстане – \$7 млрд. на 15 лет (общая стоимость газопровода – \$20).

Важность создания транспортных коридоров рассматривается РК в качестве одного из возможных путей диверсификации экономики Казахстана, способных связать экономики европейских и азиатских стран с международными коммуникационными артериями Казахстана. Это позволит РК стать реально интегрированным государством и зарабатывать на транзите грузов. По оценкам экспертов, страны, через которые следует транзит грузов, получают ежегодно свыше одного триллиона долларов. Международный транспортный коридор «Западная Европа – Западный Китай» может быть самым коротким на пути из Китая в Европу. Он будет связан с минимальным количеством стран-участниц, а, следовательно, и границ.

В Министерстве транспорта и коммуникаций РК отмечают, что время пути морем доходит до 45 суток, по Транссибу – 14 суток. По новому коридору от китайского порта Ляньюньгань в Желтом море до границ с европейскими государствами – 10 суток. Подсчитали, что этот путь позволит увеличить ежегодные объемы грузоперевозок к 2020 г. с 13 млн. тонн до 33 млн. тонн, то есть в 2,5 раза²⁷.

Коридор будет обеспечивать грузоперевозки по трем основным направлениям: Китай – Казахстан, Китай – Центральная Азия, Китай – Россия – Западная Европа. В Пекине заявлено о планах строительства железной дороги через территорию Киргизии, Узбекистана и Туркмении, которая свяжет КНР с железнодорожными сетями Ирана и Турции²⁸. Во всех этих странах проявляют живой интерес к проекту.

Что касается направления Китай – Центральная Азия, то оно существенно расширяется за счет строительства новых железнодорожных линий на сопредельной территории Китая – в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). В результате достигается эффект, связанный с увеличением прямых грузопотоков между Китаем и отдельными государствами Центральной Азии, а одновременно с известным расширением возможностей грузоперевозок из Китая в Россию и Западную Европу. Завершение строительства железнодорожных линий из Китая в Киргизию неизбежно повлечет развитие новых отраслей хозяйства во всех государствах Центральной Азии.

Маршруты новых железнодорожных трасс в СУАР

Главной проблемой на сегодняшний день является ширина железнодорожной колеи. Китай всячески лоббирует принятый в Европе, Турции, Иране и на его собственной территории вариант колеи шириной 1435 мм. Принятие этого проекта позволит избежать перегрузки товаров на границах и снизить стоимость их доставки. В то же время Киргизия несет обязательства перед странами СНГ по поддержанию принятой в СССР железнодорожной колеи шириной 1520 мм. Если Китаю все же удастся настоять на своем варианте, это станет прецедентом частичного перехода одной из стран Содружества на другой стандарт железнодорожной колеи и, как следствие, ее переориентации на новые транспортные коридоры.

Железная дорога, ведущая из Китая через Центральную Азию в Иран и Турцию, является далеко не единственным транспортным проектом, конкурирующим в части Евразии с другими аналогичными идеями. Азиатским банком развития был инициирован проект CAREC (Central Asia Regional Cooperation). ЕС с начала 1990-х годов пытается реализовать проект ТРАСЕКА (транспортный коридор Европа – Кавказ – Азия). В 2000 г. между Россией, Индией и Ираном было подписано соглашение о транспортном коридоре «Север – Юг». К соглашению присоединилось девять стран. Проект содержит три возможных маршрута до Ирана: через Казахстан и Туркмению, Азербайджан или морским путем через Каспий. Кроме того, Россия и Казахстан развивают железнодорожный и автомобильный транзит грузов из Китая в Европу. Китайский проект имеет ряд преимуществ по сравнению с другими, хотя содержит и свои недостатки. Предложение Китаем нового транспортного проекта заставляют задуматься о его геополитической составляющей, способной в будущем привести к экономической, а вслед за этим – и внешнеполитической переориентации стран Центральной Азии, вовлекаемых в этот проект, с России на Китай²⁹.

В Министерстве транспорта и коммуникаций РК рассчитывают на мультипликативный эффект от строительства железнодорожного коридора. Он будет способствовать развитию внутренней и внешней торговли, снижению

себестоимости товаров и услуг, росте агропромышленного, машиностроительного и добывающего секторов и многих других отраслей экономики.

Одновременно заметно расширяется дорожное строительство. В упомянутом министерстве убеждены, что дорожное строительство относится к числу отраслей с наиболее высокими показателями социально-экономической эффективности. «По экспертным оценкам, 1 млн. тенге инвестиций в развитие дорожной сети позволяет получить прирост ВВП в объеме 6 и более миллионов тенге; 35-40% средств, направляемых в отрасль, возвращаются в бюджеты всех уровней в форме налоговых и иных платежей»³⁰. В этой связи следует отметить расширение сети автозаправочных станций.

Так, в Кызылорде открываются первые автозаправочные станции марки «КазМунайГаз»³¹. Они имеют стратегическое значение, так как именно здесь будет проходить международный коридор автодороги «Западная Европа – Западный Китай». Эта компания контролирует 14% рынка ГСМ по Казахстану. На начало 2010 г. оператор имеет 250 автозаправочных станций. К 2015 г. компания планирует довести свою долю на казахстанском розничном рынке нефтепродуктов до 20%.

Сельское хозяйство является одной из приоритетных отраслей экономики. Ситуация с переизбытком урожая и недостатком мест хранения, возникшая в 2009 г., обозначила целый ряд проблем. По заявлению премьер-министра Карима Масимова, «свободная ликвидность в банках второго уровня на 1 января 2010 года превысила \$11 млрд. Это те ресурсы, которые требуются для инвестирования в экономику, в том числе субъектов агропромышленного комплекса»³².

Китай запросил у Казахстана 1 млн. га сельскохозяйственных угодий для выращивания сои, рапса и кукурузы в обмен на право Казахстана на экспорт 3 млн. тонн зерна в Китай и через Китай в страны Юго-Восточной Азии. После информации Нурсултана Назарбаева о просьбе Китая в Казахстане состоялся митинг протеста против политики властей. На митинге оппозиции прозвучала тема, которая до последнего времени в Казахстане замалчивалась, – продажа китайцам наиболее ценных природных ресурсов страны³³.

Карим Масимов предложил провести балансирование, и, может быть, с учетом прогнозирования планировать посевные площади³⁴. Он рекомендовал применять дифференцированный подход к субсидированию субъектов агропромышленного комплекса – в зависимости от производительности труда и применения ресурсосберегающих технологий. Премьер высказался за поддержку эффективных землепользователей и создание механизма субсидирования процентной ставки для сельхозпроизводителей.

Стратегия развития и новая финансовая система являются одним из значимых результатов и полученных выводов. Большое влияние на политику оказывает реакция зарубежных инвесторов и партнеров на сложности в экономической ситуации в Казахстане. Григорий Марченко, глава Национального банка Казахстана, заявил: «Было ошибкой так сильно полагаться на Лондон, поскольку многие люди ушли в период кризиса, оказавшись ненадежными друзьями... Лондонские инвесторы говорили о долгосрочных обязательствах, но в 80% случаев эти слова оказались неправдой. Мы сделали ошибку, не обратив внимание на Гонконг и Ближний Восток, потому что привлекать деньги в Лондоне было слишком просто»³⁵. В Казахстане решили диверсифицировать размещение акций казахстанских предприятий на азиатских площадках.

В конце 2009 г. агентство Fitch Ratings подтвердило долгосрочный рейтинг эмитента Казахстана на уровне BBB- и изменило прогноз с «негативного» на «стабильный». Эндрю Кохун, директор в аналитической группе Fitch по суверенным рейтингам, отмечает, что «хотя затронутая кризисом банковская система Казахстана

остается источником риска, согласно базовому сценарию Fitch, в дальнейшем стоимость урегулирования ситуации в банковском секторе для суверенного эмитента будет находиться в пределах, соответствующих текущим рейтингам. Более высокие цены на нефть и приток капитала обеспечивают рост официальных резервов, что укрепляет государственный баланс и дополнительно поддерживает «Стабильный» прогноз по суверенному рейтингу»³⁶. Fitch учитывает, что доля проблемных кредитов с просрочкой свыше 90 дней в общих кредитах достигла 19,7% в октябре 2009 г., повысившись по сравнению с 5,2% в конце 2008 г. На агрегированной основе капитализация сектора, по официальным данным, стала отрицательной в мае 2009 г., когда были признаны проблемы у двух крупных банков, допустивших неплатежи. Однако без учета этих банков уровень проблемных кредитов на конец октября составлял 12,5%, а капитализация имела положительное значение (11%). Пока еще слишком рано говорить с уверенностью, что качество активов казахстанских банков стабилизировалось, однако Fitch отмечает, что у банков сохраняется существенная способность абсорбировать убытки, хотя существуют опасения относительно качества кредитов и капитала у некоторых более слабых финансовых организаций.

По мнению узбекских политологов В. Парамонова, А. Строкова, О. Столповского³⁷, пока у играющего стратегическую роль Китая и государств Центральной Азии так и не сложились полноценные экономические отношения, предполагающие глубокую взаимовыгодную кооперацию. С одной стороны, растущие из года в год китайские финансовые ресурсы (инвестиции и кредиты) – серьезное экономическое «подспорье» для центральноазиатских стран, а в случае Таджикистана и Туркменистана – даже ключевой фактор экономической безопасности. С другой стороны, экономическая деятельность китайских компаний в Центральной Азии пока не способствует полноценному промышленному и инновационному развитию стран региона, превращая их лишь в сырьевые придатки Поднебесной. Китайский фактор, считают эксперты, очень скоро станет жизненно важным и для ЦА, и для РФ.

Д. Ашимбаев дополняет оценку обстановки. «Сегодня уже видно, что кризис не смог подтолкнуть элиту к радикальной смене курса. Поскольку она, эта смена, во-первых, означала бы признание порочности ранее проводимой политики, а во-вторых, отрезала бы ее от сверхприбылей. В итоге основным направлением экономической политики последних лет осталась поддержка именно тех секторов экономики, которые являлись основной «кормушкой»: строительство, финансово-банковский сектор и государственные корпорации»³⁸.

Изменение экономического положения Казахстана, возможно, будет связано с реализацией договоренностей, достигнутых во время визита в страну Председателя КНР Ху Цзиньтао. Китай предоставил Казахстану кредитную линию в объеме \$10 млрд. на реализацию стратегически важных для северо-западного соседа экономических проектов. Одновременно с обсуждением конкретных проектов и договоренностей во время визита Ху Цзиньтао выдвинул ряд предложений и инициатив для дальнейшего развития сотрудничества с Казахстаном.

«Первое – это поддерживать тесные контакты на высоком и высшем уровнях, углублять взаимное понимание и доверие»³⁹. Ху Цзиньтао предложил «углублять сотрудничество в энергетической сфере с акцентом на осуществление пилотных совместных проектов», а также продвигать взаимодействие в несырьевых секторах экономики. Глава КНР предложил «укреплять взаимодействие в финансовой сфере и, в частности, интенсивно работать над реализацией проектов с использованием предоставляемых Китаем Казахстану \$10 млрд. кредитов». Наряду с этим Ху Цзиньтао высказался за активизацию сотрудничества в гуманитарной сфере. Он сообщил, что китайская сторона приняла решение увеличить количество

казахстанских студентов, обучающихся в китайских вузах на правительственные стипендии, со 100 до 200 человек.

Президент высказал мнение, что две страны имеют «большой потенциал для улучшения качества экономического сотрудничества, перехода на инновационный характер взаимодействия». Он также приветствовал решение правительства КНР предоставить квоты на импорт казахстанской пшеницы и ее транзита через Китай в третьи страны.

Денежный поток из КНР за первое полугодие 2009 г. более чем утроился по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. Максимальный объем вложений пришелся на строительство. Китайские вложения в этот сектор составили \$4,8 млрд. (58,9% от всех иностранных инвестиций в отрасль). Соседей привлекает также горнодобывающая промышленность – \$2,1 млрд., или 10,2%, затем торговля (\$401 млн., или 6%) и финансовая деятельность (\$433 млн., или 1,1%). В основном деньги поступают в виде кредитов и ссуд (92%).

Таможенный союз

С 1 января 2010 г. заработали механизмы Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России: единый таможенный тариф, единые правила нетарифного регулирования, включая единый порядок оформления лицензий и ограничений во внешней торговле.

В этой связи до рассмотрения следующих этапов развития Таможенного союза представляет определенный интерес рассмотрение итогов интеграционных процессов в предшествующий период. Эти итоги подвел Европейский банк развития (ЕАБР).

В начале 2010 г. ЕАБР сообщил результаты первого ежегодного исследования, посвященного динамике интеграционных процессов на постсоветском пространстве⁴⁰. Обобщенный показатель интеграции для постсоветского периода в целом свидетельствует о снижении уровня экономического сотрудничества в 2000-х годах. Если уровень интеграции стран СНГ в сфере трудовой миграции и взаимодействия на рынке образовательных услуг резко вырос, то в сфере торговли, энергетики и сельского хозяйства он сократился. По словам руководителя проекта Евгения Винокурова, заместителя начальника аналитического управления ЕФБР, в частности, в области электроэнергетики интеграционные процессы, в связи с кризисом, замедлились – энергоперетоки между странами региона в четыре раза ниже уровня 80-х годов прошлого века. Наблюдается расхождение макроэкономических показателей постсоветских стран. В то же время пространство ЕврАзЭС-3 (трех стран участниц Таможенного союза) стало более интегрированным. «Это свидетельствует о процессе кристаллизации «интеграционного ядра» на постсоветском пространстве», – отмечает Е. Винокуров.

Россия является крупнейшим интеграционным центром на постсоветском пространстве, но уже не единственным – быстро растет роль Казахстана, как второго регионального центра притяжения торговых потоков и трудовой миграции. К ним тяготеют Таджикистан, Армения и Кыргызстан – страны в наибольшей степени интегрированные с другими странами постсоветского пространства. «Это во многом связано, по словам Е. Винокурова, с высокой ролью торговли с постсоветскими странами и вовлеченностью в процессы трудовой миграции в регионе».

«По мнению наших аналитиков, 2010 год может стать годом качественного углубления региональной экономической интеграции, в первую очередь, среди стран «интеграционного ядра». Мы высоко оцениваем перспективы и потенциальный эффект Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси. Действенным

инструментом сближения экономик стран региона должен стать и Антикризисный фонд ЕврАзЭС, функции управляющего которым возложены на ЕАБР»⁴¹.

Главы государств России, Казахстана и Беларуси два года назад утвердили План действий по формированию Таможенного союза⁴². В соответствии с ним формируется единая таможенная территория. На заседании Межгоссовета ЕврАзЭС главы правительств договорились об этапах и сроках формирования Таможенного союза, определяющих формирование единой таможенной территории⁴³.

С введением в действие с 1 января 2010 г. Соглашения о едином таможенно-тарифном регулировании и Соглашения о едином нетарифном регулировании Таможенного союза завершился подготовительный и начался первый этап, который продлится до 1 июля того же года. С 1 июля 2010 г. будет введен в действие Таможенный кодекс и отменено таможенное оформление на внутренних границах стран-участниц Таможенного союза. Тем самым завершится формирование единой таможенной территории и начнется следующий этап. В ходе него будут отменены таможенный и другие формы пограничного контроля между странами-участницами. К 1 июля 2011 г. этот процесс должен быть завершен.

Фактически происходит восстановление былого, советского ЕЭП на фундаментально новых, а именно, принципах рыночной экономики. Становление единого пространства связано с преодолением разного рода препятствий. Некоторые авторы считают, что эти «препятствия носят не столько объективный, сколько субъективный характер. Главными из них являются интересы национальной бюрократии, лишаящейся суверенной самостоятельности ведомств и монополий, стремящихся к ограничению конкуренции, – пишет академик Сергей Глазьев – и продолжает: «После десятилетия распада и деградации появление регионального таможенного союза на постсоветском пространстве – важнейшее геополитическое достижение, дающее конкретные выгоды экономикам интегрируемых государств. Восстановление производственной кооперации за счет отказа от таможенных барьеров оживит и выведет на качественно новый уровень ранее сложившиеся хозяйственные связи. Создание таможенного союза означает существенное снижение издержек, расширение масштабов производства и повышение конкурентоспособности объединяющихся в единую таможенную территорию национальных экономик»⁴⁴.

В другой статье Сергей Глазьев⁴⁵ пишет: «По расчетам ученых Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, суммарный интеграционный эффект, измеряемый дополнительным производством валового внутреннего продукта, к 2015 году составит примерно \$400 млрд. Государства-участники Таможенного союза за счет интеграционного фактора получают дополнительно около 15% прироста ВВП к 2015 году. Эти расчеты делались до глобального экономического кризиса. По отношению к нынешнему уровню ВВП его прирост в результате интеграционных процессов будет еще больше.

При этом другие оценки, которые делают наши коллеги, скажем, в экономических институтах в Киеве, в Минске, дают примерно сходные результаты. Речь идет о возможностях повышения в среднесрочной перспективе темпов экономического роста в 1,5-2 раза за счет восстановления кооперационных связей и общего экономического пространства».

Немалая часть казахстанского бизнес-сообщества, тем не менее, обеспокоена возможными негативными последствиями вхождения в Таможенный союз. Эти опасения были высказаны, в частности, Талгатом Акуловым, президентом Независимой ассоциацией предпринимателей РК. По его словам, «одна из опасностей состоит в том, что Россия, являясь страной с намного более развитой производственной базой по сравнению с Беларусью и Казахстаном, будет

стремиться защищать свои интересы и делать все, чтобы облегчить продвижение на наш рынок своей продукции. Кроме того, согласно проекту изменения пошлин на ввоз товаров в страну, их увеличение коснется 5044 наименований из имеющихся 17626. Причем в отдельных случаях это увеличение может достигать 60%. Поэтому вполне обоснованы не только опасения предпринимателей по поводу снижения рентабельности казахстанского производства, так как большую часть комплектующих завозят к нам из-за рубежа, но и предположения потребителей о повышении цен на самые различные товары».

Виктория Роденкова⁴⁶, обобщив настроения в казахстанском бизнес-сообществе, замечает, что для Казахстана по ряду пошлин зарезервирован пятилетний переходный период, в течение которого есть возможность обсуждать и принимать решения, выгодные для отечественного производителя, «Еще одним выходом может стать создание объединения казахстанских производственных компаний с российскими и белорусскими предприятиями, ведь таможенных ограничений в торговле между странами не будет».

Согласно информации, поступившей в печать, Игорь Рогов, председатель Конституционного совета Казахстана, заявил, что «решения международных организаций и их органов, образуемых в соответствии с международными договорами, в том числе комиссии Таможенного союза, по общему правилу имеют приоритет перед (национальными) законами...». Тем самым признается приоритетность решений, принимаемых комиссией Таможенного союза, над национальным законодательством республики. Но при этом Казахстан имеет право обжаловать решение комиссии Таможенного союза в вышестоящем руководящем органе, который представляют главы государств-участников Таможенного союза. «Если Казахстан посчитает, что какое-то решение ущемляет его национальные интересы, нарушает его суверенитет, то на уровне высшего органа Таможенного союза республика может наложить вето на него» – пояснил г-н Рогов⁴⁷. Тем самым, Игорь Рогов успокаивал всех сомневающихся в преимуществах Таможенного союза. Однако определенная настороженность и даже убежденность в отрицательном воздействии этой меры на экономику Казахстана остались

Ержан Жанибеков убежден, что производственный сектор Казахстана пострадает от создания Таможенного союза. Суть своей позиции он выразил в заголовке своей статьи: «Роль поставщика сырья»⁴⁸. При этом он ссылается на мнение Талгата Акулова, президента Независимой ассоциации предпринимателей. Среди слабых мест казахстанской экономики он называет сферу малого предпринимательства. В числе недостатков – в Казахстане не разработано налоговое законодательство, которое бы создавало для казахстанских предпринимателей «особые условия, как в Китае». «Только при наличии такового Таможенный союз дал бы нам быстрое развитие казахстанских производственных мощностей» – сказал г-н Акулов.

Интересно, какой смысл будет иметь Таможенный союз, если все государства-участники установят «особые условия» для национальных предприятий? Что касается утверждения относительно «особых условий» Китая, то это недоразумение, вызванное недостаточным знанием положения дел в этой стране. Однако здесь подробно разбирать этот сюжет нет смысла. Речь идет о Казахстане и Таможенном союзе.

Таможенный союз – во многом действительно неоднозначное объединение. «Отдельные отрасли производства могут попасть в трудное положение, например, легкая промышленность, кондитерская и ликероводочная, пищевая и т.п. Им придется конкурировать с российскими производителями на территории Казахстана. Особенно это относится к приграничным областям республики», – говорит экономист

Канат Берентаев⁴⁹. В то же время, как иногда представляется, некоторые авторы упускают из виду, что смысл созданного Таможенного союза заключается не только в таможенном сотрудничестве, но и создании единого экономического пространства.

Что касается спорных вопросов, то их возникновение является естественным при столь масштабной перестройке экономического взаимодействия нескольких стран. Они могут быть разрешены в ходе четкой, планомерной и взаимовыгодной работы всех членов союза. Этой цели служит разработка Таможенного кодекса. Проводится и «точечная» работа по таможенному регулированию квот и цен по отдельным наименованиям товарам.

Таможенный союз уже привлек внимание сопредельных стран. Киргизия выразила намерение присоединиться к этой группе стран.

Нет сомнения, Таможенный союз является первым шагом на пути восстановления экономического пространства Советского Союза. К 2012 г. тройка государств планирует создать единый экономический рынок. Как заявил Игорь Шувалов, первый заместитель премьер-министра России, он не исключает возможности создания валютного союза как «очередного логического шага».

Один из сложных вопросов будущего заключается в отношении к ВТО. Является ли вступление в ВТО приоритетным направлением деятельности государств-участников Таможенного союза? Не менее, а может быть, даже более важным является разработка совместной долгосрочной экономической и социальной стратегии развития государств-участников союза.

Примечания

¹ «Вопросы, нашедшие решения». <http://www.kapital.kz/ind/4650-voprosy-nashedshie-resheniya.html>

² «Казахстан сегодня». 13.05.2008 г. <http://www.nomad.su/?a=4-200805140631>

³ Финансовый портал. 22.01.2010

⁴ Экспресс-информация от 29.06.2010, 29.09.2010. «Социально-экономическое развитие Республики Казахстан (краткий статистический бюллетень)». Январь-декабрь 2009 года. – Астана.– С.12.

⁵ Экспресс-информация от 30.07.2009.

⁶ «Краткие итоги социально-экономического развития Республики Казахстан в январе-декабре 2009 г.» http://www.stat.rz/news/Hages/pr1_14_01_10.aspx

⁷ Товарооборот Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая с Россией и странами Центральной Азии за девять месяцев 2009 г. снизился на 42,8%. В это же время товарооборот СУАР с США, Германией, Республикой Корея, Финляндией и Швейцарией существенно вырос, а с - Россией снизился <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/2944>.

⁸ «АЗК рекомендует разгосударствление» – Курсивъ. №3 (327), 28.01.2010.

http://www.kursiv.kz/vlast_busines/1195203080-azk-rekomenduet-razgosudarstvlenie.html

⁹ Там же.

¹⁰ Нургүль Айтпаева. «Антикризис Келимбетова» <http://kapital.kz/news/5037-antikrizis-kelimbetova.html>

¹¹ «Урановое ралли осталось за «Казатомпромом» - Курсивъ. 14.01.2010

<http://www.kursiv.kz/industry/1195203002-uranovoe-ralli-jstalos-za-ka...>

¹² «Долговые перемены» – <http://www.kursiv.kz/tendencii/1195203054-dolgovye-peremeny.html>

¹³ Там же.

¹⁴ «Активы Нацфонда Казахстана уменьшились на 11,34%»

http://www.prodengi.kz/lenta/aktivy_nacfonda_kazahstana_umenshilis...

¹⁵ «Тенге ослаб почти на четверть» http://prodengi.kz/lenta/tenge_oslab_na_pochti_na_chetvert/

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ «Банковский сектор Казахстана: достигнуто ли дно?»

http://www.prodengi.kz/publikacii/bankovskij_sektor_kazahstana_dosti...

¹⁹ «Казахстанские банки меняют стратегию»

http://prodengi.kz/lenta/kfzhstanskie_banki_menyayut_strategiyu/

²⁰ А.Дандыгулов. «Потомки Чингисхана глазами Макиавелли-2» «Это Имангали Тасмагамбетов.

Последовательный и верный единомышленник Нурсултана Назарбаева, опытный политик,

безошибочно действующий по наитию, крепкий хозяйственник и харизматичный оратор. За долгие

- годы работы рядом с главой государства он перенял его лучшие качества и наиболее удачные приемы и принципы руководства". <http://centrasia.ru/newsA.php?st=1263549000>
- ²¹ Цит. по: Роденкова В. «Кризис усилил интерес инвесторов» <http://kapital.kz/econom/4860-krizis-usilil-interes-investorov.html>
- ²² «Казахстану разработали стратегический план развития до 2020 г». http://www.prodengi.kz/publikacii/kazahstanu_razrabotali_strategplan...
- ²³ «Государство ужесточает контроль над финсектором» http://www.prodengi.kz/publikacii/gosudarstvo_uzhestochaet_kontrol...
- ²⁴ «Китайская корпорация купила долю в нефтегазовой российской компании» <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/2867/>
- ²⁵ «Казахстанско-китайская альтернатива «Газпрома» <http://www/kursiv.kz/industry/1195202951-kazaxsko-kitajskaya-alternativa...>
- ²⁶ По сведениям BP Statistical Review of World Energy, запасы газа в Туркмении составляют около 8 трлн м³. <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/442869/cat/86>
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Шустов А. «Китайский шелковый путь» <http://www.newsland.ru/News/Detail/id/455478/cat/94/>
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Роденкова В. «Кризис усилил интерес инвесторов» <http://kapital.kz/econom/4860-krizis-usilil-interes-investorov.html>
- ³¹ «КазМунайГаз Өнімдері» дошел до Кызылорды <http://www.kursiv.kz/industry/1195203057-1178azm1201najgazninderi-doshel-dj-kyzylordy.html>
- ³² «Банки должны инвестировать в АПК» http://www.kursiv.kz/bank_fin/1195203050-banki-dolzhy-investirovan...
- ³³ Неклюдова Д. «Казахи вышли на защиту своих ресурсов» <http://newsland.ru/News/Detail/id/456991/cat/42/>
- ³⁴ «У субъектов АПК появятся новые возможности для кредитования» http://panorama.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=8254&Itemid=1
- ³⁵ В.Парамонов, А.Строков, О.Столповский «Китай и Россия могут столкнуться в Центральной Азии» <http://newsland.ru/News/Detail/id/442807/cat/42>
- ³⁶ Fitch Ratings изменило прогноз по Казахстану с «негативного» на стабильный» http://panorama.kz/index.php?option=com_content&task=view&id=8142&Itemid=1
- ³⁷ В.Парамонов, А.Строков, О.Столповский «Китай и Россия могут столкнуться в Центральной Азии» <http://newsland.ru/News/Detail/id/442807/cat/42>
- ³⁸ Д.Ашимбаев. «Элитарный процесс в Казахстане. Ставка на новое поколение управленцев оказалась тупиковой» <http://ctntrasia.ru/newsA.php?st=1263632520>
- ³⁹ «Китай продолжает идти в наступление» http://www.kursiv.kz/vlast_busines/1195202950-kitaj-prodolzhaet-idti-v-nastuplenie.html
- ⁴⁰ «ЕАБР представил систему индикаторов евразийской интеграции» <http://www.inform.kz/rus/article/2232409>
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² http://www.tsouz.ru/MGS/mgs-gg3-06-10-2007/Dokuments/Plan_06102007.doc
- ⁴³ http://www.tsouz.ru/MGS/MGS_23/Pages/reshenie_9prilozenie.aspx
- ⁴⁴ «Вопреки всему» http://gidepark.ru/News/Detail/id/39093/?utm_source=newsletter&utm_medium=mail&utm_campaign=subscription
- ⁴⁵ «Прирост ВВП на 15% – это не предел» http://gidepark.ru/News/Detail/id/39851/?utm_source=newsletter&utm_medium=mail&utm_campaign=subscription
- ⁴⁶ Роденкова Виктория. «Что союз грядущий нам готовит». <http://kapital.kz/news/4757-cto-soyuz-gryadushhij-nam-gotovit.html>
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Жанибеков Ержан. «Роль поставщика сырья» <http://kapital.kz/econom/4948-rol-postavshhika-syrya.html>
- ⁴⁹ Ольга Веселова. «За чей счет интеграция?» <http://kapital.kz/econom/4851-za-chej-schet-integraciya.html>

Китай во внешнеэкономических связях ЦА: угрозы и возможности

Место Китая во внешнеэкономических связях стран Центральной Азии (ЦА) уже не раз становилось предметом научных исследований. Пожалуй, на сегодняшний день наиболее полное освещение эта тема получила в работах С.В. Жукова и О.Б. Резниковой – в том числе их совместной монографии 2009 г.¹ Не менее основательным стало исследование В.С. Фроленкова, также увидевшее свет в 2009 г.²

При очевидных достоинствах указанных работ, к которым мы еще вернемся в дальнейшем изложении, есть ряд вопросов, заслуживающих обсуждения. Представляется также целесообразным дополнить изложенный в монографиях материал некоторыми фактами и комментариями в связи с событиями, происходившими в 2008–2009 гг. в мировой и региональной экономике.

В самом общем виде наш взгляд на затронутые в монографиях проблемы сводится к актуальности поиска *возможностей* улучшения хозяйственного положения государств региона на путях сотрудничества с КНР. Такой взгляд необходим в качестве некоторого противовеса основательно аргументированной С.В. Жуковым и О.Б. Резниковой точке зрения, согласно которой китайская экспансия в ЦА выглядит преимущественно *угрозой* экономике региона. Более сбалансированной в этом вопросе представляется позиция В.С. Фроленкова, отмечающего улучшение геоэкономического положения стран ЦА – в том числе по причине активизации Китая в этом регионе.

Начнем, впрочем, с политики, точнее – трактовки факторов, лежащих в основе создания ШОС, и баланса плюсов и минусов для участников этой организации, подведенного в работе В.С. Жукова и О.Б. Резниковой³. Он выглядит негативным для Казахстана и Узбекистана (и в особенности для России), поскольку, помимо прочего, «подрывает возможности индустриализации».

Создание ШОС трактуется авторами как ошибка России, резко ускорившая темпы продвижения КНР в ЦА⁴.

В связи с этим возникает вопрос об отношении к китайской экспансии и возможности использовать ее в интересах индустриализации стран ЦА.

Не менее важным представляется рассмотрение ШОС в контексте соотношения между глобализацией и регионализацией.

Начнем с последнего пункта. Заметим, что во второй половине 1980-х годов, а также в последнее десятилетие прошлого века глобализация, по всеобщему признанию, явно ускорилась. Во многом это ускорение объяснялось ее быстрым распространением на обширное постсоциалистическое пространство в Европе и ЦА, на котором к тому же разрушались созданные ранее региональные экономические связи. На распахнутых внутренних рынках такие связи заменялись поставками из развитых государств. Вновь образовавшиеся государства наперегонки устремились к членству в глобальных экономических институтах, с энтузиазмом выполняя их рекомендации и пожелания. Однотипность либеральных реформ в переходных и многих развивающихся странах создала к середине 1990-х годов впечатление всеобщего характера глобализации. Ее все чаще стали трактовать как тенденцию, ведущую к единой мировой экономике с господством сильнейшей постиндустриальной державы (монополярному миру), в которой участники отличаются лишь уровнем развития и степенью интеграции в «цивилизованное сообщество». В глобализации, понимаемой таким образом, США (резко усилившие в

начале 1990-х годов свой экономический и политический вес в мире) получили статус наставника и внушительный внешнеполитический ресурс. Усилив его своей информационной мощью, Вашингтон, помимо прочего, приобрел удобный инструмент для проведения стандартного курса «разделяй и властвуй», по возможности блокирующего регионализацию в некоторых регионах мира. Потребность в такой блокировке вытекала из того, что регионализация объективно ведет к существенно иному мироустройству: равноправному взаимодействию нескольких крупных держав и интеграционных группировок, то есть – многополюсному миру. В число нежелательных для США проектов, несомненно, попало и СНГ – его печальное состояние в 1990-е годы, помимо прочего, наглядно показывало превосходство глобализации над регионализацией.

Однако уже вторая половина 1990-х годов выявила серьезные изъяны монополярной глобализации и очевидные препятствия на пути ее ускоренного развития.

Во-первых, за небольшими исключениями, эффективно адаптироваться к глобализации в 1990-е годы смогли лишь крупные диверсифицированные народнохозяйственные комплексы (страны или региональные объединения с населением 200–300 млн. человек). Некрупные и средние страны вынуждены были не адаптироваться, а интегрироваться в мировую экономику, что втягивало их во всеобъемлющую и слишком жесткую конкуренцию. В результате, несмотря на значительное увеличение международной торговли и зарубежных инвестиций, сократились темпы экономического роста в мире, а во многих развивающихся и переходных странах наблюдалось падение производства и ухудшение социально-экономической ситуации.

Во-вторых, форсированная интеграция ряда стран Юго-Восточной Азии в международный рынок капитала привела к тяжелейшему кризису 1997–1998 гг., имевшему огромный антиглобалистский резонанс. Похожие реакции на глобальный финансовый кризис наблюдаются и в наши дни.

В-третьих, наиболее рьяные сторонники глобализации, усматривая в национальном суверенитете помеху прогрессу, вели дело к чрезмерному сужению экономических функций государства. Это вызвало образование «несостоявшихся государств» (failed states) и резкое недовольство старых и новых элит развивающихся и переходных стран.

В-четвертых, с завершением Уругвайского раунда и образованием ВТО в 1995 г. степень либерализации торговли и движения капитала оказалась уже весьма высокой, дальнейшее продвижение по этому пути для многих стран стало выглядеть слишком рискованным.

В результате на рубеже веков глобализация была подвергнута весьма решительной и во многом справедливой критике. Эта критика не прошла бесследно, вызвав существенную корректировку внешней и внешнеэкономической политики во многих странах мира⁵. Такая корректировка, как представляется, легла и в основу создания ШОС. Более частной причиной была реакция Москвы на «неожиданное» решение Б. Клинтона расширить НАТО на Восток в середине 1990-х годов, нашедшая, впрочем, понимание в КНР и ЦА. Таким образом, ШОС в ее нынешнем виде следует рассматривать как организацию, созданную самим ходом мирового развития и, потому, безусловно, перспективную – в отличие, к примеру, от наспех сколоченного ГУУАМА. Предъявлять же этой организации претензии по поводу хода, успехов или прогресса в тех или иных сферах сотрудничества пока преждевременно – организация слишком молода и противоречия между ее участниками вполне естественны. В том же ЕС после восьми лет существования дальше разговоров о

едином рынке дело не шло. АСЕАН, в свою очередь, поначалу был сугубо политической организацией.

Добавим, что усиление регионализации выглядело в новом веке как вполне закономерная и рациональная реакция на чрезмерность внешних воздействий, диспропорции мировой экономики и нараставший гегемонизм в мировой политике.

Регионализация выглядит лучше глобализации в качестве средства поддержания хотя бы относительного равноправия в мире огромного неравенства потенциалов отдельных стран. При этом она не противоречит прямо выгодам глобализации и одновременно выступает как инструмент противодействия ее негативным последствиям. Регионализацию иногда называют «глобализацией снизу», подразумевая ее более демократичный характер.

Эта мысль применительно к Центрально-Азиатскому региону (ЦАР) точно сформулирована В.С. Фроленковым: «ШОС являясь для Пекина инструментом его экономической стратегии в ЦАР, служит механизмом адаптации КНР к процессам регионализации в мировой экономике. Включив Центральную Азию в орбиту своего влияния и обретя единоличное лидерство в ШОС, Пекин сможет использовать Организацию и на глобальном уровне – в качестве мощного «плацдарма и аргумента» в его диалоге с другими мировыми центрами силы – США и Европой»⁶.

Регионализация, кроме того, лучше учитывает индивидуальные особенности малых стран, которым крайне сложно пробиться со своей продукцией на отдаленные мировые рынки, и сбыт по соседству является фактически безальтернативным. В случае с Китаем как региональным экономическим лидером особенно привлекательна низкая подверженность сбыта резким колебаниям мировой конъюнктуры.

Экономические преференции между соседями, составляющие существо процесса регионализации, имеют и глубокий внешнеполитический смысл. В кратком виде этот смысл заключен в слове «добрососедство». Выдвижение принципа добрососедства на передний план во внешней политике тесно связано с первоочередным вниманием к региональным проблемам. Такое видение мира довольно четко зафиксировано в современной китайской политике, документах ШОС и выглядит весьма перспективно.

Опять-таки, согласимся с В.С. Фроленковым в том, что «Мирохозяйственные реалии складываются так, что ни одна национальная экономика не сможет быть конкурентоспособной без интеграции в составе того или иного региона. И эту интеграцию, видимо, надо начать с отладки простых кооперационных процессов»⁷.

Вернемся теперь к оценке китайской экспансии в ЦА. Устойчивость региональных образований в основном определяют успехи и взаимовыгодный характер экономического сотрудничества, формирование эффективных институтов, взаимодополняемость, внутриотраслевое разделение труда и т.п. Таким фактором в ШОС постепенно становится китайская экспансия – товарная, энергетическая, информационная, финансовая и т.п. Радоваться по ее поводу или тревожиться – занятие бесполезное. Важно понимать механизмы этой экспансии. Они же, как представляется, существенно расширяют перед соседними с Китаем странами круг или, как теперь говорят, «окно» возможностей. Выясняется, например, что с помощью китайских компаний можно частично ликвидировать последствия хаотичной приватизации в ТЭКе, происходившей в 1990-е годы. А тем самым – заложить основу для *действительного* сотрудничества в энергетике в рамках ШОС, поскольку встроить в такое сотрудничество непрозрачного или географически далекого частного не так просто.

Да и говоря в более общем виде, следует, по-видимому, сказать, что приход к «столу империалистических яств» (коим, к сожалению, пока в немалой степени

остаются страны ЦА) нового «хищника» в виде Китая – дело не самое плохое. Ведь уже в силу своего опоздания к «столу» Пекин *вынужден* предоставлять условия, более благоприятные, чем те, что имелись прежде.

Наконец, заметим, что в наступившем веке, по точному наблюдению В.С. Фроленкова, Центральная Азия переживает новый этап. Фактически регион преодолевает статус «материковой периферии» и преобразуется в глобально значимый регион, где сталкиваются интересы ряда крупных государств⁸. Добавим, что в известной мере данный процесс связан с активностью Китая в регионе, а также сдвигами во внутренней политике этой страны. Она уделяет теперь гораздо большее внимание собственной материковой периферии, в том числе Синьцзян-Уйгурскому автономному району.

В перспективах, открытых перед странами ЦА (и, добавим, Россией) нынешним бодрым состоянием китайской экономики, новых возможностей совсем немало. Это и рецептура борьбы с кризисом, включая меры превентивного характера, и возможности сравнительно дешевого технического перевооружения промышленности и сельского хозяйства. В обобщенном виде их можно представить как появление нового источника модернизации – все более полноценного и обильного.

Не исключено, что в настоящее время достигнут момент, когда регионализация способна сдерживать и корректировать глобализацию, так как последняя становится менее выгодной и более рискованной. И уже вполне определенно можно судить о том, что глобализация, ведущая к монополярному миру, куда менее вероятна, чем полтора десятка лет назад из-за явного ослабления США. За эти годы резко сократились преимущества этой страны в «новой экономике», утрачена валютно-кредитная монополия, статус крупнейшей промышленной державы мира и т.д. Практически не видно путей улучшения внешней платежеспособности США.

К середине первого десятилетия XXI века выявился еще один важный резерв регионализации. Вслед за значительным улучшением валютно-финансового положения ряда крупных стран их национальные валюты стали использоваться в странах-соседях. Китайские жэньминьби и российский рубль фактически становятся региональными валютами, успешно вытесняя доллар на весьма обширном пространстве.

Теперь непосредственно о предмете данной статьи. Материалы китайской таможенной статистики за 2007–2009 гг. (таблицы. 1, 2), показывают довольно резкий спад торговли КНР со странами центральноазиатской пятерки в 2009 г. после ее быстрого роста в предыдущие годы. Этот спад был более глубоким, чем общее снижение объема внешней торговли Китая, составившее 16% по экспорту и 11,3% по импорту. С другой стороны, еще более глубоким было падение китайского экспорта в Россию, превысившее в 2009 г. 47% и сигнализовавшее об обвальном снижении платежеспособного спроса в РФ. Этот фактор предопределил также резкое снижение реэкспорта и импорта Киргизии.

Таблица 1

Торговля Китая со странами ЦА в 2008 г.

Страны	Стоимость (млн. долл.)			Прирост (%)		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт
Казахстан	17550.1	9818.9	7731.3	26.5	31.9	20.2
Киргизия	9333.4	9212.1	121.3	147.0	151.3	6.7
Узбекистан	1606.7	1277.8	328.9	42.4	67.1	-9.5
Таджикистан	1499.9	1479.7	20.2	186.2	188.0	96.7
Туркменистан	830.5	802.0	28.4	135.5	165.1	-43.3

Источник: Хайгуань тунцзи. 2008. № 12

Таблица 2

Торговля Китая со странами ЦА в 2009 г.

Страны	Стоимость (млн. долл.)			Прирост (%)		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт
Казахстан	14003.8	7748.2	6255.6	-20.2	-21.1	-19.1
Киргизия	5276.0	5227.5	48.5	-43.5	-43.3	-60.1
Узбекистан	1910.0	1560.5	349.4	18.9	22.1	6.2
Таджикистан	1402.6	1217.6	185.0	-6.5	-17.7	813.8
Туркменистан	954.2	915.7	38.5	14.9	14.2	35.3

Источник: Хайгуань тунцзи. 2009. № 12

На этом фоне данные о китайском экспорте в ЦА в 2009 г. показывают очень низкую подверженность хозяйств Узбекистана и Туркменистана мировому кризису. Более того, в Узбекистане темпы роста ВВП в 2007–2008 гг. превышали 9%. Соответственно, возникает мысль о не столь уж безнадежном положении стран, слабо включенных в глобальное разделение труда. Рост привязки к китайской экономике, сохраняющей высокие темпы роста, выглядит уже не недостатком, а преимуществом ЦА, в том числе по сравнению с Россией.

Поэтому вряд ли можно согласиться со следующим: «Китайские компании занимают все рынки и ценовые ниши целиком и без изъятий. Структурно китайское экономическое чудо исключает саму возможность узбекской индустриализации в том ее виде, в котором она проводится в современном Узбекистане»⁹.

Заметим, что в новом веке – при резком росте китайской экспансии в ЦА – доля промышленности в ВВП Узбекистана повысилась с 22 до более чем 32%. Средние темпы роста в этом подразделении в 2005–2007 гг. превышали 8%¹⁰.

Доля Китая во внешней торговле стран ЦА в новом веке имела тенденцию к повышению. В 2008 г. на КНР приходилось 10.9% экспорта Казахстана, 3% узбекского вывоза. Для Таджикистана и Киргизии этот показатель составил соответственно 1,4 и 7,4%.

В импорте государств региона доля КНР в 2008 г. составила 2,9% у Казахстана и 17% у Узбекистана. В Киргизии, реэкспортирующей основную часть импорта из КНР, показатель достиг 226,2% (в силу неполноты таможенной статистики Киргизии), в Таджикистане – 45,2%.

Китай в конце первого десятилетия нового века стал главным торговым партнером для стран ЦА, взятых в целом, несколько потеснив Россию. Согласно прогнозам, представленным в упоминавшихся выше монографиях, доля КНР во внешней торговле стран «пятерки» будет и далее иметь тенденцию к росту.

Поэтому уже в настоящее время складывающаяся структура товарооборота вызывает понятную тревогу: слишком велика доля сырья и топлива в поставках из ЦА в Китай. Надежды на изменение этого показателя остается связывать с программами модернизации и реиндустриализации центральноазиатских государств или первоначально хотя бы с повышением степени переработки вывозимой продукции.

Согласимся с С.В. Жуковым и О.Б. Резниковой в том, что важнейшей и сложнейшей проблемой остается кооперация в сфере обрабатывающей промышленности – сфере, где ЦА решительно проигрывает развитым странам по масштабам и глубине сотрудничества с КНР. Конкурировать с «мастерской мира», не имея с ней тесного сотрудничества, невозможно. К счастью, эта мысль все лучше осознается руководством и бизнесом.

Центральным пунктом при переводе экономики на модернизационные рельсы, а также достижении высоких темпов роста является повышение нормы и массы накопления. В Китае эти показатели близки к предельным величинам, когда-либо достигавшимся в мировой истории. В ЦА при сравнении с другими азиатскими странами лишь Казахстан добился устойчивых успехов (таблица. 3). В то же время норма сбережений в некоторых странах пятерки (Казахстан, Узбекистан) существенно превышает норму накопления, свидетельствуя о наличии внутренних резервов для модернизации. В Казахстане это превышение составляет почти 20%, в Узбекистане – около 10%.

Таблица 3

Норма накопления в отдельных странах Азии в 2001–2008 гг., % к ВВП

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
КНР	36	38	41	43	43	45	43	44
Казахстан	27	27	26	26	31	34	36	28
Узбекистан	21	21	21	24	23	...	...	...
Таджикистан	10	9	10	12	12	16	25	...
Киргизия	18	18	12	15	16	24	27	25
Туркменистан	37	...	...	...	...	...	...	...

Источник: Key Indicators for Asia and the Pacific 2009. ADB. Manila, 2009. P. 179. Данные округлены.

Высокие темпы экономического роста в КНР в последние годы опирались главным образом на развитие промышленности, в том числе на ускоренный прогресс тяжелой индустрии (эта тенденция сохранилась и в 2007–2008 гг.). Продолжение индустриализации – вплоть до 2020 г. – заложено и в стратегические установки руководства страны. Важно подчеркнуть, что в гигантском китайском хозяйстве целенаправленное формирование комплексной промышленной системы опирается в основном на внутренние факторы. Комплексное развитие удастся совмещать с реализацией сравнительных преимуществ страны на мировом рынке, причем отнюдь не только в трудоемких отраслях.

Поэтому не согласимся с тем, что «сохранять высокие темпы роста и поддерживать интенсивные структурные и технологические сдвиги экономика Китая может только за счет экспортной экспансии, которая базируется на импорте сырья»¹¹. Сокращение экспорта и импорта в 2009 г. сопровождалось, помимо прочего, неуклонным повышением темпов роста: с 6,1% в первом квартале до 10,7% в четвертом квартале года.

Динамика внешней торговли Китая за последние несколько лет, как представляется, подтверждает тезис о растущей комплексности, или системности,

экономики этой страны. Значительное и устойчивое превосходство темпов роста экспорта по сравнению с ростом импорта (в котором заметно росла доля быстро дорожавших энергоносителей) в 2005–2007 гг., сменившееся в 2009 г. более глубоким падением экспорта, чем импорта, говорит о трех важных обстоятельствах.

В 2009 г. курс китайской валюты в отношении доллара оставался практически неизменным. В результате снижения курсов валют ряда азиатских стран, включая ЦА, относительная ценовая конкурентоспособность Китая несколько понизилась.

Китайские экспортеры промышленной продукции (в том числе и предприятия с участием иностранного капитала) в растущей мере используют местные компоненты и технологии. Это косвенно подтверждается данными о некотором снижении в китайском экспорте в 2005–2008 гг. доли операций, основанных на изготовлении экспортных товаров из импортного сырья, полуфабрикатов, узлов и деталей. В 2008 г. были сокращены или запрещены некоторые виды толлинговой торговли, что, помимо прочего, привело к заметному снижению доли предприятий с иностранным участием в экспорте: с 57 до 48%.

Некоторое возрождение такой торговли в 2009 г. особенно заметно по импорту и свидетельствует о переориентации на внутренний китайский рынок многих прежних экспортеров, в том числе предприятий с иностранным капиталом. На быстро растущем внутреннем рынке КНР, как представляется, постепенно, но неизбежно появляются ниши, которые могли бы заполнять производители из ЦА.

Технический прогресс закономерно ведет к дальнейшему облагораживанию экспорта Китая. Ведущей тенденцией структурных изменений является повышение качества и технического уровня вывозимой продукции. Обращает на себя внимание существенное ускорение экспорта из Китая на мировой рынок продукции высоких и новейших технологий. Если еще в 2002 г. импорт по этой агрегированной статье превосходил экспорт, то в 2007 г. картина стала противоположной. Актив же в торговле изделиями машиностроительной и электронной промышленности в 2007 г. превысил 200 млрд. долл. (таблица. 4). Налицо превращение КНР в одну из ведущих научно-технических держав, крупного экспортера технологий. Колоссален и внедренческий потенциал этой страны. Все это объективно расширяет круг внешних источников модернизации, доступных теперь странам ЦА.

Таблица 4

Некоторые показатели внешней торговли КНР (млрд. долл.)

Показатели/Годы	2002	2007	2008	2009
Стоимость экспорта	325.6	1 218.0	1 428.5	1 201.7
В том числе:	157.1	701.2	822.9	713.1
продукция машиностроительной и электронной промышленности				
- продукция высоких и новейших технологий	67.9	347.8	415.6	376.9
Стоимость импорта	295.2	955.8	1 133.1	1 005.6
В том числе:	155.6	499.0	538.7	491.4
продукция машиностроительной и электронной промышленности				
- продукция высоких и новейших технологий	82.8	287.0	341.9	309.8

Источник: ГСУ КНР (<http://www.stats.gov.cn>)

Позитивным в указанном выше смысле фактором является и превращение Китая в крупный источник ПИИ. Начатая в первые годы нового столетия программа активизации зарубежных капиталовложений Китая первоначально была ориентирована главным образом на прямые инвестиции. По состоянию на конец 2006 г. накопленные прямые инвестиции КНР в 172 странах и территориях превысили 90 млрд. долл.¹² Около 5 тыс. китайских компаний открыли к этому времени за рубежом свыше 10 тыс. предприятий. В основном они работают в сфере горнодобывающей промышленности, деловых услуг, финансов, оптовой и розничной торговли. В 2007 г. объем реализованных прямых зарубежных инвестиций составил почти 20 млрд. долл. (в 8 раз больше, чем в 2002 г.), а число предприятий с участием китайского капитала увеличилось до 12 тыс.

Капиталовложения за рубежом быстро растут. Прямые инвестиции КНР, накопленные за рубежом на конец 2007 г., достигли почти 120 млрд. долл. В первой половине 2008 г. объем прямых внешних инвестиций достиг 26 млрд. долл., увеличившись в 2,3 раза по сравнению с тем же периодом прошлого года. По итогам года объем инвестиций составил 40,7 млрд. долл. В 2009 г. темп роста инвестиций за рубеж заметно снизился, тем не менее, их объем увеличился до 43,3 млрд. долл. Таким образом, накопленные прямые инвестиции Китая за рубежом можно грубо оценить в 200 млрд. долл. Примерно 7-8% от этой суммы приходится, по нашей оценке, на страны Центральной Азии¹³.

Китай лучше других стран (развитых, переходных и развивающихся) справляется с превращением денег в капитал, причем не фиктивный, а физический. Здесь есть чему поучиться – и не только странам ЦА. Заметим также, что экономическая экспансия этой страны за рубеж продиктована не только избытком капитала, но и стратегическими задачами дополнения народнохозяйственного комплекса недостающими элементами.

Такой тип экспансии существенно отличается от того, что обычно характерен для западных корпораций и банков. Заметно тяготение инвесторов из КНР к реальному сектору, в капиталовложениях намного выше удельный вес вновь создаваемых объектов. Учитывая высокую долю инфраструктурных объектов, можно сказать, что Китай не только захватывает внешние рынки, но и развивает их.

Зарубежная инвестиционная политика КНР характеризуется рядом особенностей. Во-первых, для крупных инвесторов из КНР, которые часто представлены государственными компаниями, важны не только (и не столько) показатели финансовой эффективности. Не меньшее значение имеют системные интересы китайского хозяйства, долгосрочные цели обеспечения его необходимыми ресурсами, в том числе углеводородным и прочим сырьем, включая железную руду, зерно, уголь и т.д. Во-вторых, немалую роль играют и внешнеполитические мотивы, среди которых можно указать на важность тесных и дружественных отношений с соседними государствами, в том числе членами ШОС. В-третьих, инвесторы из КНР больше тяготеют к новому строительству.

Существенное значение имеют и интересы сбалансированного регионального развития. Западные районы КНР, отставшие в сравнении с приморскими провинциями, пользуются в последние годы преференциями, здесь осуществляются крупные инвестиционные проекты. В 2007 г. прирост капиталовложений в данном регионе составил почти 30%, в 2008 г. около 27%, в 2009 г. – 38%. Соответственно, растут и потенциал регионального сотрудничества, и потребности в развитии инфраструктуры.

Основной объем капиталовложений в национальную экономику приходится в КНР на госсектор (почти 60%)¹⁴, преимущественно внутренние факторы определяют

и темпы экономического роста. В 2009 г. при падении экспорта на 16%, прирост ВВП по сравнению с предыдущим годом сократился менее чем на 1% – до 8,7%.

Инвестиционное сотрудничество Китая со странами ЦА находится еще на ранней стадии. Его неразвитость объясняется разными причинами.

Во-первых, Китай лишь относительно недавно достиг капиталоизбыточной фазы экономического развития, сравнительно недавно набрали достаточно сил и опыта тамошние корпорации. Поэтому китайские инвесторы опоздали к «разделу пирога» в ЦА, происходившему главным образом в последнем десятилетии прошлого века. Соответственно, их приходу противились и ранее окопавшиеся на этой территории зарубежные инвесторы, и постепенно матеревшие национальные деловые круги.

Во-вторых, весьма распространенным явлением в ЦА является некоторая подозрительность по поводу «желтой угрозы», нередко сознательно поддерживаемая извне. В целом не хватает объективных знаний о Китае, его действительном потенциале – в том числе в научно-технической области.

В-третьих, недостаточна и зрелость национального капитала в странах ЦА, где говоря в целом, еще далеко до капиталоизбыточной стадии роста. Низка способность делать из денег физический капитал.

Тонка в ЦА китайская диаспора, которая в других регионах мира значительно облегчает приход инвесторов из КНР. Негативную роль играет географическая удаленность от восточных районов Китая, где сосредоточен основной производственный потенциал этой страны.

Однако, с другой стороны, «разогретый» строительно-инвестиционный и машиностроительный комплекс Китая представляет собой реальную силу, сопоставимую с масштабом инфраструктурных и модернизационных задач, стоящих перед государствами региона. Достаточно сказать, что в 2009 г. объем выполненных китайскими компаниями подрядно-строительных работ за рубежом достиг 78 млрд. долл., увеличившись на 37,3% по отношению к предыдущему году. Проблема экономического сотрудничества в двусторонних или многосторонних рамках во многом сводится к поиску взаимовыгодных форм, в полной мере учитывающих новую ситуацию в мировом хозяйстве. Здесь, как представляется, могут быть обнаружены нестандартные решения, позволяющие более полно использовать нынешний потенциал Китая и его потребности.

Нужно внимательно следить за инвестиционными приоритетами Китая: отраслевыми, технологическими, географическими. Очень важны и сдвиги в структуре внутреннего спроса в этой стране. Скажем, ежегодно на несколько миллионов человек увеличивается число китайцев, отправляющихся на отдых за рубеж. К их приему в ЦА не очень-то готовы, и эту готовность можно повысить, действуя совместно с китайским бизнесом.

Более высокими, чем в среднем по стране, темпами растут в последние годы инвестиции в западные и северо-восточные регионы Китая. Это – к выгоде стран ЦА: растет и потенциал сотрудничества, в том числе в области транспорта.

Высокими темпами растут китайские закупки сырьевых товаров. Китай, похоже, становится нетто-импортером сельскохозяйственной продукции – здесь, как представляется, сосредоточен немалый потенциал для взаимовыгодной кооперации. Лесное хозяйство, возобновляемые источники энергии, рачительное использование водных ресурсов – не менее перспективные направления. Поэтому вполне реально найти способы расширения эффекта сотрудничества в энергетической и сырьевой области на более широкую гамму хозяйственных отношений.

В заключение добавим, что по-прежнему очевидны выгоды частичной переброски поставок энергоносителей из стран ЦА на Восток: давление на продавцов со стороны консолидирующихся европейских потребителей и транзитных стран, а также программы сокращения потребления обычных видов топлива в ЕС создают очень жесткий рынок. В Восточной Азии ситуация более благоприятна, в том числе по причине устойчиво растущего спроса на углеводороды в Китае. Думается, что ускорившееся сотрудничество стран ЦА с КНР в поставках природного газа по большому счету не противоречит и интересам России.

Во-первых, строительство газопровода из Туркменистана в Китай уже дало газпромовским структурам конкретные контракты.

Во-вторых, создание на этом пространстве крупной магистрали означает значительный импульс развитию *газопроводной сети* в Азии, что почти автоматически ведет к значительному улучшению *перспектив* Газпрома на все более емком рынке.

В-третьих, с отводом туркменского газа на восток временно снимается угроза его альтернативных российским путям поставок в западном направлении. Это, опять-таки, улучшает позиции Газпрома в нескончаемых баталиях на западном фронте.

Таким образом, и на этом направлении китайская экспансия – к выгоде России. Оснований для чрезмерной тревоги нет, что, разумеется, не снимает с повестки дня вопрос о путях дальнейшего развития сотрудничества в рамках ШОС с учетом новых параметров «китайского фактора».

Продолжение искусственно затянутой урбанизации (переезд из деревни в город, по расчетам китайских экономистов, увеличивает личное энергопотребление более чем в два раза), быстрая автомобилизация, экологические проблемы и т.д. с неизбежностью означают сохранение за Китаем роли одного из наиболее устойчивых потребителей энергоресурсов и перспективных рынков сбыта углеводородного топлива.

В отличие от сотрудничества в энергетической области, предметом которого являются поставки в КНР невозобновляемых ресурсов, кооперация в сфере агропроизводства выглядит особенно привлекательной. Она может быть дополнена программами строительства современного сельского жилья, инфраструктуры, производства строительных материалов, туризма и т.п.

При расширении связей с КНР важно помнить, что среди стратегических целей, которые ставили перед собой китайские реформаторы на первоначальном этапе рыночных преобразований и открытой политики, было «использование внешнеэкономических связей для интеграции внутреннего рынка»¹⁵.

Масштабное и долгосрочное сотрудничество с привлечением крупнейших игроков с обеих сторон можно рассматривать в качестве эффективного пути повышения качества диалога. Энергетика, транспорт и сельское хозяйство выступают здесь естественными сферами приложения не только коммерческих интересов, но и стратегических разработок. В связи с быстро меняющейся ситуацией в мировой экономике нужны постоянные комплексные исследования в этих областях, которые должны проводиться в том числе совместно с китайской стороной.

Заглядывая в будущее отношений стран ЦА с Китаем, можно надеяться на то, что они станут инструментом действительной модернизации хозяйств региона. Причем, имеются в виду не только двусторонние и многосторонние связи. Не меньшее (если не большее) значение имеет анализ китайской экономической модели и заимствование ее лучших черт. Не став «немного китайцами», трудно достичь успехов в модернизации.

Реконструкция промышленности, энергетики, транспорта и сельского хозяйства стран ЦА немыслима без учета динамичных сдвигов в международном разделении труда. Для модернизации необходима политическая стабильность в отношениях с основными партнерами, финансовыми и технологическими донорами. Крупные сдвиги в мировой экономике и политике, связанные с новой ролью Китая, еще в недостаточной степени оценены в планах развития этих государств.

Очень важны и прогнозы перспектив китайского хозяйства, проблем, с которыми сталкивается гигантская страна. Хотя зависимость КНР от международных рынков в новом веке несколько повысилась, решающими в хозяйственной динамике остаются внутренние факторы. Использование сравнительных преимуществ удастся совмещать с целенаправленным повышением целостности и системности самой китайской экономики. При этом анализ длительных тенденций развития Китая, его международной конкурентоспособности, инвестиционного потенциала, состояния финансовой системы и платежного баланса, а также выполнения стратегических установок, принятых в 2007 г., позволяет с уверенностью предполагать сохранение высоких темпов экономического роста в Китае. Отсюда вытекает рост потребностей КНР в минеральных, продовольственных и лесных ресурсах, а также увеличении международных перевозок. Все это вместе взятое позволяет рассчитывать на получение дополнительных ресурсов для начальной модернизации хозяйств стран ЦА. В дальнейшем, по мере структурных сдвигов в экономике КНР, будут неизбежно появляться новые возможности для продолжения модернизации, в которой китайский фактор способен сыграть решающую роль.

В теоретическом, внутривнутриполитическом, а также информационно-пропагандистском плане важна принципиальная оценка китайской экономической модели. Такая оценка могла бы включать анализ соотношений между: экономической статикой и динамикой; равновесными и инвестиционными моделями; государством, монополиями и рынком; финансовикой и реальным сектором.

Кризис 2008–2009 гг. отчетливо выявил и достоинства китайской модели развития, и способность этой страны оказывать реальную поддержку соседям в трудные времена. Крупные кредиты странам ЦА, приобретение пакетов акций местных компаний, несомненно, смягчили негативное внешнее воздействие, повысили интерес местного и иностранного бизнеса к развитию экономики региона. Постепенный набор темпов роста промышленностью Китая в 2009–2010 гг. создал дополнительные возможности экспорта на гигантский и устойчивый рынок. В первые месяцы 2010 г. отмечено значительное (примерно втрое) увеличение китайского импорта из центральноазиатских стран.

Рост спроса в КНР, подогреваемый теперь начавшейся инфляцией, действует в том же направлении. Показательно, что и восточные регионы России, все более тесно связанные с китайским хозяйством, намного легче, чем страна в целом, перенесли последствия глобального финансового кризиса и спада в российской экономике. Нынешняя ситуация в экономике Китая во многом определяет и восстановительные тренды в большинстве стран СНГ, включая Россию и ЦА.

Повторим, что усиление привязки к китайскому хозяйству повышает геоэкономическое значение центральноазиатского региона и его способность противостоять кризисным явлениям. Регион постепенно преодолевает периферийное положение в международном разделении труда.

Кроме того, в последнее время наметилась тенденция к улучшению структуры экономического взаимодействия сторон. В частности, китайские инвесторы подписали крупные контракты на создание в Казахстане трех предприятий по глубокой переработке нефти: двух на базе реконструкции Атырауского НПЗ и одного на базе Шимкентского НПЗ. Стоимость предприятий оценивается примерно в 3

млрд. долл. В начале 2010 г. Китай и Казахстан приняли решение о создании специального инвестиционного фонда для содействия взаимному сотрудничеству в несырьевых секторах экономики.

Примечания

¹ Жуков С.В. Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. – М.: ИМЭМО РАН, 2009.

² Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. – М.: ИДВ РАН, 2009.

³ Жуков В.С., Резникова О.Б. – С. 156.

⁴ Там же. – С. 157.

⁵ В новом веке соотношение между глобализацией и регионализацией, как представляется, полностью перевернулось: регионализация стала уверенно преобладать. «Обозначившееся стремление к расширению регионального сотрудничества до нового масштаба, неизвестного ранее, в значительной степени стало ответом на процесс глобализации», – справедливо отмечал польский ученый Г. Масей в 2002 г. (Экономист. 2002. № 9. С.24).

⁶ Фроленков В.С. – С.229-230.

⁷ Там же. – С. 142.

⁸ Там же. – С. 223.

⁹ Там же. – С. 152.

¹⁰ Key Indicators for Asia and the Pacific 2009. ADB. – Manila, 2009.

¹¹ Жуков С.В., Резникова О.Б. – С. 159.

¹² На конец 2002 г. накопленные инвестиции Китая в 7 тыс. зарубежных предприятий составили 10 млрд. долл.

¹³ В.С. Фроленков оценивает инвестиции КНР, накопленные в ЦА к 2008 г. в 9 млрд. долл. Куда более скромная оценка О.Б. Резниковой не учитывает выкупа китайскими компаниями других иностранных активов в странах ЦА.

¹⁴ Темпы роста инвестиций у госпредприятий – средние, выше динамика в частном секторе, ниже – в секторе предприятий с участием иностранного капитала.

¹⁵ Постановление ЦК КПК относительно реформы хозяйственной системы. – Пекин, 1984. – С. 37.

Трансформация внешней политики Туркменистана при новом руководстве страны

Ни одно из постсоветских государств Центральной Азии не привлекает сегодня столько внимания, как Туркменистан. И дело не только в огромных природных богатствах недр этой страны, и не только в весьма своеобразном характере политического режима Туркменистана, аналогов которому нет нигде более ни в регионе, ни в СНГ в целом. Туркменистан является уникальным государством и в силу особенностей проводимой его руководством внешней политики. Формально основу последней составляет так называемый позитивный нейтралитет.

Полноценный анализ внешнеполитической практики Ашхабада практически отсутствует в современной научной литературе. На наш взгляд именно особенности тоталитарного туркменского варианта правления мешали в прошлом и мешают сегодня объективно оценить сферу внешней политики Туркменистана. Обычно пишущие об этом государстве авторы тяготеют к двум крайностям.

Первая из них, менее распространенная, состоит в том, что некритически воспроизводятся сведения, в изобилии публикуемые пропагандистским аппаратом туркменских властей. Последние, в силу особенностей тоталитарного политического режима, утвердившегося в Туркменистане, не только не допускают свободы мнений и информации, но и жестко насаждают в информационной сфере четкие пропагандистские клише. С их помощью окружение и первого президента страны - Сапармурата Ниязова и нынешнего главы государства – Гурбангулы Бердымухамедова оправдывало проводимую ими политику и даже пыталось сделать ее предметом, если не подражания, то зависти у других народов мира. Объективности ради следует отметить, что особых успехов в выполнении последней задачи не наблюдается.

Вторая крайность, намного более часто встречающаяся на практике, выражается в излишне эмоциональных и преимущественно политизированных оценках состояния дел в Туркменистане. Такому положению дел способствует доминирование в информационном потоке сообщений о Туркменистане европейских, североамериканских СМИ, а также СМИ постсоветских государств, что объясняется и их интересом к отдельным аспектам ситуации в Туркменистане и просто большей развитостью. При этом характер подходов, суждений и оценок этого блока информации также, как правило, явно или неявно детерминирован своими интересами. Европейские и североамериканские авторы традиционно резко осуждают туркменское руководство за антидемократичность и отсутствие элементарных свобод человека. Причем при этом информацию чаще всего используют ту, которая представлена различными группами туркменской оппозиции в изгнании. Естественно, что такая информация для самих туркменских оппозиционных групп является одним из средств достижения их целей борьбы с нынешним режимом президента Туркменистана. В этом смысле эта информация зачастую бывает весьма тенденциозной.

Не всегда отличаются объективностью и СМИ постсоветских государств. Правда, в их позиция часто мотивируется иными причинами: им выгодно акцентировать внимание на негативных моментах ситуации в Туркменистане, поскольку такой подход позволяет косвенно оправдывать прегрешения в их собственных странах. Обывателям приятно сознавать, что есть страна, где дела по сообщениям СМИ обстоят гораздо хуже, чем у них.

Объективности ради необходимо отметить, что такая ситуация сложилась прежде всего из-за информационной закрытости Туркменистана. Причем пока нет достаточно весомых оснований считать, что такая закрытость в ближайшем будущем будет кардинально ослаблена. Даже кончина президента Сапармурата Ниязова в декабре 2006 года, хотя и способствовала большей открытости Туркменистана, тем не менее, выявила стремление властей этого государства сохранить прежний порядок «информационного занавеса». Выезд из республики лиц, подозреваемых в потенциальной нелояльности режиму, то есть способных «развязать языки» за границей, по-прежнему затруднен. В Туркменистане реально существуют запреты и ограничения на свободную деятельность иностранных журналистов.

Поэтому все эти обстоятельства в известной мере затрудняют проведение объективного и полностью научно-достоверного исследования ситуации в Туркменистане. Как нам представляется, обе отмеченные выше крайности дают все же не вполне адекватное представление о реальном положении вещей. Туркменистан в действительности не является «впечатляющим примером чудесного прогресса во всех областях жизни», как об этом неустанно заявляет туркменская официальная пропаганда. Но одновременно он не является и «провальным государством», на котором можно только «поставить крест», поскольку ничего, кроме очередных откровенных глупостей его правителя, там не происходит.

Экономические доминанты формирования внешнеполитической позиции Туркменистана

Выпадение Туркменистана из общего ряда трансформации постсоветских государств, тем не менее не перечеркивает его развития, в том числе и очевидного прогресса в некоторых областях жизни. Оно лишь образует особый феномен, изучение которого может быть продуктивным только при условии избавления от чрезмерно политизированных подходов к анализу.

Распад Союза, разумеется, не мог не отразиться на экономике республики. Ее экономика являлась частью единого народнохозяйственного комплекса, более того, в целом ряде аспектов Туркменистан был весьма сильно зависим от своих северных соседей. Современных промышленных предприятий республика имела очень мало, и ее хозяйство было ориентировано преимущественно на производство двух основных продуктов - добычу природного газа¹ и выращивание хлопка. Причем и тот и другой продукт по большей части предназначался для вывоза за пределы республики через союзные структуры.

Отчасти это объяснялось географическим положением республики, а также особенностями ее новейшей истории. Туркменистан являлся периферийной - пограничной территорией Союза. Границы с Ираном и Афганистаном были тем железным занавесом, который жестко охранялся. Тому были свои причины. После гражданской войны и утверждения власти большевиков – актов, сопровождавшихся в ряде случаев серьезными эксцессами², часть населения Туркменистана, недовольная новыми порядками, эмигрировала в Иран и Афганистан и там участвовала в борьбе против Советов. Эта деятельность постепенно угасала и фактически сошла «на нет» после крушения надежд на поражение СССР во второй мировой войне. Тем не менее, Иран вплоть до исламской революции конца 70-ых годов XX века рассматривался в Москве как государство, идущее в фарватере антисоветской политики США. Естественно, что эти политические детерминанты препятствовали полноценному расширению контактов Туркменистана со своими южными соседями. Впрочем, объективности ради следует отметить, что на

протяжении большей части XX века ни Иран, ни Афганистан не были привлекательными экономическими партнерами. Газ и хлопок Туркменистана при двух последних шахах из династии Пехлеви не могли быть востребованы в Иране в силу полуколониального характера экономики этого государства. Самое же главное, что страны, расположенные южнее Туркменистана, по большей части обеспечены еще более дешевыми ресурсами углеводородного сырья (государства Персидского залива).

Эти обстоятельства, на первый взгляд, должны были бы только усилить неблагоприятные последствия для экономики Туркменистана от крушения хозяйственных связей в результате ликвидации Союза. Однако этого не произошло. Несомненно, потери были немалые, но отнюдь не катастрофичные.

Недостаточная развитость экономики и низкий уровень жизни большей части населения Туркменистана при советской власти³ в известной степени даже сыграл положительную роль в кризисный период распада СССР. Он смягчил социальную напряженность. Когда в других странах СНГ в массовом порядке останавливалась работа промышленных предприятий, рвались цепочки хозяйственных связей, базировавшихся на плановой экономике, и, как следствие этого, огромные массы населения лишались работы и заработка, Туркменистан был лишен этих кризисных явлений. Часть сельского населения, и раньше жившая в известной мере по укладу близкому к патриархальному натуральному хозяйству, не подверглась тотальному обнищанию. Соответственно никакой сколько-нибудь массовой политической активности в силу обострения социальной напряженности, Туркменистан так и не узнал.

В советское время внутреннее потребление природного газа было незначительным – около 10 млрд. куб. м., практически весь объем добычи либо шел на экспорт, либо использовался в качестве топлива на теплоэлектростанциях, причем две три объема электроэнергии также экспортировалось.

Избыток природного газа и электроэнергии позволили руководству Туркменистана обеспечить население республики бесплатным пользованием природным газом, а также электроэнергией и водоснабжением. Тем самым население республики было лишено тех социальных трудностей - жизни без тепла и света, которые стали обыденным явлением для многих других регионов бывшего Союза.

Власти Туркменистана прекрасно понимали ценность «газового фактора», благодаря которому они не без оснований надеялись осуществить подъем и развитие национальной экономики. Поэтому основной задачей во внешней политике страны стала задача обеспечения получения высоких доходов от экспорта углеводородов Туркменистана.

Еще при первом президенте Туркменистана принятой Программой развития Туркменистана до 2010 г. было предусмотрено, что общий объем инвестиций в нефтегазовую отрасль республики должен был составить 26,2 млрд. долл., или 51,7% от всего объема капиталовложений в народное хозяйство. При этом 23,3% инвестиций должны были составить собственные средства Туркменистана, 21,7% - зарубежные кредиты, а 55% - иностранные инвестиции.

Основная ставка при этом делалась на природный газ как на главное природное богатство республики. В отличие от соседнего Казахстана нефть по объективным причинам не была главным приоритетом у туркменского правительства, но и о ней никогда в Ашхабаде не забывали. Туркменистан значительно уступает по объемам добываемой нефти своим соседям, как Казахстану, так и Азербайджану. Пока сотрудничество Туркменистана в сфере нефтедобычи с иностранными партнерами только набирает силу. Доля нефти,

добываемой непосредственно государственным концерном «Туркменнефть» в несколько раз превышает нефтедобычу зарубежных нефтяных компаний. К последним относятся, в частности, узбекские компании, разрабатывающие пограничное туркмено-узбекское месторождение «Яшылдепе-Кокдумалак». Большие надежды на увеличение нефтедобычи руководство республики связывает также с внедрением более эффективного газолифтного способа добычи на крупнейших западных нефтяных месторождениях Туркменистана – «Барсагельмес» и «Котурдепе». Добыча нефти, включая газовый конденсат, в 2009 г. превысила 10 млн. тонн (в 1993 г. она составляла 4,6 млн. тонн, в 1999 г. - 6,1 млн. тонн).

Интерес иностранных компаний к туркменской нефти обусловлен тем, что здесь нет тех специфических трудностей, которые существуют с экспортом газа. Основные запасы жидких углеводородов Туркменистана сосредоточены в прикаспийском Балканском велаяте и на шельфе Каспийского моря, то есть добытая нефть сравнительно легко может быть экспортирована. На экспорт может быть поставлена и продукция расположенного по соседству Туркменбашинского комплекса НПЗ.

Первые совместные с иностранцами проекты по разработке нефтяных месторождений начали осуществляться в республике уже в 1993 г., хотя они не были полностью удачными в условиях падения добычи нефти в Туркменистане в тот период. Значительно более перспективными являются проекты с участием британской компании «Monument Oil & Gas» в разработке месторождений «Бурун», «Кызылкум» и «Каратепе». Пока добыча туркменской нефти находится на уровне, при котором серьезно нельзя обсуждать идеи строительства экспортных нефтепроводов. Однако в будущем не исключено, что с ростом нефтедобычи, эти проекты появятся.

Правовой базой, регулирующей деятельность как национальных, так и иностранных нефтяных и газовых компаний служил принятый в 1996 г. закон Туркменистана «Об углеводородных ресурсах». Данный нормативный акт регулировал правоотношения, возникающие при выполнении любой деятельности, связанной с нефтеразработкой на всей территории, находящейся под юрисдикцией Туркменистана. Закон содержал регламентацию полномочий государственных органов, частных компаний и других субъектов, осуществляющих операции с нефтью и газом. Остается добавить, что законодательные гарантии инвесторам были закреплены также в законах «Об инвестиционной деятельности в Туркменистане» и «Об иностранных инвестициях в Туркменистане».

Уже в последний период жизни президента Ниязова Туркменистан встал активно пытаться привлечь крупных иностранных инвесторов для осуществления проектов по добыче и транспортировке углеводородных ресурсов. Для этого, в частности, упор Ашхабадом был сделан на рекламировании весомости углеводородных ресурсов страны. После их масштабной разведки, уже в 2005 году ресурсы углеводородного сырья Туркменистана оценивались Ашхабадом в 34,5 млрд. тонн нефтяного эквивалента. Правда, целый ряд экспертов приводил более осторожные оценки. Доказанные запасы нефти в республике, по их мнению, составляют пока всего лишь 75 млн. тонн, а не 12 млрд. тонн, как утверждают руководители «Туркменнефтегаза». Однако бесспорным является и тот факт, что разведка на большей части территории республики (особенно на шельфе) только начиналась, и, возможно, подтвердятся именно надежды туркменских нефтяников. Доказанные же запасы туркменского газа (по версии Ашхабада) действительно значительны - 3 трлн. куб. м. Однако и здесь бесспорно, что на каспийском шельфе могут обнаружиться месторождения с запасами вчетверо превышающими этот показатель. Руководство же республики иногда называло цифру запасов в 50 трлн.

куб. м. газа, но пока такие прогнозы не базируются на достаточно серьезных основаниях.

Официальные оценки туркменской стороной были озвучены в ноябре 2005 года на международной конференции «Нефть и газ Туркменистана». В соответствии с ними было отмечено, что нефтегазовый комплекс по-прежнему является приоритетной отраслью экономики Туркменистана. Положение дел в ней во многом определяет общую экономическую ситуацию в стране. Поэтому естественно, что президент Туркменистана Ниязов и правительство страны уделяли первостепенное внимание вопросам комплексного технологического обновления нефтегазовой отрасли и оказывали в этом плане весомую поддержку отечественным предприятиям, направляя на эти цели огромные инвестиции.

Основная ставка в достижении намеченных рубежей правительством делалась на повышении эффективности геологоразведочных работ, открытии новых крупных месторождений нефти и газа, внедрении современных технологий, оборудования и сервисных услуг, существенном увеличении экономического потенциала отрасли за счет строительства новых объектов, развитии производственной и транспортной инфраструктуры, а также на взаимовыгодном сотрудничестве с зарубежными компаниями.

Огромный потенциал ресурсов углеводородного сырья Туркменистана распределен по глубинам и стратиграфическим комплексам неравномерно как по территории суши, так и в туркменском секторе Каспийского моря. Тем не менее, практически вся территория Туркменистана рассматривается как перспективная на нефть и газ. Перспективы недр оценены до глубины 7 км. Основными нефтегазоносными отложениями являются меловые и верхнеюрские - на востоке страны и неогеновые - на западе. В перспективе все активней в разведку и разработку будут включаться более глубокозалегающие отложения миоценового комплекса и мезозоя на западе страны; нижнесреднеюрские и глубокозалегающие отложения до карбоновых включительно - на востоке.

Ресурсы и запасы углеводородов Туркменистана выглядели в оценках туркменской стороны⁴ примерно так:

Начальные суммарные ресурсы - геологические ресурсы - 45,44 млрд. тонн условного топлива, извлекаемые ресурсы - 30,60 млрд. тонн условного топлива. Из недр Туркменистана по состоянию на первое января 2005 года было добыто 2 млрд. 488 млн. 466 тыс. тонн условного топлива.

Текущий резерв на начало 2005 года составил: геологические ресурсы - 42,32 млрд. тонн условного топлива; извлекаемые ресурсы - 27,48 млрд. тонн условного топлива.

В Туркменистане открыто 149 газовых и газоконденсатных месторождений с запасами 4970768 млн. куб. м, в том числе 139 месторождений на суше - 4573361 млн. куб. м и 10 месторождений шельфа - 397407 млн. куб. м. В разработке находятся 54 месторождения с запасами более 2,6 млрд. куб. м, подготовлено к разработке 11 месторождений, в разведке находятся 73 месторождения, в консервации - 11 месторождений. Накопленная добыча газа из недр Туркменистана по состоянию на первое января 2005 г. составила 2 трлн. 32 млрд. 438 млн. куб. м.

В Туркменистане открыто 34 месторождения нефти и 82 месторождения газового конденсата, из них 20 - разрабатываемых месторождений нефти и 38 - газового конденсата, подготовлено к промышленной разработке 4 газоконденсатных месторождения, в разведке находятся 14 нефтяных и 39 газоконденсатных месторождений.

Накопленная добыча жидких углеводородов из недр Туркменистана составила 456,028 млн. тонн. Текущий резерв жидких углеводородов Туркменистана

составляет: геологические ресурсы - 20400,93 млн. тонн, извлекаемые ресурсы - 7697,84 млн. тонн.

В специальной российской литературе чаще всего можно было встретить менее оптимистичные оценки потенциала углеводородов Туркменистана. По понятным причинам они касались, прежде всего, цифр по природному газу. Так разведанные запасы оцениваются всего в 2,86 трлн. кубометров газа, а остаточные извлекаемые запасы 20 основных эксплуатируемых в настоящее время месторождений – в 1,5 трлн. кубометров (в том числе самого крупного из них – «Довлетабад» - в 0,9 трлн. кубометров). Однако при этом стоит учитывать, что российская специальная литературы во многом «подыгрывала» позиции «Газпрома», которому выгодно утверждать, что Туркменистан не располагает такими запасами газа, на которые он, тем не менее, заключает экспортные контракты с разными государствами. Тем самым читателя подводили к выводу, что для нероссийских покупателей туркменского газа его может просто не хватить.

С приходом к власти президента Бердымухамедова эта проблема – отсутствие данных международного аудита стала тормозить планы нового руководства в сфере развития экономики. Партнеры Туркменистана все настойчивее стали добиваться установления ясности с запасами углеводородов республики. Поэтому в Ашхабаде были вынуждены отойти от прежней практики. Был издан указ президента Туркменистана, которым авторитетному международному консультанту - компании «Gaffney, Cline & Associates» (Великобритания) было доверено проведение аудита ресурсов газа на месторождениях «Южный Йолотань-Осман» и «Яшлар», расположенных в Амударьинском бассейне в восточной части Туркменистана.

В середине октября 2008 года британские специалисты предали гласности результаты их исследований⁵. Сделано это было по трем вариантам. По месторождению «Южный Йолотань-Осман» информация была следующей: низкая оценка - 4 трлн. куб. м; оптимальная оценка - 6 трлн. куб. м; высокая оценка - 14 трлн. куб. м газа. Для сравнения: приведенная британцами оптимальная оценка оказалась в несколько раз больше, чем на крупнейшем туркменском месторождении «Довлетабад», что в интерпретации властей Ашхабада ставит «Южный Йолотань-Осман» по его размерам на пятое или даже четвертое место в мире.

Аудит месторождения «Яшлар» также показал, что это достаточно крупное месторождение. По оценкам британских экспертов, объемы газа здесь составляют: низкая оценка - 0,25 трлн. куб. м; оптимальная оценка - 0,675 трлн. куб. м; высокая оценка - 1,5 трлн. куб. м газа⁶.

Таким образом, со сменой главы государства в конце 2006 года Ашхабад не изменил сколько-нибудь принципиально ни стратегию, ни тактику в нефтегазовой сфере. Он лишь немного подкорректировал их. По-прежнему власти Туркменистана заявляют об огромных запасах углеводородов.

В тоже время новый президент Туркменистана способствовал принятию 20 августа 2008 года нового закона «Об углеводородных ресурсах»⁷. Этот акт призван обеспечить более эффективное использование природных богатств страны. Данный акт регулирует правоотношения, возникающие при ведении работ, связанных с нефтегазовой отраслью на территории страны, включая туркменский сектор Каспийского моря. Закон призван создать необходимые правовые и экономические предпосылки для динамичного развития ТЭК и широкого международного сотрудничества в энергетической сфере, в том числе - в области разведки и добычи углеводородного сырья, сервисного обслуживания предприятий нефтегазовой промышленности, стимулирования инвестиций, привлечения в отрасль передовых технологий, новейших научно-технических разработок.

Новый Закон, сфера применения которого в одинаковой степени распространяется как на отечественные, так и на иностранные компании, направлен на создание эффективных правовых и экономических механизмов взаимодействия с зарубежными партнерами. Закон зафиксировал, что все углеводородные ресурсы, которые находятся в недрах Туркменистана, являются исключительной собственностью государства. Законодатель определяет функции и полномочия государственных образований, в компетенцию которых, в частности, входит право их использования и управления, а также права и обязанности национальных концернов и корпораций, иностранных компаний и других лиц, осуществляющих операции; регламентирует порядок и условия выдачи соответствующих лицензий, заключения договоров, в том числе - о разделе продукции, о концессии, о совместной деятельности, а также на сервисные услуги с риском, равно как и условия приостановления или аннулирования этих документов в случае возникновения каких-либо претензий или разногласий.

Если ранее предельный срок действия лицензии на добычу нефти и газа составлял 25 лет, то теперь, в исключительных случаях, он может быть продлен до 35 лет. Данное обстоятельство имеет значение при освоении новых месторождений, требующих вложения значительных инвестиций в поисково-разведочные работы, создание всей необходимой промышленной инфраструктуры - таких, к примеру, как нефтегазовые месторождения туркменского сектора Каспийского моря. Кроме того, в законе конкретизирована финансовая, налоговая и таможенная политика, определены льготы, предоставляемые национальным и иностранным инвесторам и компаниям, что является важным стимулом для привлечения в страну зарубежного капитала. С формальной стороны национальное законодательство Туркменистана базируется на общепринятых нормах международного права и тех международных договорах и соглашениях, которые подписаны Туркменистаном. Признавая их приоритет, вместе с тем, Закон «Об углеводородных ресурсах» усиливает гарантии соблюдения и защиты национальных интересов Туркменистана. Для этого в него введена новая статья – «Применимое право», которая гласит, что все связанные с нефтегазовой сферой договоры и контракты, заключаемые на территории страны, основываются и регулируются исключительно законодательством Туркменистана.

Был также более четко определен юридический и экономический статус Государственного агентства по управлению и использованию углеводородных ресурсов при президенте Туркменистана, который наделен полномочиями по управлению и использованию углеводородных ресурсов. Как юридическое лицо, Агентство устанавливает единые правила освоения месторождений углеводородных ресурсов, правила и стандарты ведения нефтяных работ, проводит международные тендеры и переговоры с потенциальными партнерами, выдает лицензии и подписывает договоры, осуществляет контроль за деятельностью нефтяных компаний, охраной окружающей среды. Кроме того, оно может предъявлять иск или являться ответчиком по иску, приобретать имущество, иметь его в своей собственности или владеть и распоряжаться им, включая имущество, которое государство передает в его пользование или под его управление и т.д.

Важное место в новом законе занимают вопросы, касающиеся трубопроводного транспорта. Определено, что магистральные газопроводы, являющиеся частью единой энергетической системы страны и напрямую связанные с ее безопасностью, являются исключительно собственностью Туркменистана. Их строительство осуществляется только с разрешения и при участии государства. Законом также урегулирован вопрос о праве собственности на имущество, приобретаемое в процессе ведения нефтяных работ, а также на получаемую информацию о недрах - геологическую, геофизическую, сведения о запасах

углеводородных ресурсов. Здесь Ашхабадом был проявлен протекционистский подход. В решении вопросов материально-технического обеспечения предпочтение должно отдаваться оборудованию, материалам, другой продукции, произведенной в Туркменистане, в том случае, если они являются конкурентоспособными по своему качеству, ценам, рабочим параметрам и условиям поставки. При найме на работу персонала также преимущественным правом обладают граждане Туркменистана, трудовые отношения с ними, включая страхование и социальное обеспечение, регулируются национальным законодательством. Охрана окружающей среды, обеспечение безопасности и здоровья персонала нефтегазовых компаний и проживающего в районе ведения нефтяных работ населения является важнейшим аспектом нового закона, в котором установлены более жесткие экологические требования, усилена ответственность за их нарушения.

Подводя промежуточные итоги нашего обращения к экономической сфере Туркменистана, как базе, на развитии которой строится внешняя политика данного государства, отметим, что туркменское политическое руководство стремилось проводить в целом не такую уж неразумную политику, как об этом принято было писать в мировой прессе. Президент Ниязов, равно как и его преемник, - президент Бердымухамедов поставили перед собой цель: модернизировать экономику и последовательно шли по этому пути. Конечно делал президент Ниязов это подчас отнюдь не рыночными, а тоталитарными средствами. Но, если быть объективным, то подобным образом в истории поступали многие национальные лидеры. Достаточно привести пример того же Китая периода правления Мао. Тогда власти этой страны тоже натворили многое из того, что решительно осуждается экспертами: гоняли воробьев, которые, по мнению Мао, были бесполезны и даже вредны, затем вредной объявили интеллигенцию, пропустив ее через кошмар культурной революции. В экономике устраивали один эксперимент за другим – например, директивно обязали в каждой деревне плавить металл. Но ведь в конце-концов, пройдя через это, Китай преобразился. И в этом, как сегодня считают китайцы, есть немалая доля заслуг председателя Мао, а не только Ден Сяо Пина.

С нашей точки зрения нечто подобное можно сказать и о президенте Ниязове: он создал условия для дальнейшей модернизации Туркменистана. Он не разрушил экономику республики, а укрепил ее. В этом отношении Туркменистан выбрал во многом более разумный курс, чем ряд его соседей по СНГ, включая и Россию. Зачем во все возрастающих объемах «гнать на экспорт» сырую нефть и природный газ, если можно переработать их внутри республики и затем уже с гораздо большей выгодой торговать полученными вторичными продуктами переработки. Ведь цены на сырую нефть и на бензин с высоким октановым числом разнятся многократно в пользу последнего. Туркменское руководство поступило иначе: оно вложило огромные средства в модернизацию двух своих НПЗ, после чего они превратились в современные комплексы, способные выпускать широкий спектр продукции с высокой степенью добавочной стоимости.

В результате более трех четвертей добываемой в Туркменистане нефти идет на переработку на собственные заводы⁸. Не следует Ашхабад за своими более благополучными соседями и в другом отношении: в Туркменистане стараются не упускать из собственных рук процесс нефтедобычи. Пока иностранные компании добывают лишь менее четверти от общего объема туркменской нефти. Поэтому присущие многим постсоветским странам, и особенно региону Центральной Азии, настроения, суть которых состоит в том, что, имея такие богатства недр, можно просто лежать на белой кошке и попивать зеленый чай, а богатства будут прирастать трудом приглашенных иностранцев, для Туркменистана не характерны. Объективности ради следует отметить, что курс на переработку нефти в немалой

степени объяснялся также и тем, что с советских времен из Туркменистана не было проложено ни одного экспортного нефтепровода.

Статус нейтрального государства: сущность и причины появления

Ашхабад не устает повторять, что Туркменистан является уникальным государством не только в смысле богатства недр этой республики. Одним из «козырей» для туркмен выступает принятая 12 декабря 1995 года Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций № 50/80А «Постоянный нейтралитет Туркменистана». По утверждению туркменской стороны спонсорами этой резолюции выступили сразу 17 государств. За принятие этого документа проголосовали 185 государств. С тех пор день 12 декабря стал государственным праздником – Днем нейтралитета. В тексте резолюции Туркменистан был провозглашен нейтральным государством, то есть ООН признала и поддержала провозглашение Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета. При этом резолюция содержала характерный для такого рода документов призыв к государствам – членам ООН уважать как этот статус Туркменистана, так и его независимость, и территориальную целостность.

Действительно, в практике ООН подобного рода документы ранее не встречались и в этом смысле казус Туркменистана уникален. Если встать на сугубо формальную и даже в чем-то схоластическую позицию, то можно, вслед за туркменскими авторами утверждать, что нейтралитет Туркменистана - это качественно новый феномен в практике международных отношений. По форме учреждения (способу и условиям приобретения) нейтралитета, действительно, таких прецедентов история не знала. Сначала был принят международно-правовой акт, причем акт самого авторитетного органа мирового сообщества – ГА ООН, а затем уже на его основе было изменено внутреннее – национальное законодательство Туркменистана. Уже 27 декабря 1995 г. решением Халк Маслахаты и Меджлиса были внесены поправки в часть 4 статьи 1 Конституции Туркменистана, где появились ссылки на резолюцию ГА ООН и было зафиксировано, что «признанный мировым сообществом постоянный нейтралитет Туркменистана является основой его внутренней и внешней политики». В тот же день Меджлис принял также Конституционный закон Туркменистана «О постоянном нейтралитете». В соответствии с этим актом была изменена статья 6 Конституции республики, которая теперь получила следующую редакцию: «Туркменистан, являясь полноправным субъектом мирового сообщества, признает приоритет общепризнанных норм международного права, придерживается во внешней политике принципов постоянного позитивного нейтралитета, невмешательства во внутренние дела других стран, отказа от применения силы и участия в военных блоках и союзах, содействия развитию мирных, дружественных и взаимовыгодных отношений со странами региона и государствами всего мира»⁹. Понятие нейтралитет стало одним из стержневых и в принятой в тоже время «Концепции внешней политики Туркменистана как нейтрального государства».

Но по существу нейтралитет Туркменистана ничем особым от того, что мы привыкли понимать под этим институтом, не отличается. В обыденном понимании нейтральным является тот субъект, который не имеет и не проявляет своей особой заинтересованности в отношении каких-либо внешних для его персоны лиц, дел, событий. В международном праве нейтралитет, прежде всего, выражается в невмешательстве государства в чужие конфликты и неучастии его в военных блоках или союзах. Именно нейтральность как неучастие в военных коалициях и войнах в

качестве союзника являлось сердцевиной этого понятия международной политики с древнейших времен.

В современном понимании институт нейтралитета был оформлен впервые после наполеоновских войн на Венском конгрессе европейских держав-победительниц в виде «Акта относительно признания и гарантии постоянного нейтралитета Швейцарии и неприкосновенности ее территории», подписанного представителями Австрии, Франции, Великобритании, России, Пруссии и Португалии 8 (20) ноября 1815 г. Примечательно, что тогда речь шла и о нейтралитете и о независимости Швейцарии. Раздел мира на две системы после второй мировой войны привел к появлению на свет еще одного широко известного государственного нейтралитета – австрийского. 26 октября 1955 г. Федеральным конституционным законом «О нейтралитете Австрии», состоящим всего из двух статей, был провозглашен нейтралитет этого государства¹⁰. Напомню, что 13 марта 1938 г. был осуществлен аншлюс – присоединение Австрии к гитлеровской Германии, а в 1945 г. Австрия была занята советскими войсками, но в отличие от других стран Центральной и Восточной Европы Сталин не стал упорствовать в насаждении здесь коммунистических порядков. В течение 10 лет в Австрии действовал оккупационный режим, который осуществляли власти Великобритании, СССР, США и Франции. Именно СССР настаивал в ответ на вывод своих войск с территории Австрии на взятии ею обязательств государственного нейтралитета. И здесь, как видим, речь шла и о независимости и о нейтралитете. В Европе существует еще одно нейтральное государство – Мальта, нейтральный статус которой установлен 14 мая 1961 г. В Азии несколько позднее появилось два нейтральных государства – Лаос (23 мая 1963 г.) и Камбоджа (23 октября 1991 г.).

Руководство Туркменистана отнюдь не спонтанно обозначило такой свой внешнеполитический курс. Вообще, те, кто внимательно мог наблюдать за действиями первого президента Туркменистана на протяжении длительного периода времени, отмечают, что он в течение нескольких лет после распада СССР вообще предпочитал молчать на бесчисленных встречах руководителей государств СНГ. Бывший главный редактор «Независимой газеты» Виталий Третьяков полагает, что такое поведение Сапармурата Ниязова было связано с тем, что последний никак не мог поверить в произошедшее в декабре 1991 г. Он боялся, что независимость пройдет, как страшный сон, что Союз восстановится, и тогда власти в Кремле припомнят всем «отступникам» из национальных республик их поведение в период «смуты». И это несмотря на то, что в ООН Туркменистан был принят 2 марта 1992 г. Но время шло, и всем стало очевидно, что возврата к прежним временам уже не будет. Вот тогда-то лидер Туркменистана и стал вести себя по-другому, - как полноправный хозяин в своем государстве.

Но прежде он все-таки постарался обезопасить себя от любого серьезного вмешательства извне. Таковое могло исходить не столько со стороны международных институтов и организаций, сколько от некоторых ближайших соседей Туркменистана. Туркменистан граничит на суше с Казахстаном, Узбекистаном, Афганистаном и Ираном, а на море – с Азербайджаном, Ираном и Казахстаном. Впрочем, границы на Каспийском море в тот период были лишь теоретическими, так как правовой статус Каспия регулировался Соглашением о сотрудничестве между Ираном и Советской Россией от 26 февраля 1921 г. и Договором о торговле и мореходстве между Ираном и СССР от 25 марта 1940 г. То есть в качестве границы фигурировала линия Астара – Гасан-кули, разделявшая только иранский и бывший советский каспийский участки моря¹¹.

С Казахстаном у Ашхабада не было особых проблем, хотя исторически туркмены могли бы выдвинуть некоторые претензии, например, на полуостров

Мангышлак, который ранее (с XI в.) заселяли туркменские племена и который был передан в состав Казахстана в 1924 г. (некоторые полукочевые племена туркмен, перекочевали даже на противоположный берег Каспия и сейчас живут в России – в Ставропольском крае). Ссорится с Назарбаевым у Ниязова резонов не было, туркмено-казахстанская граница представляет собой крайне малонаселенные районы. К тому же исторически между казахами и туркменами не было особых трений. Иное дело – другие соседи Туркменистана. Если взглянуть на географическую карту республики, то сразу бросается в глаза, что основные населенные пункты расположены вдоль южных границ Туркменистана (предгорья Копетдага), вдоль его восточной границы – район Амударьи, а также, в меньшей степени, на побережье Каспия.

Южные и восточные границы расселения туркменских племен всегда были проблемными. Персы даже в начале XX века еще совершали грабительские набеги на туркменские земли, входившие в тот период уже в состав Российской империи, с целью захвата рабов. Туркмено-афганская граница в этом отношении была более спокойной: по обе ее стороны в основном жили этнически родственные племена. Район же Амударьи был примечателен тем, что здесь разграничительная линия исторически была проведена большевиками так, что это, при желании, могло быть поставлено под сомнение с исторической точки зрения, как туркменами, так и узбеками. Несмотря на все исторические изыскания первого президента страны Ниязова, изложенные в частности в его книге «Рухнама»¹², несколько последних веков своей истории на самом деле туркмены попадали в зависимость от соседних оседлых узбекских государственных образований (прежде всего Хивинского ханства). Кроме этого события гражданской войны 1992 г. в Таджикистане в Ашхабаде не могли не вызывать вполне обоснованной тревоги. Ведь специалистам хорошо известно, что Эмомали Рахмонов пришел к власти во многом «на узбекских штыках». Этническим узбекам Таджикистана были обещаны материальные блага, в том числе автомашины после победы над частями Народного фронта – противниками Рахмонова. И это узбекское ополчение, буквально обутое в калоши, как раз и брало Душанбе. В Туркменистане же узбеки, расселенные компактно вдоль Амударьи, составляют второй по численности этнос. Поэтому Ниязов не мог не учитывать возможности того, что этот фактор кто-то захочет использовать. В известной степени чутье Ниязову не изменило: по крайней мере как показало дальнейшее развитие событий Узбекистан имел некоторое отношение к попытке организации покушения на жизнь Ниязова в ноябре 2002 года.

В результате Ниязов вел себя как хитрый восточный политик, заключая союзы поочередно с теми, кто мог помочь гарантировать его власть от внешних угроз. С Ираном Ашхабад развил вообще сверхдипломатическую активность. В первые годы независимости число встреч двух президентов – Ирана и Туркменистана достигало порой 18 за один год (!). Разумеется, главной темой на них были вопросы экономического сотрудничества, но через них Ашхабад решал и получение содействия со стороны Тегерана в чисто политических проблемах. Резко возрос товарооборот двух стран, начали осуществляться проекты по строительству железнодорожных магистралей (Теджен – Серахс – Мешхед), газопроводов (Корпердже – Курт-Куи). Однако Иран, хотя и являлся крупным региональным государством, но в силу известных событий после исламской революции оказался сам в положении, когда не мог свободно действовать на международной арене¹³. Иными словами дружба с Ираном не могла полностью гарантировать Ашхабад от тех напастей, о которых шла речь выше.

В таких условиях Ниязов расчетливо поддерживал и развивал отношения с Москвой. Еще 31 июля 1992 г. в Москве два президента заключили Соглашение об

урегулировании вопросов правопреемства в отношении внешнего государственного долга и активов бывшего СССР. Примечательно, что по итогам взаимозачетов по состоянию на 4 декабря 1991 г. Россия, как правопреемник СССР, оказалась должна Туркменистану 380 млн. долл., но Ниязов не стал настаивать на быстром возвращении этой суммы. В декабре 1993 г. состоялся памятный официальный визит президента Российской Федерации Бориса Ельцина в Ашхабад, в ходе которого были заключены соглашения о статусе дислоцированных в Туркменистане воинских частей России, о совместной охране государственной границы, а также оказавшееся в центре внимания в 2003 г. соглашение о двойном гражданстве¹⁴. По отношению к СНГ Ниязов всегда занимал позицию, характерную скорее для стороннего наблюдателя: более половины принимаемых документов в рамках этой организации Туркменистан просто не подписывал. Президент Туркменистана объяснял это следующим образом: «...На наш взгляд, отношения в рамках СНГ должны строиться на основе максимального учета позиций каждого государства, носить не жестко координирующий, а консультативный характер»¹⁵. В 2005 году Туркменистан на саммите СНГ в Казани заявил об изменении своего юридического статуса в СНГ – с постоянного члена на ассоциированного. В тоже время Туркменистан отнюдь не отказывался от членства во многих международных организациях.

В этом смысле не прямо, но все же опосредованно, статус нейтрального государства Туркменистан также получил, опасаясь скорее косвенных последствий, чем прямых событий, связанных с «правом войны», возможности негативного воздействия на ситуацию в Туркменистане со стороны внешних сил. Ярким доказательством этого служит отказ Туркменистана от участия в так называемом «Ташкентском договоре» – Договоре о коллективной безопасности стран Содружества Независимых Государств, который был подписан 15 мая 1992 г.¹⁶ В тот период в это объединение вошли все центральноазиатские государства, кроме Туркменистана. Узбекистан вышел из этого договора позднее, отказавшись подписать протокол о его продлении на следующий срок. (Затем Узбекистан вернулся в ОДКБ).

К середине 90-ых гг. президент Ниязов понял, что сложились благоприятные условия для того, чтобы расширить круг гарантов его суверенной власти и поменять сам механизм этих гарантий. Туркменские дипломаты стали вести переговоры о желательности принятия нейтрального статуса Туркменистана с ФРГ, Францией, Индонезией, Индией, КНР, Египтом. Всего такие переговоры состоялись с 39 государствами мира. О своем стремлении стать нейтральным государством Туркменистан заявил на третьей встрече глав государств Организации экономического сотрудничества (ЭКО)¹⁷ в Исламабаде в марте 1995 г., что было отражено в итоговой декларации этой встречи. Затем это же было сделано 20 октября того же года на конференции Движения неприсоединения в Картахене (Колумбия), в которой приняло участие 114 стран. С другой стороны, на конкретных примерах своих соседей Ниязов увидел, что развитые страны Запада не станут вмешиваться во внутренние дела центральноазиатских республик, даже если там власть совершает деяния, идущие вразрез с правами человека и демократией. Расстрел студенческой демонстрации в Ташкенте 16 января 1992 г., преследование узбекской оппозиции, равно как и разгон парламента Казахстана в марте 1995 г. прошли для глав этих государств без каких-либо серьезных последствий.

Нейтральный статус, прежде всего, означает, что Туркменистан полностью свободен в вопросах политики безопасности, он не присоединился и не намерен, судя по заявлениям руководства страны, присоединиться к какому-либо военному или оборонительному блоку либо альянсу, а также не имеет и не намерен иметь на

своей территории военных баз и военных частей других иностранных государств. Первый президент Туркменистана отмечал также, что его страна не имеет территориальных претензий ни к одному государству мира и что ни одна страна не имеет претензий к Туркменистану¹⁸.

С правовой точки зрения термин «постоянный» применительно к институту нейтралитета обозначает, что по форме такой нейтралитет не ограничивается временными рамками, он действует и в военное и в мирное время. Сам президент Ниязов в одной из своих речей утверждал, что нейтральный статус Туркменистана отличается и по содержанию, так как нейтралитет его страны является «позитивным или конструктивным, что подразумевает активную позицию государств в вопросах поддержания мира и стабильности, развития дружбы и сотрудничества между государствами»¹⁹. Одновременно глава туркменского государства любил подчеркивать, что нейтралитет Туркменистана «стал фактическим отражением самих устоев туркменской демократии, ее формой и содержанием. В лице нашего нейтралитета миру была явлена принципиально новая политико-демократическая модель сотрудничества и взаимодействия на мировой арене, модель, исключая любую форму проявления экстремизма, агрессивности, политического шантажа и субъективности»²⁰.

Из вышеприведенного высказывания видно, что для туркменского лидера резолюция ООН о нейтралитете его страны имела не только правовую ценность в системе инструментов международных отношений. Эта резолюция для Ашхабада была важна и с утилитарной точки зрения – как хороший пиаровский ход, яркая пропагандистская акция. Фраза о туркменской модели демократии, даже если абстрагироваться от того, что она (эта демократия) из себя представляет в действительности²¹, напоминает известные восточные аналоги – суждения о преимуществах джамахирии, приведенные в «Зеленой книге» Муамара Каддафи или об исламской экономике из трудов имама Хомейни. На Востоке получившие власть государственные мужи довольно часто пытаются уверить окружающий мир в том, что создания их гения уникальны и представляют неограниченный вклад в сокровищницу мировой цивилизации. Причем чем больше и неограниченной властью таких публичных политиков, - тем больше и их самомнение. Им мало того, что граждане их собственных государств вынуждены ежедневно прославлять их величие, они хотят большего, оставить о себе память на века, вписать себя в историю золотыми буквами. Египетские фараоны строили пирамиды, многочисленные завоеватели Азии заставляли покоренные народы возводить алтари в честь своих побед. Наше время дает нам примеры новых форм проявления все того же тщеславия.

Тем не менее, с научной точки зрения мы должны четко различать наши подходы к анализу феномена туркменского нейтралитета. Как инструмент в отношениях с другими государствами нейтралитет Туркменистана априорно нельзя подвергать критике, как это зачастую делают некоторые политические противники Ниязова, принадлежащие к оппозиции. Суверенная страна вправе определять, какой статус для себя она избирает. Весьма критически следует относиться также и к появившимся в разное время утверждениям о, якобы имеющихся незаконных контактах между руководством Туркменистана и режимом талибов в Афганистане. Хочу напомнить, что в отличие от ситуации с режимом Саддама Хусейна в Ираке, в отношении движения Талибан не было принято каких-либо санкций ООН. Развивать же отношения со своими непосредственными соседями – это задача любого государства, особенно когда это касается экономических и торговых отношений. При морализаторстве на тему оценок талибов необходимо также помнить и то, что это движение было возвращено отнюдь не при помощи Ашхабада, а совсем других

внешнеполитических игроков. На самом деле, как раз на Туркменистан талибы нападать не собирались²². В столице Туркменистана – Ашхабаде проводились даже международные форумы ООН по Афганистану (21-22 января 1997 г.). Обвинения в адрес туркменских властей в участии в контрабанде афганских наркотиков²³, также как минимум требуют серьезных доказательств. Факт транзита этих наркотиков через территорию Туркменистана еще недостаточен²⁴, а свидетельства некоторых бывших чиновников туркменского правительства, перешедших ныне в оппозицию, нуждаются в проверке.

После начала операции США в Афганистане Ашхабад в отличие от других своих соседей по региону Центральной Азии не пошел на пересмотр краеугольных принципов своей внешнеполитической доктрины и не пустил на свою территорию силы антиталибской коалиции. Но и в стороне не остался. Через территорию Туркменистана в Афганистан идут поставки гуманитарных грузов: продуктов питания, одежды и пр. Называть такую позицию выражением каких-то особых симпатий к талибам (равно как и антиамериканизмом), как нам представляется, нет оснований.

Внешняя политика президента Бердымухамедова: сочетание прежних подходов и новаций

На Востоке, как известно, не очень любят торопливых. Конечно после прихода к власти в Ашхабаде президента Бердымухамедова произошли определенные изменения в туркменской внешней политике. Однако, никоим образом речь здесь не идет о какой-то революции, кардинальном повороте на 180 градусов базового внешнеполитического вектора Ашхабада, либо о чем-то подобном. Такого рода кульбитов от президента Бердымухамедова могли ожидать разве что совершенно далекие от центральноазиатских реалий субъекты. Те же, кто действительно погружен в анализ хитросплетений «восточной» политики, лишены подобных иллюзий. Матрицы, с успехом применяемые в Европе, оказываются по большей части малопродуктивными для осознания процессов, происходящих в Туркменистане.

Рискнем высказать при этом не очень популярную мысль. Туркменская модель, сложившаяся при Ниязове и модифицированная при Бердымухамедове, при всей своей причудливости и явной диковатости для просвещенного европейского взгляда, на самом деле не была исключительно только плодом извращенного деспотического создания автократического лидера нации. Если бы эта точка зрения была истинной, то тогда действительно от властей Ашхабада можно было бы ожидать резких перемен в их внешнеполитическом курсе. Но дело-то как раз в том, что и властная модель в целом, и ее внешнеполитическая компонента, на самом деле внутренне вполне логично построены, подчинены определенным целям и отстроены отнюдь не по наитию или исключительно только чьему-то капризу.

Модель тоталитарной модернизации, избранная руководством Туркменистана, имеет свою логику. И логика эта во многом не менее рациональна, чем логика действий властей в парламентских республиках Европы. Может показаться, что, высказывая подобные суждения, автор стремится выступать неким адвокатом туркменского режима. На самом деле это не так. Но объективности ради нельзя не заметить, что внешняя политика современного туркменского руководства по-своему весьма расчетлива, продумана, и в этом смысле рациональна в рамках утвердившейся в этой республике тоталитарной модели. На совещании президента Бердымухамедова с дипломатическим корпусом страны 20 марта 2008 года было отмечено, что в Туркменистане разработаны основные направления реализации

внешнеполитической стратегии страны на период 2008-2012 годов²⁵. В своей внешней политике Ашхабад шаг за шагом выстраивает ту систему взаимоотношений с другими субъектами международной жизни, которую он считает выгодной для себя, исходя из доминирующих ныне в Туркменистане представлений.

Поэтому мы должны отделять наш анализ динамики внешней политики Туркменистана от оценочных суждений относительно далеко не всем привлекательной модели туркменского тоталитаризма. Признание положительной динамики, имеющихся успехов в начинаниях туркменских властей никоим образом не означает полной солидарности исследователя со всем, что творится в Туркменистане.

При правлении президента Бердымухамедова можно выделить несколько значимых моментов во внешней политике Туркменистана.

Во-первых, несомненно, стал наблюдаться устойчивый рост числа дипломатических контактов туркменского руководства. Например, по официальной информации МИДа Туркменистана эту республику только за 2008 год посетили 422 иностранные делегации²⁶, то есть более одной в расчете на каждый день. Сам по себе этот факт имеет большое значение, поскольку он свидетельствует о том, что никакой дипломатической изоляции Туркменистана как ответной меры со стороны мирового сообщества в ответ, как на явные нарушения прав человека в этой стране, так и на авторитарную политическую практику, на что надеются оппозиционные туркменские группы в эмиграции, не происходит. Более того, в Ашхабад зачастили представители именно тех стран, которые традиционно относятся к демократическому лагерю. Никогда ранее, например, столица Туркменистана не видела такого большого числа представителей государств Европейского Союза.

При этом нельзя не отметить, что в определенной степени изменился и качественный состав иностранных делегаций, посещающих Туркменистан. Если на протяжении многих лет правления Сапармурата Ниязова подконтрольные власти СМИ навязывали населению мнение о внимании мирового сообщества к Туркменистану, в том числе и тем, что подробно освещали визиты в Ашхабад чиновников далеко не самого высокого ранга, а то и просто представителей бизнес-структур, то при Бердымухамедове делегации, возглавляемые главами иностранных государств и правительств действительно чаще становились гостями туркменской земли. Хотя объективности ради отметим, прежние пропагандистские уловки туркменских СМИ также остались востребованными. Так за 2008 год Туркменистан с визитами посетили 14 делегаций, возглавляемых лицами на высшем и высоком уровне. Они представляли совершенно разные регионы планеты: Объединенные Арабские Эмираты, Российскую Федерацию, Республику Хорватия, Иорданское Хашимитское Королевство, Китайскую Народную Республику, Латвийскую Республику, Азербайджанскую Республику, Турецкую Республику, Республику Болгария, Венгерскую Республику, Республику Корея, Республику Литва, Малайзию. Туркменистан посетили: делегации Индии во главе с вице-президентом этой страны, 28 делегаций различных зарубежных стран во главе с вице-премьерами и министрами, а также 10 делегаций на уровне министров иностранных дел.

Во-вторых, существенно возросла и «дипломатическая мобильность» как главы туркменского государства, так и властного механизма в целом. Бердымухамедов окончательно, как нам представляется, отошел от традиции, свойственной в этом отношении его предшественнику – президенту Ниязову, который предпочитал принимать иностранных гостей у себя на родине, а не совершать визиты в другие страны, стремясь тем самым лишним раз подчеркнуть собственную значимость (и даже, наверное, в его понимании - величие) и независимость от кого бы то ни было со стороны. Новый президент Туркменистана

все активнее стал практиковать собственные визиты, в том числе не только официальные, примером чего стало посещение Олимпиады в Пекине. Нельзя не отметить также и того, что многократно возросли визиты туркменских делегаций разного уровня во внешний мир, в том числе на мероприятия, непосредственно не связанные с туркменской внешней политикой.

В-третьих, внешнеполитическая деятельность Ашхабада стала постепенно приобретать традиционную для этой сферы отношений устойчивость и своеобразный «позитивный» консерватизм. Под последним автор понимает следование сложившимся в мировой дипломатической практике правилам ведения внешней политики. Например, несомненным приоритетом для любой нормальной страны является укрепление отношений с ее ближайшими соседями, - с теми, с кем имеется общая граница. Туркменистан при новом президенте сумел значительно продвинуться по пути улучшения своих отношений с каждой из соседних стран. Особенно примечательным стало улучшение отношений между Туркменистаном и Азербайджаном. В 2008 году было открыто посольство Туркменистана в Баку. В том же году еще одно новое посольство Ашхабад открыл в Саудовской Аравии. Новые послы Туркменистана были назначены в Литве, Египте, Швейцарии, Израиле, Италии и на Кубе²⁷.

В этом же ключе следует оценивать и возросшую активность Туркменистана по налаживанию сотрудничества с ведущими международными организациями. Ашхабад стремится заявить о себе на мировой арене какими-то дипломатическими инициативами, например, инициируя принятие 19 декабря 2008 года Резолюции «Надежный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества», за которую проголосовали делегаты Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Параллельно Туркменистан продолжил контакты по линии размещенного в Ашхабаде в декабре 2007 года регионального Центра превентивной дипломатии ООН для Центральной Азии, что с чисто формальной точки зрения можно также расценить как победу туркменской дипломатии. Президент Бердымухамедов гораздо более благосклонно стал относиться к участию своей республики в СНГ, посещал саммиты этой организации и даже заявил, что видит «...в СНГ эффективный механизм межгосударственного сотрудничества».

Отдельно следует отметить, что в СМИ Туркменистана стали появляться материалы, освещающие новости о событиях в зарубежных странах, чего ранее не было. В июне 2008 года в Ашхабаде открылся новый учебный центр обучения иностранным языкам. В том же месяце в Туркменистане были введены новые паспорта с биометрическими данными для выезда граждан за рубеж. Стали отмечаться специальные памятные даты, учрежденные международными организациями.

В 2009 году продолжилось развитие тех новых тенденций во внешнеполитическом курсе Ашхабада, которые были заложены в предшествующие годы. Если ранее власти многих стран мира можно сказать «присматривались» к новой политике президента Бердымухамедова, следствием чего было большое число визитов политических деятелей в Ашхабад, то 2009 год стал знаменателен тем, что акценты в международных контактах стали явно смещаться с политики на экономику. Существенно выросло число визитов представителей бизнес-кругов, а также количество экономических форумов и выставок, проводимых как в Туркменистане, так и туркменской стороной в других странах. Сам же президент Туркменистана за 2009 год совершил 15 зарубежных визитов.

Принятая 21 января 2009 года новая Военная доктрина Туркменистана носит сугубо оборонительный характер²⁸. В данном документе постулируется

неприсоединение Туркменистана к военным союзам и блокам, размещение на территории республики иностранных военных баз, отказ от приобретения, производства, распространения и транзита через национальные границы ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. В тоже время было записано, что Туркменистан будет обеспечивать свою военную безопасность всей совокупностью имеющегося в его распоряжении военного потенциала, но при приоритете политико-дипломатических и иных мирных средств.

В марте 2009 года президент Бердымухамедов, приняв участие в саммите глав государств и правительств стран-членов Организации экономического сотрудничества (ЭКО) в Тегеране, выступил на нем с инициативой изменения статуса своего государства на ассоциированное членство в ЭКО. Мотивировка была той же, что и в 2005 году по отношению к членству в СНГ (конституционный статус Туркменистана). По мнению главы туркменского государства, ассоциированное членство позволит Ашхабаду самостоятельно принимать решения об участии в тех или иных проектах, реализуемых в рамках ЭКО. Тем самым надежды многих политиков и экспертов на изменение отношения властей Туркменистана относительно их полноценного участия в международных структурах с обязывающим членством не оправдались. Тем не менее это не означает дипломатической автархии, поскольку Туркменистан является членом свыше 40 международных организаций, а дипломатические отношения страна поддерживает со 128 государствами мира. Ашхабад присоединился к 109 международным многосторонним конвенциям и договорам. Только в 2009 году Ашхабад присоединился к 10 подобным документам. К полной закрытости страны по варианту Албании времен Энвера Ходжи или Северной Кореи периода Ким Ир Сена руководство Туркменистана явно не стремится. Наоборот, в 2009 году был открыт ряд новых международных аэропортов в регионах (в Туркменбаши и Мары). В августе в Ашхабаде была подписана рамочная Программа ООН по содействию развитию Туркменистана на период 2010-2015 годы (ЮНДАФ). Программа охватывает ряд сфер, включая образование, здравоохранение, экологию, социальную сферу.

В 2009 году наметился некоторый прогресс в сфере, которая ранее не только не выступала значимым приоритетом в международных контактах Ашхабада, но даже намеренно находилась в зоне особых запретов на любое публичное обсуждение. Это сфера прав человека. Конечно, в условиях явно недемократического политического режима, существующего в Туркменистане, трудно было бы ожидать каких-то революционных преобразований в данной сфере. Тем не менее, президент Бердымухамедов, взяв курс на большую открытость своей страны миру, не мог игнорировать сферу прав человека. Поэтому туркменские власти прибегли к традиционной практике аналогичных по характеру режимов. Внутри страны само наличие каких-либо негативных проблем в сфере прав человека не признается, а ситуацию в данной сфере официальная пропаганда представляет в «розовом цвете». Но в отношениях с международными структурами Ашхабад не применяет ныне стратегии «глухой обороны», он идет на контакт с теми структурами, которые не пытаются оказывать откровенное давления на туркменские власти, побуждая его к радикальным изменениям. Например, с официальными структурами ООН Ашхабад контактирует по ряду направлений, связанных с правами человека. Власти ратифицируют отдельные акты ООН в данной области, готовят и представляют обзоры и национальные доклады для сессий Совета по правам человека ООН, проводят специальные семинары.

Российский вектор Ашхабада

В страноведческом аспекте руководство Туркменистана продолжило развитие своих контактов прежде всего со своими главными внешнеполитическими партнерами. Вопреки распространенной в мировом общественном мнении версии, обладающий статусом нейтрального государства Туркменистан де-факто рассматривает своим самым главным партнером во внешнем мире Россию, а не какую-то иную страну. При этом руководство Туркменистана избегает четко и недвусмысленно публично фиксировать данный факт в каких-либо знаковых документах.

Данное обстоятельство не только в экспертной и журналистской среде, но и в стане политиков и дипломатов породило несколько искаженное восприятие ситуации. Так большое распространение получили надежды на возможность кардинального изменения внешней политики Ашхабада. Сразу после смерти бывшего президента Туркменистана Сапармурата Ниязова многим казалось, что при новом туркменском руководстве Россию как главного исторического партнера Туркменистана оттеснят на вторые, а может быть и третьи планы страны Запада и Китая. Действительно интенсивность визитов в Ашхабад со стороны «геополитических конкурентов» Москвы резко возросла. И тем не менее многочисленные факты говорят об обратном: российский вектор пока еще остается, пожалуй, самым приоритетным для Ашхабада.

Новое туркменское руководство не поставило крест на своем прежнем курсе в отношениях с Москвой. Отнюдь. Отношения с Россией по-прежнему остаются в числе приоритетов, которыми де-факто руководствуется глава Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов. Более того, диалог между Москвой и Ашхабадом во многих отношениях стал и более продуктивным, и, несомненно, существенно более взаимовыгодным. Прежде всего отметим, что выросла не только его интенсивность: встречи глав государств, глав правительств и руководителей внешнеполитических ведомств стали проводиться куда чаще, чем во времена Ниязова. Главное состоит в другом: за последний период был принят ряд стратегических соглашений. Так Россией, Туркменистаном и Казахстаном было подписано соглашение о строительстве нового Прикаспийского газопровода, а с участием данных стран и Узбекистана – также соглашение по реконструкции существующей газотранспортной системы «Средняя Азия – Центр», предусматривающее создание новых мощностей по транспортировке среднеазиатского голубого топлива в Россию.

12 мая 2007 года Россией, Туркменистаном и Казахстаном была принята совместная декларация о строительстве нового Прикаспийского газопровода, а несколько позднее, с участием данных стран и Узбекистана – также решение по реконструкции существующей газотранспортной системы «Средняя Азия – Центр», предусматривающее создание новых мощностей по транспортировке среднеазиатского голубого топлива в Россию²⁹. 20 декабря 2007 года в Москве договоренности по Прикаспийскому трубопроводу были конкретизированы и зафиксированы в соответствующем межправительственном соглашении³⁰.

Прикаспийский проект в новом виде предполагает строительство газопровода от компрессорной станции «Белек» на территории Туркменистана до газоизмерительной станции «Александров Гай» на российской территории. Одновременно должна быть осуществлена реконструкция существующих газопроводов «Окарем-Бейнеу» и «Средняя Азия – Центр». При этом упомянутое соглашение предполагало транспортировку 10 миллиардов кубометров туркменского и такие же объемы казахстанского газа ежегодно.

В итоге объемы поставок газа из Средней Азии в Россию могли предположительно вырасти на 20-30 млрд. кубометров. По имеющимся данным летом 2008 года была достигнута договоренность об увеличении мощности Прикаспийского трубопровода до 30 млрд. кубометров³¹.

Сразу же после избрания на пост президента Бердымухамедова десятки делегаций из стран Европейского союза неизменно в ходе своих встреч и переговоров с туркменскими руководителями пытались склонить последних к переориентации газовых потоков Туркменистана с северного (российского) направления на западное, предполагающее строительство трубопроводов, идущих в Европу, минуя территорию России. Из чисто экономических эти проекты превратились в политические, что только усиливало отчаянную дипломатическую борьбу. Проект «Набукко», рассчитанный на поставки азербайджанского и центральноазиатского газа в Европу через территорию Турции и балканских стран, буквально фетишизировался. Усилиями пропаганды он приобрел черты мессианской спасительной затеи, совершенно несоразмерной той роли, которую он мог бы сыграть в энергообеспечении Европы. А поскольку одним из кардинальных вопросов был и оставался вопрос о нахождении необходимой ресурсной базы для заполнения этого трубопровода газом, то Туркменистан получал здесь уникальную возможность извлекать выгоду от многократно усилившейся борьбы за так называемые туркменские ресурсы голубого топлива. Сторонники прокладки трубопровода «Набукко» предпринимали титанические усилия для привлечения Туркменистана к данному проекту. Власти Ашхабада в этом отношении проявили изрядную восточную хитрость: они решительно не отказывались от предложений поставлять туркменский газ в проектируемую трубу. Более того, время от времени президент Бердымухамедов даже давал расплывчатые обещания выделить в неопределенном будущем порядка 10 млрд. кубометров туркменского газа для поставок в Европу по западному маршруту. Было очевидно, что, наблюдая за обостряющейся конкурентной борьбой претендентов на газовые ресурсы Туркменистана, Ашхабад выжидал все более и более выгодных для себя предложений от сторон, участвующих в этой схватке. Тем не менее прошедший период показал, что конкурентам России так и не удалось склонить чашу весов по этой проблематике в свою пользу. Пусть и с некоторым опозданием, но именно северное направление поставок туркменского газа в Россию не только было подтверждено в качестве стратегического, что предусматривалось еще соглашением от апреля 2003 года, но именно это направление получало дополнительное развитие, как по мощности трубопроводных артерий, так и по их маршрутам. Помимо традиционного региона, выступающего ресурсной базой газовых поставок в Россию – юго-востока Туркменистана, стал оформляться в качестве второй такой базы запад Туркменистана – регион Прикаспия, а в перспективе и морские участки шельфа Каспийского моря. Последнее обстоятельство, как нам представляется, имеет большое значение. Если за ресурсную базу юго-востока Туркменистана продолжают бороться Россия и Китай, а остальные игроки – Иран, Афганистан, Пакистан и Индия безнадежно отстали, то за ресурсную базу западного Туркменистана продолжают бороться Россия, Иран, Азербайджан и государства Запада (ЕС и США). Но и в этой конкурентной борьбе за западный Туркменистан пока преимущественные шансы на победу имеет Россия. Именно она сумела убедить туркменские власти в больших преимуществах от развития отношений между Ашхабадом и Москвой. Неслучайно, что президент Туркменистана именно эти вопросы обсуждал в ходе своих встреч с руководителями России во время неформального саммита СНГ в Москве в феврале 2008 года.

В итоге уже много лет продолжается реализация долгосрочного соглашения по поставкам туркменского природного газа в Россию, заключенного 10 апреля 2003 года на 25-ти летний период. Несмотря на все усилия заинтересованных субъектов ОАО Газпром пока был и остается главным стратегическим партнером Туркменистана в газовой отрасли, хотя с 2010 года ему активно «дышит в затылок» Китай.

В подтверждение этого вывода приведем ряд доказательств. Туркменистан, в отличие от некоторых других партнеров России по СНГ, в настоящее время не инициирует прекращения действия прежних двусторонних соглашений. Договор о дружбе и сотрудничестве между Россией и Туркменистаном от 23 апреля 2002 года, наоборот, наполняется конкретным содержанием. После того как в декабре 2007 года в Ашхабаде прошел российско-туркменский экономический форум, в котором приняли участие представители деловых кругов и торгово-промышленных палат из 17 регионов Российской Федерации, произошло то, что мы вправе охарактеризовать как естественная диверсификация экономических контактов на двустороннем туркмено-российском уровне. В контакты с Туркменистаном втянуты 59 субъектов Российской Федерации. В феврале 2008 года в Москве был образован Российско-Туркменский деловой совет из бизнес-кругов двух стран. Отметим при этом, что такое развитие событий является не только следствием активизации российской внешней политики в отношении Туркменистана, но и реализацией тех экономических реформ, которые инициировал президент Бердымухамедов, реформ, предусматривающих попытку преобразовать традиционные и развить новые сферы народного хозяйства республики. Очевидно, что одним из партнеров Туркменистана на этом поприще становится Москва.

Одновременно Россия интенсивно наращивает и другие направления сотрудничества с Туркменистаном. Российская авиакомпания S-7 (Сибирь) стала осуществлять регулярные авиарейсы из Москвы в Ашхабад. Свыше полумиллиона граждан Туркменистана пользуются услугами российской компании мобильной связи МТС. Руководство данной компании планирует потратить на развитие сети мобильной связи в Туркменистане еще свыше 150 млн. долл.³² Российские энергетики из Санкт-Петербурга осуществляют реконструкцию Марыйской станции, оснащая ее новым оборудованием. Только в 2008 году были заключены многомиллионные контракты между российскими компаниями ОАО «Трубная металлургическая компания», ОАО «Стройнефтегаз», ООО «Итера», Астраханским судостроительным заводом и туркменской стороной. На середину 2008 года в Туркменистане действовали 113 предприятий с участием российского капитала и реализовывались 116 проектов и контактов с участием компаний из России.

Россия по-прежнему остается на первом месте в списке торговых партнеров Туркменистана. Товарооборот между нашими странами уже в 2008 году впервые за период после распада СССР превысил пять миллиардов долларов, то есть он оказался даже существенно выше того, что имеет Москва со многими государствами, входящими в ЕврАзЭС, где действуют особые торговые и таможенные преференции. Учитывая, что темпы роста этого товарооборота весьма высокие – увеличение примерно на треть и в 2007 и в 2008 году, то нетрудно прогнозировать, что он будет расти и впредь, как только будут преодолены последствия мирового финансового кризиса. Ведь продуктивные контакты сегодня развиваются не только на федеральном, но и региональном уровне. В Ашхабад стали посещать делегации субъектов Российской Федерации, в частности Астраханской области и Республики Татарстан. 4 – 5 июля 2008 года состоялся визит внушительной российской делегации по главе с президентом РФ Медведевым в Туркменистан. В свою очередь президент Туркменистана побывал в Казани. Среди

обсуждавшихся вопросов были отнюдь не только относящиеся к сфере топливно-энергетического сотрудничества. Ашхабад проявлял высокую заинтересованность в налаживании производственной кооперации в различных областях. Бердымухамедов особо отмечал возможности взаимодействия в транспортной сфере, в частности в рамках проекта так называемого транспортного коридора «Север-Юг». В итоге было подписано соглашение о поставке в Туркменистан огромной партии большегрузных автомобилей КАМАЗ. Это можно расценить как серьезный прорыв, поскольку за долгие годы до этого Туркменистан, осуществляющий большую программу строительства различных сооружений, закупал строительную технику в основном в Японии. Автопредприятие КАМАЗ построило в Туркменистане учебно-сервисный центр для обслуживания своей продукции стоимостью 7 млн. долл., который посетил во время своего визита президент России Медведев³³. Специально отметим, что до половины российского экспорта в Туркменистан составляет продукция машиностроения. В известном смысле все это свидетельствует о том, что при новом президенте Туркменистана российско-туркменские экономические связи приобрели новое качество.

Расширяются контакты и по гуманитарной линии. В Ашхабаде при помощи России было построено и сдано в эксплуатацию в декабре 2009 года новое здание российско-туркменской средней общеобразовательной школы имени Пушкина на 800 мест («Газпром» выделил на это 20,79 млн. долларов). С 1 сентября 2008 года начал функционировать филиал Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина. По взаимной договоренности увеличены квоты для выпускников туркменских школ на обучение в российских вузах.

Вопреки регулярно появляющимся в СМИ сообщениям о стремлении властей Ашхабада сблизиться с НАТО и чуть ли не предоставить свои территории для размещения на ней баз Североатлантического альянса, президент Гурбангулы Бердымухамедов продолжает подчеркивать, что основой внешней политики его страны является постоянный позитивный нейтралитет. Такая позиция находит не просто понимание, но и поддержку руководителей России.

Существенное увеличение цены приобретаемого российским «Газпромом» туркменского природного газа по контрактам, подписанным в конце 2008 года, обернулось для Ашхабада внушительным ростом прибыли. Только в январе 2009 года, то есть в самый разгар мирового финансово-экономического кризиса, внешнеторговый оборот республики подскочил по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сразу на 72,3%, а объем экспорта в 3,2 раза превысил объем импорта (ранее превышение составляло в 2 раза)³⁴.

В марте 2009 года состоялось открытие в Москве туркмено-российского экономического форума и выставки туркменских товаров в центральном выставочном комплексе «Экспоцентр» на Красной Пресне. Эти мероприятия проходили в преддверии государственного визита президента Туркменистана в Российскую Федерацию. Визит проходил в период, когда формально отношения двух стран были на подъеме. Объем годового товарооборота достиг 6,9 млрд. долл., увеличившись по сравнению с 2007 годом на 42,4%. Непосредственно в Туркменистане функционировали порядка 130 субъектов экономической деятельности с участием российского капитала, из которых 59 – с правами юридического лица³⁵. По состоянию на первое марта 2009 года с участием российских компаний реализовывались 122 проекта на сумму 371,9 млн. долл. и 3,94 млрд. рублей. Всего к визиту в нормативном плане двусторонних отношений уже было подписано около 140 межгосударственных, межправительственных и межведомственных документов.

В ходе государственного визита были подписаны: соглашение между генеральными прокуратурами двух государств, соглашения о сотрудничестве министерств внутренних дел двух стран, меморандум о взаимопонимании между министерствами сельского хозяйства двух стран, межправительственное соглашение об организации прямого международного железнодорожно-паромного сообщения через порты Туркменбаши, Астраханского воднотранспортного узла и Махачкалы, межправительственное соглашение о поощрении и защите инвестиций, межправительственное соглашение о взаимном признании документов государственного образца об образовании, межправительственное соглашение о сотрудничестве в области аттестации научных и научно-педагогических кадров, межведомственное соглашение о сотрудничестве пограничных служб. Кроме этого была достигнута договоренность о доле участия России в проекте строительства транснациональной железнодорожной магистрали Иран-Туркменистан-Казахстан³⁶. В рамках визита президент Туркменистана посетил Санкт-Петербург.

Тем не менее, за прекрасными официальными репортажами о данном визите оказались скрыты те разногласия в подходах к двустороннему сотрудничеству, которые также обсуждались в ходе состоявшихся переговоров в Москве и по которым сторонам так и не удалось достичь компромисса. Это касалось главным образом топливно-энергетического сектора. Выше мы привели те цифровые параметры доходов Ашхабада от повышения цены на поставляемый в Россию туркменский природный газ. По всей видимости, Ашхабад рассчитывал на увеличение этих доходов.

Однако Россия в этом отношении занимала иную позицию. Дело в том, что к периоду государственного визита туркменского лидера ситуация на рынке газа и прежде всего на европейском рынке газа кардинальным образом изменилась. В условиях мирового финансово-экономического кризиса произошло существенное сокращение потребления природного газа. Многие производственные мощности перешли на неполный цикл работы, другие предприятия и бытовой сектор вынуждены были перейти к режиму жесткой экономии ресурсов, в том числе сократив потребление энергии. Особенно существенно эта тенденция проявилась на Украине – стране, куда как раз и шел закупаемый российским «Газпромом» туркменский природный газ. Власти Украины добились от Москвы новых условий газовых контрактов, которые предусматривали иные по сравнению с ранее действующими условия поставок: их объемы сокращались почти вдвое. Кроме того «Газпром» фактически пошел на неприменение выгодной для него нормы «бери-или-плати», зафиксированной уже в новых подписанных контрактах³⁷. Но даже при этом оплата за произведенные поставки практически каждый месяц 2009 года висела буквально «на волоске». А по итогам 2009 года оказалось, что Украина закупила всего 37,8 миллиарда кубометров газа.

В таких условиях российская сторона в новых объективных условиях, которые диктовал рынок, вынуждена была обратиться к Туркменистану с предложением либо сократить объемы закупаемого природного газа, либо существенно, в соответствии с новой европейской конъюнктурой цен снизить цену на экспортный туркменский газ. Обсуждались и различные комбинации этих двух предложений. Подобный подход нельзя было интерпретировать как желание Москвы переложить на туркменскую сторону убытки, поскольку Россия также в новых условиях была вынуждена существенно сокращать собственную добычу голубого топлива на своих месторождениях. Сохранять прежний порядок закупок по объемам и цене было просто невозможно по бизнес соображениям. Ведь по итогам 2009 года Россия перестала быть мировым лидером по добыче газа, уступив пальму первенства США. Например, по данным министерства энергетики США, добыча природного газа с

января по октябрь 2009 года в этой стране увеличилась на 3,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, до 519 млрд. кубометров. А в России за тот же период она снизилась на 17%, до 462 млрд. кубометров. Самая сложная ситуация для российского «Газпрома» сложилась, как мы указали именно на европейском рынке. В частности, экспорт газа европейским потребителям в 2009 году составил 140,44 млрд. кубометров, что на 11,56% ниже уровня 2008 года. В том числе экспорт в Западную Европу сократился на 11%, до 104,1 млрд. кубометров газа, в Центральную Европу — на 13,7%, до 36,14 млрд. кубометров. Экспорт в страны СНГ и Балтии в прошлом году составил 65,586 млрд. кубометров, что на 17% было ниже уровня 2008 года³⁸.

Причем следует подчеркнуть, что основной недобор газа со стороны европейских потребителей в 2009 году по сравнению с предыдущим годом пришелся как раз на первое полугодие. Нельзя не признать, что высокие цены на газ сыграли с «Газпромом» плохую шутку. Часто некоторые европейские потребители предпочитали использовать газ из своих подземных хранилищ, чем закупать его по дорогой цене у «Газпрома». «Газпрому» стало просто невыгодно перепродавать туркменский газ на европейских рынках. Нельзя не отметить, что с 2009 года не только Туркменистан, но и Казахстан с Узбекистаном перешли на новые условия поставок природного газа «Газпрому», привязав его стоимость к среднеевропейским ценам. Однако весьма важным обстоятельством было то, что контракт «Газпрома» с Ашхабадом предусматривал фиксацию единой цены поставок газа на весь год, а аналогичные договоренности с Астаной и Ташкентом содержали положение о ежеквартальной корректировке цены.

Конечно налицо был серьезный просчет «Газпрома», который, согласившись на фиксацию цены на целый год, тем самым рассчитывал неплохо заработать, поскольку в конце 2008 года его аналитики прогнозировали стремительный рост цен на газ в Европе в среднем до 500 долларов за тысячу кубометров. На деле же произошло обратное: падение, как цен, так и спроса на голубое топливо.

Но туркменская сторона не пожелала считаться с доводами Москвы, настаивая на исполнении прежних обязательств. Более того, в ходе обсуждения проекта строительства так называемого Прикаспийского газопровода из западного Туркменистана через Казахстан в Россию, Ашхабад стал настаивать и на том, чтобы именно российская сторона взяла бы на себя финансирование своеобразной перемычки – трубопровода «Восток-Запад», который предполагал прокладку трубы из восточных регионов Туркменистана – зоны основной добычи «голубого топлива» к его прикаспийским регионам, где имеющихся запасов природного газа было явно недостаточно для заполнения Прикаспийского газопровода. При этом Ашхабад отказывался включать в текст будущего соглашения пункт, содержащий обязательства туркменской стороны не использовать поставляемый по трубе «Восток-Запад» природный газ в иных целях, за исключением наполнения трубы Прикаспийского газопровода. Это обстоятельство для Москвы было неприемлемо, поскольку существовал риск, что, оплатив из своего кармана строительство трубы «Восток-Запад», в итоге в будущем Ашхабад мог бы изменить данным ранее обещаниям и перенаправить полученные объемы газа либо в южном направлении – в Иран по трубопроводу «Корпедже – Курт-Куи», либо в западном направлении по Транскаспийскому трубопроводу в направлении Азербайджана и далее в Европу, вариант которого активно лоббировался конкурентами России.

Согласованной позиции выработать не удалось и поэтому сразу по возвращении в Ашхабад президент Бердымухамедов отдал распоряжение объявить международный тендер на проектирование и строительство ставшего предметом раздоров газопровода «Восток-Запад»³⁹. Еще через день в Ашхабад прибыла

китайская делегация нефтегазовой корпорации CNPC для переговоров по ускорению сооружения газопровода в Китай. Вряд ли это было простым совпадением. Не договорившись с Москвой, власти Ашхабада стали демонстративно форсировать свои связи с другими партнерами. А в туркменской прессе стали появляться статьи с критикой идеи создания любых наднациональных органов стран-экспортеров газа, что, по всей видимости, должно было стимулировать интерес к Туркменистану в условиях, когда большинство других стран – экспортеров голубого топлива как раз налаживали сотрудничество в рамках подобных структур.

В середине апреля Правительство Туркменистана подписало Меморандум о долгосрочном сотрудничестве с германским Акционерным обществом «RWE». Это был скрытый намек Москве, что туркменская сторона может искать и находить иных партнеров по сотрудничеству. Дело в том, что подписанный документ, среди прочего, допускал немецкую компанию к участию в проекте по разработке и добыче углеводородов на туркменском шельфе Каспийского моря (на 23-м лицензионном блоке⁴⁰). Также стороны договорились начать переговоры «о заключении долгосрочного контракта по реализации туркменского природного газа на границе Туркменистана для дальнейшей его транспортировки на мировые энергетические рынки»⁴¹.

Тем не менее публично ни туркменская, ни российская сторона не демонстрировали свои расхождения. В начале апреля в Туркменистане открылись Дни культуры Российской Федерации. В Ашхабаде 10 апреля прошло заседание Совета министров иностранных дел СНГ, и президент Туркменистана провел встречу с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым.

Между тем 9 апреля на магистральном газопроводе «Средняя Азия – Центр» произошел взрыв, сообщений о котором в туркменской прессе ни в этот период, ни позднее не было. Обстоятельства этого взрыва до конца неясны, поэтому версий можно строить много⁴². Но в любом случае поставки туркменского газа были приостановлены не только на период восстановительных работ на трубопроводе, но и на более длительный срок.

Визит в Ашхабад заместителя главы российского правительства Игоря Сечина, пытавшегося разрядить ситуацию, связанную с аварией и прекращением поставок, не дал результатов. Несколькими днями позднее в Ашхабаде была проведена международная конференция «Надежный и стабильный транзит энергоносителей и его роль в обеспечении устойчивого развития и международного сотрудничества». Уже сам по себе этот факт свидетельствовал о том, что туркменские власти активно стали осваивать новые формы в своей внешней политике. Причем осваивать достаточно успешно поскольку на конференцию прибыло много высокопоставленных гостей, в том числе руководителей ряда международных организаций. Было очевидно, что Туркменистан и Россия ведут скрытые от посторонних глаз активные переговоры. Ашхабад не был настроен на резкое осложнение отношений с Москвой. Поэтому в рамках визита делегации Республики Татарстан он пошел на заключение контракта с компанией «КАМАЗ» на покупку сразу 400 автомобилей на общую сумму почти 22 млн. долл. Кроме того из Татарстана в республику осуществлялись поставки вертолетов с Казанского вертолетного завода⁴³. Ашхабад также заключил контракт на строительство танкеров тоннажем 7 тыс. тонн с российским акционерным обществом «Завод Красное Сормово»⁴⁴.

В сентябре 2009 года туркменский и российский лидеры встретились дважды: сначала на саммите глав Прикаспийских государств в казахстанском городе Актау, а затем в Туркменбаши, где завершался этап международного авторалли «Шелковый путь – 2009». На последней встрече было подписано соглашение с российской

газовой компанией «Итера», которую допустили к освоению морского блока 21 туркменского сектора Каспийского моря⁴⁵. Российской компании будет выдана лицензия на разведочные работы сроком на 6 лет. При обнаружении промышленных запасов углеводородов на договорной территории оператор имеет право подать заявку на получение лицензии на их промышленную добычу сроком на 20 лет с возможностью ее продления еще на 5 лет. Пока на блоке 21 в результате ранее проведенных сейсмических исследований были обнаружены перспективные структуры, среди которых наиболее крупной является «Западный Эрдекли». Оценки последнего состоят: 158 млн. тонн нефти и 62 млрд. кубометров природного газа. По предварительной оценке инвестиции в данный проект могут составить около 1 млрд. долл.⁴⁶

Ашхабад посещали и делегации российских регионов (астраханской, Свердловской областей, Республики Татарстан и Санкт-Петербурга). Но лишь в конце ноября наметились наконец признаки сближения позиций Москвы и Ашхабада. Состоялся рабочий визит президента Бердымухамедова в Москву. Впрочем, туркменские власти опять сделали паузу, выждали момент, когда 14 декабря был запущен Трансазиатский газопровод в Китай и только после пошли на заключение соглашений с Россией, для чего потребовался рабочий визит российского лидера в Ашхабад в последней декаде декабря 2009 года. Было достигнуто соглашение о возобновлении поставок туркменского газа в Россию в объеме до 30 млрд. кубометров. Тем самым этим «Газпром» по договоренности с туркменской стороной внес изменение в подписанный еще в апреле 2003 года долгосрочный договор о поставках туркменского газа в Россию. Подписанный новый контракт между ООО «Газпромэкспорт» и ГК «Туркменгаз» предусматривает, что поставки топлива будут осуществляться «на основе формулы цены, которая полностью соответствует условиям европейского газового рынка»⁴⁷. Что понималось под данной формулировкой, впрочем, стороны традиционно не уточнили. Стоимость газа должна была на сей раз рассчитываться ежеквартально. По сообщениям СМИ цена на туркменский газ в первом квартале 2009 года была зафиксирована на уровне 195 долл. за тысячу кубометров. Сами поставки газа возобновились только 9 января 2010 года⁴⁸.

Несмотря на серьезный газовый конфликт с Россией, в целом по итогам года российско-туркменские отношения сохранили позитивную динамику. Россия осталась основным торговым партнером Туркменистана. Взаимный товарооборот даже без учета газовых поставок в 2009 году составил 1,247 млн. долларов. Темпы роста товарооборота составили 24,4% (без учета поставок газа)⁴⁹. Но в сфере двусторонних взаимоотношений по поставкам природного газа действительно произошел обвал. Если в предшествующий период (2007-2008 годы) «Газпром» закупал примерно по 42 млрд. кубометров туркменского газа, то в 2009 году он импортировал всего 9,5 млрд. кубометров, тогда как контрактом было предусмотрено объем поставок в 41 млрд.

Отношения Туркменистана с соседями

Другим также весьма значимым фактором во внешней политике Ашхабада стала нормализация отношений со своим ближайшим соседом – Азербайджаном. Автор этих строк не склонен разделять весьма распространенного и одновременно примитивного мнения о том, что Сапармурат Ниязов, слывший взбалмошным и болезненно тщеславным диктатором, в свое время рассорился с Гейдаром Алиевым из-за личной неприязни. Эта версия на руку тем, кто упрощает истинную подоплеку

современных конфликтов между государствами и одновременно преувеличивает добродетели современных правителей.

В 90-ые годы прошлого века при Гейдаре Алиеве и Сапармурате Ниязове трения между двумя странами касались широкого спектра проблем, а вовсе не только спора об одном единственном месторождении на Каспии, как пытаются представить это сегодня. Азербайджан лишь с начала нынешнего века стал потихоньку выходить из экономического кризиса. А в середине 90-ых годов власти в Баку едва успевали гасить многочисленные мятежи то сторонников свергнутого президента Эльчибея, то самозванных полевых командиров ОПОНа. Далеко не все было нормально и в отношениях Баку с соседями республики. Например, тогда Азербайджан не экспортировал как сегодня природный газ, а импортировал его, в том числе и из Туркменистана. Именно в те годы возникла проблема задолженности Азербайджана за поставки туркменского газа. 13 лет она как заноза мешала взаимоотношениям двух стран. И только в 2008 году стороны пошли на компромисс. Азербайджан признал факт этих долгов и согласился на выплату в размере чуть выше 48 млн. долларов. Ашхабад же не стал настаивать на возмещении штрафов и пени по данной задолженности.

Урегулирование проблемы долгов должно было стать необходимым условием для решения гораздо более масштабных вопросов. Очевидно, что целями Баку было согласие Ашхабада на подключение его к так называемому Транскаспийскому магистральному газопроводу, который, в свою очередь, должен был стать частью продвигаемого ЕС проекта «Набукко». Но существенного прогресса на этом пути достичь не удалось. Не в последнюю очередь в силу того, что в очередной раз споткнулись на проблематике спорных месторождений на Каспийском море. Дело в том, что при Гейдаре Алиеве в 1995 году принимается новая конституция Азербайджана, пункт второй статьи 11 которой объявлял составной частью территории данного государства весь так называемый азербайджанский сектор Каспийского моря. При этом границы этого сектора не были зафиксированы в принятой в международном праве форме.

Тогда власти в Баку просто явочным порядком постарались «застолбить» свои выгоды, благо у них имелись большие, чем у Туркменистана «стартовые возможности». Так уж сложилось исторически, что в Советском Союзе морская добыча нефти на Каспии осуществлялась преимущественно в акватории, расположенной вблизи Азербайджана и силами нефтяников этой республики. Нефть на суше издревле добывали и в Азербайджане и Туркменистане, благо часто она залежала на небольших глубинах, и чтобы до нее добраться просто рыли колодцы. Когда в 80-х гг. XIX века на каспийском побережье Туркменистана стали бурить промышленным способом первую скважину, то нефть из нее пошла с глубины всего 37 метров.

Спорными между Туркменистаном и Азербайджаном являлись не одно месторождение «Кяпаз» (в туркменском варианте названия – «Сердар»), а как минимум три. Именно так заявляли в 90-ые годы лидеры и Азербайджана и Туркменистана. Обе конфликтующие стороны представляли в качестве доказательств карты, изготовленные для хозяйственных нужд в период СССР. Карты эти имели разночтения, поскольку министерства нефтегазовой промышленности обеих союзных республик и не помышляли о том, что изготовленные ими схемы кто-то будет использовать в политических целях. По мнению президента Ниязова, согласно этим схемам, например, спорное месторождение «Чираг» (советский вариант названия – «Каверочкин» – по имени знаменитого нефтяника, который был первопроходцем в морской добыче на Каспии) было расположено в 132 километрах от туркменского берега и в 148 километрах – от азербайджанского. Другое

месторождение – «Азери» (советский вариант названия – «Имени 26 Бакинских комиссаров») находилось в 118 километрах от туркменского берега и в 160 километрах от азербайджанского. Местоорождение же «Кяпаз» (советский вариант названия – «Промежуточное») находилось в 104 километрах от туркменского и в 184 километрах от азербайджанского берега. Поэтому президент Ниязов тогда рассматривал «Азери» и «Кяпаз» как местоорождения, расположенные целиком в секторе моря, который должен отойти Туркменистану, а местоорождение «Чираг» попадало в него частично.

Ситуация осложнялось тем, что и Баку и Ашхабад активно пытались втянуть в этот спор внешние силы, в том числе и Россию, причем не в качестве арбитров, а в качестве своих союзников де-факто. В 1995 году российский «ЛУКОЙЛ» подписал с Министерством нефти и газа Туркменистана договор о разведке и разработке местоорождения «Кяпаз». Однако позднее ответный удар нанесли азербайджанские власти. Им удалось переманить россиян. 4 июля 1997 года азербайджанская сторона подписала в Москве контракт с российскими компаниями на разработку структуры «Кяпаз». В итоге разразился острый дипломатический конфликт. В июле 1997 года МИД Туркменистана выступил с резким заявлением, в котором выдвигалось требование аннулировать новое соглашение. Одновременно Ашхабад провел переговоры с Ираном и Пакистаном по закупкам сторожевых катеров для береговой охраны. А президент Туркменистана вылетел в Москву, где добился от Ельцина аннулирования заключенного российскими компаниями соглашения. Российская сторона даже принесла Ашхабаду свои извинения. Президент Туркменистана тогда не раз подчеркивал, что хотя местоорождение «Промежуточное» было выявлено еще в 1959 году азербайджанскими геологами, а буровые работы на нем начались только в 1986 году, не кто иной, как сам президент Азербайджана Гейдар Алиев, находясь с визитом в Ашхабаде в мае 1997 года заявлял, что у его страны нет никаких претензий на «Кяпаз», а переговоры азербайджанцы будут вести только по местоорождениям «Азери» и «Чираг». Поэтому не сумасбродство Ниязова было причиной конфликта. Он как раз стоял на страже национальных интересов Туркменистана.

Так, или иначе, но Ильхам Алиев и Гурбангулы Бердымухамедов нашли в себе волю не следовать слепо прежним путем. 20 мая 2008 года в столице Азербайджана побывал с визитом президент Туркменистана. В столице Азербайджана туркменского лидера пригласили в Бакинский государственный университет, где состоялась торжественная церемония присвоения ему звания почетный доктор Бакинского государственного университета «за выдающийся вклад в укрепление туркмено-азербайджанских отношений, развитие науки и образования». Президенту Туркменистана были вручены соответствующий диплом и мантия.

Такие акции раньше практиковали украинцы в отношении Ниязова. Они приезжали в Ашхабад и привозили президенту Туркменистана ордена Украины, надеясь взамен получать туркменский газ по-дешевке. Ниязов, кстати, при всем своем тщеславии, на это редко покупался. Бердымухамедов пока тоже не купился. Никаких действительно значимых соглашений по принципиальным вопросам в Баку по время визита так и не было подписано. Заключили лишь несколько второстепенных двусторонних документов, в числе которых межправительственные соглашения о международных комбинированных грузовых перевозках, о сотрудничестве в области молодежной политики и спорта, о международном автомобильном сообщении, о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии, сертификации и аккредитации.

Не привел к существенным прорывам в отношении Транскаспийского трубопровода и официальный визит президента Азербайджана в Ашхабад в ноябре 2008 года. Тем не менее, отношения двух соседних стран избавились от части прежних фобий и теперь можно ожидать их дальнейшего развития. Свидетельством этому стали двусторонние мероприятия, в частности прошедший в июне 2008 года туркмено-азербайджанский экономический форум в Ашхабаде и туркмено-азербайджанская конференция в Баку в сентябре 2008 года. Азербайджан вышел на шестое место в списке основных торговых партнеров Туркменистана.

Но в 2009 году власти Ашхабада, вопреки прогнозам ряда экспертов, вернулись к своей прежней позиции в споре по разграничению акватории и дна Каспийского моря, который существует у республики с соседним Азербайджаном. Со ссылками на международную Конвенцию о континентальном шельфе 1958 года и Конвенцию по морскому праву 1982 года, МИД Туркменистана летом 2009 года подтвердил, что будет настаивать на разграничении дна и недр Каспийского моря с Азербайджаном «без учета влияния полуострова Апшерон и острова Жилой», которые, по мнению Ашхабада, являются теми «особыми обстоятельствами», что оговорены упомянутыми конвенциями и могут быть исключены при определении прохождения срединной линии, разделяющей границы секторов Азербайджана и Туркменистана⁵⁰. Тем самым этот давний конфликт остается пока неразрешенным.

Стали оформляться и отношения между Туркменистаном и Таджикистаном. Заработала двусторонняя межправительственная комиссия. Правда обещанные Ашхабадом поставки электроэнергии и природного газа Таджикистану так и не удалось полностью выполнить, не в последнюю очередь из-за позиции того же Узбекистана, находившегося по целому ряду вопросов в острой конфронтации с Душанбе. Тем не менее, в тяжелый период зимних холодов были осуществлены поставки дизельного топлива.

Продолжились контакты с Афганистаном, с которым Туркменистан подписал два десятка двусторонних соглашений. В апреле 2008 года Бердымухамедов совершил визит эту соседнюю страну.

Узбекский вектор

Позитивная динамика наблюдалась и в отношениях с другим соседом Туркменистана – Узбекистаном. В начале 2008 года в Ашхабаде прошли заседания туркмено-узбекской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству и Национальная выставка Республика Узбекистан. В марте того же года состоялся государственный визит президента Туркменистана в соседнюю страну. После охлаждения отношений между соседями, вызванными событиями, связанными с покушением на президента Ниязова в 2002 году, Ашхабад и Ташкент постепенно укрепляют торговые связи, прирост которых достигает 50% в год. Хотя плотность экономических контактов по-прежнему невелика: так в Туркменистане зарегистрировано всего 10 предприятий с участием узбекского капитала.

Нельзя забывать, что узбекский вектор внешней политики Ашхабада в период президентства Ниязова не мог похвастаться значимыми достижениями. Для этого был ряд причин. Прежде всего отметим, что в постсоветской Центральной Азии у Узбекистана сложилась неоднозначная репутация. Это самое крупное по демографическому потенциалу государство воспринималось рядом бывших союзных республик как источник определенных потенциальных рисков для их национальных интересов. Туркменистан не был исключением, хотя объективности ради надо упомянуть, что в туркменской политической элите и в массе населения

данной республики подобные настроения имели куда меньшее распространение, чем в случае Таджикистана или Киргизии. В силу исторических причин этнические узбеки составляют внушительные диаспоры во всех сопредельных с Узбекистаном странах. В Туркменистане – это второй по численности после туркмен этнос. Их относительно компактное расселение в районах правобережья Амударьи, то есть в регионе, примыкающем к туркмено-узбекской границе, не могло не создавать определенных проблем. Поскольку в прошлом двух соседних народов можно легко найти примеры далеко не добрососедского поведения по отношению друг к другу и учитывая, что в начальный период обретения независимости все национальные элиты Центральной Азии обосновывали свою государственность, активно используя националистические по своей сути постулаты, этот фактор в политической сфере вынуждал Ашхабад накладывать жесткие ограничения и на деятельность узбекской общины внутри страны и на ее контакты с Узбекистаном.

Другой группой причин стали тенденции в экономической сфере. Оба государства отвергли вариант реформ по образцу так называемой «шоковой терапии». Узбекистан проводил откровенно протекционистскую политику, стараясь сохранить контроль государства над хозяйственным комплексом республики и не допустить негативных моментов при внедрении элементов «свободной игры рынка». К этому его побуждал все тот же демографический фактор: население активно увеличивалось, а рабочие места не удавалось создавать такими же темпами. Туркменистан, не обладавший таким индустриальным потенциалом как соседний Узбекистан, в меньшей степени был заинтересован в защите отечественного производителя. Но по ряду позиций туркменский рынок также нуждался в протекционистских мерах, но уже по ограничению неконтролируемого экспорта некоторых товаров. Ведь туркменская власть в экономической сфере также не приняла теории «свободной игры рынка». В частности была установлена система государственного ценового патронирования над группой социально значимых товаров. Ряд продуктов питания, электроэнергия, природный газ для бытовых нужд, автомобильный бензин распределялся среди населения либо со значительными скидками по цене, либо бесплатно (при соблюдении ограничений по количеству). Данные продукты, естественно, могли поэтому стать предметами получения материальной выгоды в случае их контрабандного вывоза из Туркменистана в Узбекистан. И этим активно пользовалось население приграничных районов. Например, автомобильный бензин переправляли через границу, просто перенося на своих плечах канистры с топливом. Официальные власти поэтому были заинтересованы в ограничении подобной практики путем установления дополнительных запретов и барьеров в отношениях своего населения с Узбекистаном.

Наконец, хотя по характеру политического режима системы Туркменистана и Узбекистана во многом схожи, это не исключало настороженности между лидерами двух государств. Например, в 2002 году между Ашхабадом и Ташкентом произошло резкое охлаждение отношений, а в средствах массовой информации стали появляться материалы чуть ли не о грядущем военном конфликте двух соседних стран, сопоставляться военные потенциалы государств. Поводом к такому повороту стало покушение на жизнь президента Ниязова, осуществленное группой заговорщиков, имевших, как показало следствие, какое-то отношение к дипломатической миссии Узбекистана в Ашхабаде.

В любом случае при новом президенте Туркменистана все эти моменты разногласий между двумя государствами в значительной степени потеряли свою остроту. Официальный Ташкент никак не проявлял своих намерений использовать узбекскую диаспору Туркменистана в своих интересах. Более того, даже политика

насаждения отдельных этнократических элементов в повседневную жизнь этой диаспоры со стороны туркменских властей (например, - требования к ученикам средних учебных заведений посещать занятия исключительно в туркменских национальных костюмах) не вызвала протестов властей Узбекистана. По нашему мнению, заслуг властей Ашхабада в этом не было. Наверняка в Ташкенте сочли за благо не ссориться со своими соседями «по всем фронтам», предпочитая в одних и тех же ситуациях действовать разными методами в отношении Киргизии, Таджикистана, - с одним подходом, и Туркменистана и Казахстана, - с другим. В том числе, исходя из аналогичных соображений, без особых трудностей была отрегулирована проблема пограничного размежевания Туркменистана и Узбекистана. Водная проблематика также не стала предметом раздора, хотя развернутое в Туркменистане строительство гигантских ирригационных сооружений также обостряло региональный по своему характеру кризис с нехваткой воды, как и планы строительства ГЭС в верховьях Амударьи и Сырдарьи. Со временем потеряла свою остроту и проблема контрабанды после того как в Туркменистане были резко повышены цены на автомобильный бензин. Негативные риски же перемещения товаров частными лицами из Туркменистана в Узбекистан были куда меньшими, чем из Киргизии в Узбекистан. Ведь в постсоветский период киргизы попытались стать чуть ли не основными торговцами товаров из Китая в регионе, тогда как для туркмен сохранялись введенные государством административные ограничения не только на выезд за границу, но даже на перемещение внутри Туркменистана.

Так или иначе, но все это способствовало налаживанию связей между Ашхабадом и Ташкентом. При президенте Бердымухамедове сотрудничество с Узбекистаном поднялось на новый качественный уровень, что не могло бы произойти без определенного политического доверия между лидерами двух государств и без расчетов на получение взаимной экономической выгоды. Руководители Туркменистана и Узбекистана подписали ряд соглашений, позволяющих расширить двусторонние экономические связи, и создать новые рынки для сбыта продукции своих национальных производителей. В перспективе же было намечено подготовить документ о свободной торговле.

Возможно, не будь взаимной заинтересованности Ашхабада и Ташкента в использовании транзитного потенциала друг друга (узбекской территории для поставок туркменского природного газа по трубопроводу в сторону Китая, а туркменской – для поставок аграрной и промышленной продукции Узбекистана на рынки Ближнего и Среднего Востока и Европы) то подобного сближения бы не произошло. Однако в любом случае данная тенденция может получить положительную оценку. Более того, с нашей точки зрения, можно говорить даже и о том, что в регионе Центральной Азии происходит попытка создать пока полностью неинституционализированные, но уже оформленные на уровне двусторонних отношений центры экономического взаимодействия. И одним из таких центров является тандем Туркменистана и Узбекистана. Вряд ли этот тандем будет прочным, а тем паче - более конкурентно успешным, чем ЕврАзЭС или Таможенный союз, куда входит Казахстан. Тем не менее одним из мотивов сближения Ашхабада и Ташкента наверняка, среди прочего, являлась попытка властей Узбекистана после приостановке своего членства в ЕврАзЭС найти новые каналы регионального экономического взаимодействия.

Учитывая сложности, возникшие на российском направлении, Ашхабад увеличил дипломатические усилия и по наращиванию контактов с другими странами СНГ. Так летом 2009 года состоялся официальный визит в Ашхабад президента Белоруссии Александра Лукашенко. И хотя присутствие белорусского бизнеса до

этого в Туркменистане нельзя было назвать весомым (8 инвестиционных проектов с участием белорусских компаний на общую сумму в 23,4 млн. долл.), Белоруссия получила новый для нее рынок сбыта своей продукции: сельскохозяйственной и автомобильной техники, металлопродукции, электротоваров, медикаментов. ОАО «Белгорхимпром» выступил в качестве основного партнера Туркменистана в строительстве горно-обогатительного комплекса по производству калийных удобрений в Койтендагском этрапе Лебапского велаята мощностью 1,4 млн. тонн продукции в год. В рамках визита был подписан внушительный пакет двусторонних соглашений о сотрудничестве в разных областях⁵¹. В частности Туркменистан закупит 1,5 тыс. машин Минского тракторного завода. Белоруссия еще в 2008 году приняла на учебу около тысячи студентов из Туркменистана, всего же их число составило 1,2 тыс. человек⁵².

Прекращение поставок газа в сторону России заставило Ашхабад активизировать свои контакты с Ираном. Уже в начале июля 2009 года в ходе визита в Ашхабад иранской делегации была достигнута договоренность об увеличении объемов поставок газа до 14 миллиардов кубометров, причем речь шла не только о поставках с месторождения «Корпедже» на западе Туркменистана в объемах 8 миллиардов кубометров, но и о принципиальном новом направлении – с месторождения «Довлетабад» на юго-востоке республики. Довлетабадское месторождение как раз и было основной сырьевой базой поставок в трубопровод «Средняя Азия – Центр», то есть в российском направлении. Теперь же стороны наметили построить трубопровод от данного месторождения в южном направлении – в Иран, причем в кратчайшие сроки: труба должна была начать прокачку газа уже в последнем квартале 2009 года. Общий объем предполагаемых поставок по данной трубе предполагался в 6 млрд. кубометров⁵³.

Новый трубопровод в Иран от месторождения Довлетабат шел в направлении населенного пункта Салыр Яп на границе с Ираном, его протяженность составила всего 30,5 километров (на туркменской территории) при диаметре трубы 1020 миллиметров. Проектная мощность новой трубы – 12,5 млрд. кубометров газа в год⁵⁴. Трубопровод получил название «Довлетабад – Серахс – Хангеран». Первоначально определенные сроки запуска трубопровода не были выполнены (он вступил в строй только 6 января 2010 года).

Китайский приоритет

Китай стал присматриваться к Туркменистану еще в начале 90-ых годов прошлого века. Вскоре после обретения независимости в Туркменистане начала свою деятельность Китайская нефтяная корпорация по технике и разработке. С 1994 года она установила тесное сотрудничество и партнерские отношения с нефтегазовым комплексом Туркменистана. Корпорация экспортирует нефтегазовое оборудование китайского производства в Туркменистан. В страну были поставлены различные виды нефтегазового оборудования - буровые установки, подъемные агрегаты, тампонажный комплекс, буровые трубы, буровые долота, фонтанная арматура и т.д.

В настоящее время в Туркменистане китайцами открыты несколько сервис-центров, целью которых являются ремонт, техобслуживание, поставка запчастей и многое другое, что играет важную роль по обеспечению нормальной работы китайского оборудования на объектах.

Затем связи с китайцами развились и в финансовой сфере. 20 июля 2005 года во время визита в Туркменистан вице-премьера Государственного совета Китайской Народной Республики госпожи У И было подписано Рамочное соглашение между

правительством Туркменистана и правительством Китайской Народной Республики о предоставлении Туркменистану льготного кредита на общую сумму 200 млн. китайских юаней.

Много лет с участием Китайской национальной нефтегазовой корпорации и компании «Эксон Туркменистан (Амударья) Лимитед» проводились исследования по возможностям осуществления проекта и по определению углеводородного потенциала перспективных площадей на туркменском побережье Амударьи. Целью этих изысканий был расчет экономической целесообразности проекта так называемого Трансазиатского газопровода в направлении Китая. Геофизические исследования проводились на всем правобережье Амударьи. На подступах к Кызылкумам уже в 2000 г. открыты новые газовые месторождения, в частности на площади «Гарагой».

Смысл изысканий очевиден, поскольку по данным компании «Еххон» этот проект мог стать реалистичным в том случае, если по нему будет подаваться не менее 30 млрд. кубометров газа в год⁵⁵. Но в этот объем, как считали специалисты, в одном из вариантов может войти и газ с западных территорий Китая. Туркменистан должен был гарантировать ежегодную поставку в течение 25 лет 33 млрд. кубометров газа (с учетом 3 млрд. кубометров для обеспечения работы компрессорных станций).

Еще в конце ноября 2005 года президент Ниязов заявил: «В ближайшее время Туркменистан выйдет со своим газом в Китай». «У меня были переговоры с Ху Цзиньтао в Москве, во время празднования Дня Победы, — сообщил президент Туркменистана. — В начале 2006 года мы поедем туда делегацией и окончательно уже подпишем соглашение о разработке месторождений правобережья Амударьи. Там ближе к Китаю, оттуда будем поставлять в Китай 30 млрд. кубометров газа. Через Узбекистан, Казахстан, и — в Шанхай. Перспективы хорошие».

Китайский фактор стал одним из центральных во внешней политике Туркменистана начиная с 2006 года. К этому времени между двумя странами уже были подписаны 36 межгосударственных соглашений. В Туркменистане было зарегистрировано 37 инвестиционных проектов с участием китайских компаний на общую сумму 382,6 млн. долл. и 360 млн. юаней. Контракты между Китаем и Туркменистаном включали поставки из Китая в данную республику большого числа железнодорожных вагонов, тепловозов, оборудования для предприятий текстильной промышленности и связистов, которые ранее приобретались Ашхабадом в России. Крупнейшим контрактом в этой сфере являлось соглашение между Туркменистаном и китайской компанией «Капитал Лонгджи» на сумму 128,6 млн. долл. по поставке железнодорожных вагонов.

Важнейшим событием 2006 года для Туркменистана стал визит в начале апреля президента Ниязова в Китай. В принятой в ходе визита Совместной декларации Туркменистан, идя навстречу китайской дипломатии, подтвердил свою приверженность политике «одного Китая», то есть признал Тайвань — неотъемлемой частью территории КНР. Туркменская сторона осудила также сепаратизм организации «Восточный Туркестан». Пекин, со своей стороны, поддержал политику нейтралитета Ашхабада. Стороны подписали даже специальное Соглашение о сотрудничестве в борьбе против терроризма, сепаратизма и экстремизма».

Наиболее важным среди подписанных в ходе визита документов стало Генеральное межправительственное соглашение о реализации проекта газопровода Туркменистан — Китай и продаже природного газа из Туркменистана в КНР. Китай обязался закупать у Туркменистана газ в объеме 30 млрд. кубометров ежегодно в течение 30 лет, начиная с момента ввода газопровода в эксплуатацию, которая была намечена на 2009 год⁵⁶. По условиям соглашения ресурсной базой таких

поставок должен был стать регион правобережья Амударьи, где разведку и разработку месторождений китайцы обещали осуществлять совместно с туркменской стороной. Однако текст соглашения включал также и норму о том, что при необходимости туркменская сторона гарантирует поставки газа в Китай и из других месторождений республики. Данная норма как раз подтверждает сделанный выше вывод о конкуренции интересов ряда держав в Туркменистане.

По условиям соглашения конкретные объемы закупок газа по годам и сопутствующие важные организационные, правовые, финансовые и прочие условия должны регулироваться отдельными соглашениями. Статья 4 соглашения весьма туманно прописывала принципиальный вопрос о цене: «Цена на природный газ будет устанавливаться на разумной и справедливой основе, исходя из сравнимой цены на международном рынке. Оплата будет производиться исключительно в долларах США». Срок действия соглашения определялся тремя годами. Пока же КНР в рамках другого подписанного соглашения выделило Туркменистану льготный кредит в размере 200 млн. юаней. Через две недели после визита в Китай Ниязов распорядился создать при Министерстве нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов специальную Дирекцию по туркмено-китайскому сотрудничеству.

Через год – летом 2007 года было заключено еще одно соглашение, трубопровод в Китай стал реальностью. Туркменская сторона вручила Китайской национальной нефтегазовой корпорации документы, гарантирующие ей право проводить соответствующие работы на территории Туркмении. В числе документов была и лицензия оператора на разведку и добычу сырья на суше, которая впервые в истории страны была выдана иностранной компании. Предполагается, что экспорт 17 млрд. из ежегодно предусматриваемых 30 млрд. кубометров туркменского газа будет обеспечиваться за счет освоения новых газовых месторождений, остальные 13 млрд. – за счет строительства на крупнейшем газоконденсатном месторождении «Багтыярлык» объектов по очистке и подготовке газа.

Интересно отметить, что российская компания «Стройтрансгаз» выиграла контракт на 395 млн. евро на строительство туркменской части газопровода «Малай–Багтыярлык» диаметром 1420 мм и протяженностью 188 километров. Компания также создаст установку по очистке и осушке газа и газоизмерительную станцию⁵⁷. В 2008 году строительство данного трубопровода началось.

В период проведения Олимпиады в Пекине в августе 2008 года президента Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов заявил об увеличении пропускной способности газопровода в Китай⁵⁸. В конце августа это решение было закреплено рамочным соглашением в ходе официального визита в Ашхабад лидера КНР Ху Цзиньтао. Оно предусматривает увеличение мощности трубы, которая должна была быть введена в строй в 2009 году, с 30 до 40 млрд. кубометров газа в год⁵⁹.

В любом случае трубопровод в Китай является ярким свидетельством усиления позиций КНР в Туркменистане. Так только за период с 2000 по 2007 год товарооборот между странами вырос в 18 раз. По состоянию на 1 августа 2008 года в Туркменистане действовало уже 30 предприятий с участием китайского капитала. С участием китайских компаний в Туркменистане реализуется 49 инвестиционных проектов на общую сумму 1,284 млрд. долл.⁶⁰

Хотя китайское направление внешней политики Ашхабада и получило дополнительные стимулы в августе 2008 года, тем не менее, Китай в тот период занимал лишь пятое место в списке основных торговых партнеров Туркменистана. Но это положение может существенно измениться в самом ближайшем будущем. В Пекине Бердымухамедов заявил об увеличении пропускной способности строящегося газопровода в Китай. А в конце августа это решение было закреплено

рамочным соглашением. Оно предусматривает увеличение мощности трубы с 30 до 40 млрд. кубометров газа в год. Однако по-прежнему остается открытым вопрос о том, по какой цене туркменский газ будет поставляться в Китай. По-видимому, Ашхабад и здесь оставляет за собой последнее слово, надеясь в будущем играть на противоречиях между торговыми партнерами Туркменистана, стремящимися заполучить его газ. Нет полной ясности и в вопросе о том: сможет ли Ашхабад обеспечить весь заявленный объем поставок природного газа в Китай.

2009 год стал временем стремительного рывка Китая на пространство Центральной Азии вообще и в Туркменистан, в частности. Конечно, подготовка к этому рывку осуществлялась в предшествующий период и продолжалась не один год. Но с каждым годом активность КНР все возрастала и возрастала. Так, например, только за период 2007-2008 года взаимный товарооборот Китая с Туркменистаном удваивался ежегодно. Китай экспортировал в Туркменистан продукцию электронной, металлургической, легкой промышленности, а импортировал – в основную сырьевую группу товаров и сельхозпродукцию. Крупные китайские компании наладили взаимодействие с туркменской стороной в нефтегазовой, химической, текстильной, телекоммуникационной сферах. Так китайская фирма «Хуавэй» поставляла в республику телекоммуникационное оборудование, а компания «СITIC» - пассажирские железнодорожные вагоны.

Кроме этого Китай стал активно теснить своих конкурентов на рынке предоставления строительных услуг Туркменистану. Уже к 2009 году Китай подписал с Ашхабадом свыше 30 контрактов по подрядам на строительство, которые в стоимостном выражении превышали 400 млн. долл. Подряды на строительство важнейших объектов, которые ранее осуществляли турки, французы, японцы и украинцы стали переходить китайцам. Китайские компании «CHINAROAD», «SINOMACH», «COMPLAND» не боролись за подряды на строительство железнодорожной магистрали Север-Юг, моста через Амударью в городе Фараб, стекольного комбината в Ашхабаде, комплекса по производству калийных удобрений на Карлюкском месторождении⁶¹.

В июне 2009 года был подписан контракт купли-продажи природного газа, в соответствии с которым сырье, добываемое в рамках СПР на договорной территории «Багтыярлык» на правом берегу Амударьи китайской компанией «CNPC International Ltd.», будет реализовываться на границе Туркменистана другой китайской компанией – «Петрочайна Интернейшл Компания Лимитед». Китайская сторона кроме того внесет свой вклад в ускоренное освоение месторождений «Южный Йолотань – Осман». Для этого был подписан кредитный договор с Государственным банком развития Китая на сумму 4 млрд. долл.⁶²

Именно крупные финансовые кредиты китайской стороны и стали, по нашему мнению, основной причиной жесткой позиции, занятой правительством Туркменистана по отношению к российскому «Газпрому». Ашхабад нуждался в финансовом обеспечении освоения новых месторождений природного газа, надеясь с введением их в строй действующих существенно увеличить добычу и экспорт голубого топлива, а значит увеличить и собственные доходы. Китай такие финансовые средства предоставил, за что получил более чем существенную скидку по цене поставляемого трубопроводного газа: на 2010 год, по сообщениям СМИ (официальные данные контрактов недоступны, так как представляют коммерческую тайну) цена туркменского газа для Китая составит 120 долл. за тысячу кубометров, для Ирана она составит 170 долл., а для России – 190 долл. за те же объемы. Таким образом туркменские власти отказались от следования ими же провозглашенному правилу: выставления одинаковой цены для всех партнеров, на чем они настаивали несколько последних лет.

В декабре 2009 года, когда был запущен трубопровод в сторону Китая, президент Туркменистана отмечал, что по сравнению с 2000 годом товарооборот между Китаем и Туркменистаном увеличился почти в сорок раз и приблизился к 1,5 млрд. долл. В республике работают 35 предприятий с участием китайского капитала, зарегистрировано 53 инвестиционных проекта на общую сумму более 1 млрд. долл. и более 1,4 млрд. юаней⁶³.

Трубопровод был запущен 14 декабря. Уже к 2012 году по заявлению туркменских властей он должен выйти на полную проектную мощность. Общая протяженность трубы по территории Туркменистана – 184,5 километра, Узбекистана – 490 километров, Казахстана – более 1300 километров, Китая – 4500 километров⁶⁴.

Вместо заключения

После прихода во власть президента Бердымухамедова Туркменистан подвергся проверке на прочность. Испытанием для него стал мировой финансовый кризис, начавший свое «победное» шествие по планете в самом конце лета 2008 года. Надо отметить, что Туркменистан оказался отнюдь не в числе аутсайдеров. Правда, произошло это по большей части отнюдь не благодаря какой-то прозорливой политике властей, продуманным правительственным программам. Просто благоприятно сказались сразу несколько факторов. Во-первых, Туркменистан, избравший в постсоветский период модель тоталитарной модернизации, в экономической сфере не допустил глубокого развития действительно рыночных отношений, с имманентно присущей такой системе свободой предпринимательства. Государственный патернализм в финансово-экономической области, при котором даже проекты и сметы на строительство отдельных жилых домов утверждались лично главой государства, осложняли либо блокировали саму возможность вовлечения туркменских бизнес-структур в полноценный мировой оборот финансовых инструментов. Получение кредитов в иностранных банках, приобретение акций различных зарубежных фондов и компаний, продвижение на биржах собственных «голубых фишек», свобода валютных операций, включая и присущий им спекулятивный момент, - все эти и подобные им меры не были в чести у туркменского руководства. Но именно в силу такой архаично-консервативной политики ветры мирового финансового кризиса не смогли серьезно поколебать экономические устои Туркменистана.

Вторым фактором, действовавшим в том же направлении, являлось то обстоятельство, что экономическая модель Туркменистана базируется на доминантной роли природного газа – основного экспортного товара этой республики. Туркменистан не выступает сколько-нибудь значимым производителем и экспортером на мировой рынок ни металлов, ни нефти, ни зерна, ни автомобилей, - то есть той группы товаров, спрос и цены на которых стали резко падать осенью 2008 года. В итоге он избежал и потерь от изменения мировой конъюнктуры. Спрос же на природный газ Туркменистана как раз только возрастал, конкуренция за него все более и более ожесточалась. Весь 2008 год фактически прошел также под знаком повышения цен на природный газ. Ашхабад увеличил отпускные цены на него и в отношении России, и в отношении Ирана, а также добился согласия, хотя и недостаточно внятного и детализированного от Китая в отношении цен на будущие поставки в эту страну. А в условиях, когда на европейском рынке цены на природный газ снижались со значительным опозданием по сравнению с ценами на сырую нефть, это обстоятельство давало возможность Ашхабаду иметь в 2008 году неплохую финансовую опору в виде поступлений от экспорта газа. Более того, воспользовавшись новым курсом России на увеличение цен на поставляемый в

страны СНГ и прежде всего на Украину, газ, Туркменистан вместе с Казахстаном и Узбекистаном сумел добиться от России перехода с 2009 года на новую формулу ценообразования на экспортируемый центральноазиатский природный газ, что реально означало стремительный – в несколько раз рост этой цены (на начало 2008 года согласованная цена на поставки туркменского газа российскому «Газпрому» составляла 130 долл. за 1000 кубометров). В итоге в 2008 году наблюдался существенный рост внешней торговли Туркменистана: внешнеторговый оборот республики достиг 17,6 млрд. долл. Хотя уже в 2009 году Ашхабаду не удалось сохранить благоприятное для себя действие высоких цен на экспортируемый природный газ, внешнеполитическое положение Туркменистана от этого не пострадало.

Сфера внешней политики Туркменистана после смены главы этого государства в самом конце 2006 года развивается весьма динамично. В январе 2009 года была принята новая Военная доктрина Туркменистана⁶⁵. В данном документе отмечалось, что Туркменистан является миролюбивым государством, у которого нет споров ни с одним другим государством. Республика продолжала оставаться объектом внимания со стороны большинства мировых центров влияния благодаря богатствам своих недр. Грамотно пользуясь этим обстоятельством, туркменское руководство сумело не только избежать экономических трудностей из-за газового конфликта с российским «Газпромом», приведшего к длительной приостановке поставок природного газа, но и запустить сразу два новых магистральных газопровода: в Китай и в Иран.

Примечания

- ¹ В 1992 г. в топливно-энергетическом комплексе Туркменистана было занято примерно 14% общего числа работников промышленного сектора республики.
- ² В период Гражданской войны части Красной Армии в массовом порядке проводили откровенно карательные акции против недовольного большевиками населения Туркменистана.
- ³ По многим показателям качества жизни Туркменистан уступал всем бывшим республикам СССР, включая все союзные республики Центральной Азии. Здесь была самая низкая продолжительность жизни людей и самый высокий уровень детской смертности.
- ⁴ Углеводородный потенциал: состояние и перспективы. По материалам ГК «Туркменгеология» // Нефтегазовая вертикаль. 2007. № 20. – С. 27-29.
- ⁵ Туркмения нашла газ в обход России // Коммерсантъ. 15.10.2008.
- ⁶ Государственное информационное агентство Туркменистана (TDH). 13.10.2008.
- ⁷ Экономика золотого века. 2008. № 9-11.
- ⁸ Нефтепереработка: состояние и перспективы. Министерство нефтегазовой промышленности и минеральных ресурсов Туркменистана // Нефтегазовая вертикаль. 2007. № 20.
- ⁹ Конституция Туркменистана 1992 г. с изменениями и дополнениями от 27 декабря 1995 г. // Нейтральный Туркменистан. 09.01.1996.
- ¹⁰ Bundesgesetzblatt fuer die Republik Oesterreich. Wien. 1955. № 211.
- ¹¹ См.: Куртов А.А. Каспийское море: непоследовательность России наносит ущерб национальным интересам // Обозреватель. 2000. № 4.
- ¹² Позволим себе привести анекдотичный пример таких интерпретаций истории туркменского народа. Ниязов в своей книге вполне серьезно пишет: «Туркменское слово «эр» в мировых языках трансформировалось в «сэр», «хэр», «герр». – Сапармурат Турменбаши. Рухнама. – Ашхабад, 2002. – С. 178.
- ¹³ См.: Куртов А.А. Взаимоотношения Туркменистана с Исламской Республикой Иран // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. – М., 2008.
- ¹⁴ Ныне все эти соглашения уже потеряли свою силу.
- ¹⁵ Ниязов С.А. Наше отношение к СНГ (6 сентября 1993 г.) // Ниязов С.А. Независимость. Демократия. Благополучие. – Кн. II. – Ашхабад., 1994. – С. 73.
- ¹⁶ Дипломатический вестник. 1992. № 12. – С. 9-11.
- ¹⁷ ЭКО объединяет 10 государств: Турцию, Иран, Пакистан, Афганистан, Азербайджан,

Туркменистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан.

- ¹⁸ Обращение Президента Туркменистана в связи со второй годовщиной принятия Генеральной Ассамблеей ООН Резолюции «О постоянном нейтралитете Туркменистана» // Возрождение. 1998. № 1. – С. 2.
- ¹⁹ Ниязов С.А. Нейтралитет Туркменистана: история, мировоззрение и государственная стратегия. Выступление с лекцией по случаю празднования 5-й годовщины нейтралитета независимого Туркменистана. 01.12. 2000 // архив автора.
- ²⁰ Демократия и право. (Ашхабад). 1999. № 1. – С. 81.
- ²¹ Один из наиболее показательных примеров этой туркменской модели демократии – принятие в декабре 1999 г. Постановления Халк Маслахаты «О полномочиях первого Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши», по которому (пункт 1 постановляющей части) Ниязов получал «исключительное право осуществлять полномочия главы государства без ограничения срока». Другим примером является устав единственно существующей в Туркменистане Демократической партии, в первом же абзаце которого записано: «Демократическая партия Туркменистана (ДПТ) является политической организацией, которая под руководством Сапармурата Атаевича Ниязова (Сапармурата Туркменбаши) ставит своей целью на стыке XX и XXI веков, второго и третьего тысячелетий укрепление независимости, постоянного позитивного нейтралитета Туркменистана, построение демократического, правового, светского государства, общества справедливости. В эпоху Туркменбаши она строит свою работу под девизом: «Политика Президента Туркменистана Великого Сапармурата Туркменбаши – курс Демократической партии Туркменистана». (Устав Демократической партии Туркменистана. В редакции, принятой на съезде ДПТ 19 декабря 1998 г. (на туркмен. языке.) – Ашхабад. 1999.
- ²² См.: Куртов А.А. Зеленое знамя над Центральной Азией: так ли страшен черт, как его малюют? // Новая Россия. 2001. № 1.
- ²³ Лебедев Г. Туркменский транзит: руководство и спецслужбы Туркмении причастны к торговле наркотиками // Новая газета. 4 -10 ноября 2002 г.
- ²⁴ См.: Куртов А.А. Комиссина И.Н. Наркотическая «заря» над Центральной Азией – новая угроза цивилизации // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5.
- ²⁵ В этот же день появился Указ президента Туркменистана о создании института международных отношений МИДа республики – учебного заведения для качественной подготовки дипломатов.
- ²⁶ Следует отметить, что этот показатель ниже того, что имело место в 2007 году, когда Туркменистан посетило около 600 иностранных делегаций.
- ²⁷ Всего, как отмечалось на совещании президента Бердымухамедова с дипломатическим корпусом страны 20 марта 2008 года, Туркменистан поддерживает дипломатические отношения со 125 государствами и является членом свыше 40 международных организаций. В иностранных государствах на отмеченную дату действовали 15 дипломатических и консульских представительств, а в самом Ашхабаде функционировали 28 иностранных дипломатических миссий и 18 представительств международных организаций и союзов.
- ²⁸ Нейтральный Туркменистан. 23.01.2009.
- ²⁹ Лукин О. Востребованный потенциал партнерства // Нефтегазовая вертикаль 2007. № 20. – С.19-20.
- ³⁰ Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Казахстан и Правительством Туркменистана о сотрудничестве в строительстве Прикаспийского газопровода // Бюллетень международных договоров. 2008. № 9.
- ³¹ Нейтральный Туркменистан. 25.07.2008.
- ³² Экономика Туркмении и внешнеэкономические связи с Россией // БИКИ. 2009. 6 октября. – С. 2.
- ³³ РИА-Новости. 05.07.2008.
- ³⁴ Данные цифры были озвучены на расширенном заседании Кабинета Министров Туркменистана 13 марта 2009 года // Нейтральный Туркменистан. 14.03.2009.
- ³⁵ Нейтральный Туркменистан. 23.03.2009; 24.03.2009.
- ³⁶ Туркменистан ру. 26.03.2009.
- ³⁷ Норма «бери-или-плати» предусматривает, что покупатель, отобравший в течение конкретного периода (как правило, - квартала или года) меньше оговоренного в контракте минимального объема природного газа, частично оплачивает неотобранное количество товара. Впоследствии это количество может быть отобрано покупателем с соответствующей доплатой после отбора минимального годового объема, предусмотренного контрактом в соответствующем году поставки.
- ³⁸ Россия сбавляет газ // Газета. 31.03.2010.
- ³⁹ Нейтральный Туркменистан. 28.03.2009.
- ⁴⁰ Туркменистан разбил свой сектор Каспийского моря на 32 блока. Но лишь на некоторых из них ведется добыча углеводородов на условиях Соглашения о разделе продукции. Нельзя не отметить, что границы некоторых блоков являются спорными, так как до настоящего времени отсутствуют двусторонние соглашения между Ашхабадом и другими прикаспийскими государствами по границам национальных секторов.

- ⁴¹ Нейтральный Туркменистан. 17.04.2009.
- ⁴² См., например: Арабов П. Туркмения развязывает «газовую войну»? // Известия. 13.04.2009.
- ⁴³ Туркменистан ру. 28.04.2009.
- ⁴⁴ Нейтральный Туркменистан. 08.06.2009.
- ⁴⁵ Там же. – 14.09.2009.
- ⁴⁶ Там же. – 14.10.2009.
- ⁴⁷ Там же. – 30.12.2009.
- ⁴⁸ Лукин О. Им не жить друг без друга // Нефтегазовая вертикаль. 2010 № 6. – С. 64.
- ⁴⁹ Нейтральный Туркменистан. 10.02.2010.
- ⁵⁰ Там же. – 04.08.2009.
- ⁵¹ Там же. – 18.06.2009; 19.06.2009.
- ⁵² Там же. – 03.07.2009.
- ⁵³ Там же. – 13.07.2009.
- ⁵⁴ Туркменистан ру. 06.08.2009.
- ⁵⁵ Американская компания «Еххон» вместе с китайцами и японцами еще в 1996 году разработала ТЭО для газопровода из Туркменистана в Китай. См.: Газопроводы: состояние и перспективы // Нефтегазовая вертикаль. 2007. № 20. – С. 77.
- ⁵⁶ Газопроводы: состояние и перспективы. – Там же.
- ⁵⁷ Независимая газета. 26.02.2008.
- ⁵⁸ Новости Туркменистана 2008. № 32.
- ⁵⁹ Время новостей. 01.09.2008.
- ⁶⁰ Нейтральный Туркменистан. 28.08.2008.
- ⁶¹ Там же. – 06.01.2009.
- ⁶² Там же. – 26.06.2009.
- ⁶³ Там же. – 10.12.2009.
- ⁶⁴ Новости Туркменистана. 2009. № 49.
- ⁶⁵ Нейтральный Туркменистан. 22.01.2009.

Япония и Южная Корея в экономике Центральной Азии

Япония и Южная Корея объективно являются игроками второго плана (политически и/или экономически) в Центральной Азии по сравнению с Россией, Китаем, США, ЕС, а также некоторыми другими странами, например Турцией или Ираном. Однако степень их экономического проникновения в регион не следует недооценивать. Во многих случаях и Япония, и Южная Корея являются политически более удобными контрагентами для Казахстана и государств Средней Азии (объединенных в данном случае политико-географическим названием Центральная Азия). А чисто экономически – для центральноазиатских стран взаимодействие с японскими и южнокорейскими компаниями весьма привлекательно с учетом их финансовых и технологических ресурсов.

В Центральной Азии (прежде всего, это относится к Казахстану в качестве гораздо более «продвинутого» государства, чем его соседи по региону) довольно быстро после приобретения независимости возник особый интерес к экономической модели государств Восточной Азии, в том числе в силу определенной культурной близости. Поэтому в целом внимание в Центральной Азии к достижениям в экономическом росте Японии и Южной Кореи как наиболее развитым государствам Восточной Азии с определенной спецификой их политических режимов создавало и создает благоприятный климат для развития двусторонних торгово-экономических связей.

Япония

Для Японии в ее отношениях со странами Центральной Азии есть три главных соображения:

1. Конкуренция в Центральной Азии с Китаем, хотя последний действует в регионе более последовательно, напористо и с использованием гораздо больших финансовых ресурсов.

2. Косвенная помощь усилиям США и НАТО в Афганистане через поддержку экономических, прежде всего, инфраструктурных проектов в регионе.

3. Чисто экономические соображения доступа к ресурсам, а в перспективе и к рынкам Центральной Азии.

В свое время Япония начала с попыток создать многоформатный диалог с регионом, но особого развития он не получил. Диалог Центральная Азия + Япония был запущен в 2004 г. при премьер-министре Дз. Коидзуми. Кульминацией стал его визит в регион в 2006 г. – первый визит главы японского правительства в Центральную Азию. Но к тому времени первоначальный интерес Японии к региону, проявленный в 1990-е – начале 2000-х годов, стал уже спадать. После ухода Коидзуми последовала чехарда премьер-министров, каждый из которых оставался на своем посту около года – слишком мало времени для определения или корректировки стратегии в отношении региона, который при всей его значимости, не является регионом первоочередной важности для Японии. Поэтому гораздо более насущные проблемы внутривластного и внешнеполитического характера отодвинули интерес к Центральной Азии на задний план.

Все это привело к тому, что отношения Японии со странами региона развиваются в последние годы в основном на двустороннем уровне, причем не очень энергично. У экспертов, следящих за ситуацией в Центральной Азии,

естественно, возник вопрос, насколько Центральная Азия интересна Японии и не стагнирует ли этот интерес?¹

Эксперты называют целый ряд препятствий политического, географического, экономического и культурного характера для более широкого проникновения Японии в Центральную Азию².

Скажем, Япония не может использовать рычаги военной помощи, как, например, Россия или Соединенные Штаты. Япония также не обладает, в отличие от США или ЕС, тем политическим весом, который в какой-то мере позволял бы сбалансировать влияние России или Китая в регионе. Политическая ситуация, политические режимы в регионе являются также большим препятствием для Японии в развитии экономических и политических связей с центрально-азиатскими странами, чем для России, США, не говоря уже о Китае. Японские компании также острее реагируют на специфику бизнес-среды (это проявляется и в их отношении к инвестициям в российскую экономику и в ряде других регионах): для них Центральная Азия остается местом, где трудно вести обычный бизнес, прежде всего на уровне средних компаний. Кроме того, основа привлекательности региона – энергоресурсы – географически отрезаны от Японии огромными расстояниями, контролируемые Россией и Китаем.

Именно по этим причинам (к которым можно добавить и другие) пока трудно представить себе Казахстан, подписывающий с Японией соглашение о стратегическом партнерстве, какое он заключил с Китаем в феврале 2010 г.

Тем не менее, по отдельным направлениям, секторам, отраслям Япония развивает довольно заметные торгово-экономические связи с отдельными центральноазиатскими государствами или оказывает им заметную экономическую помощь.

Распад Советского Союза и позволил и стимулировал Японию обратить свое внимание на энергоресурсы Центральной Азии, прежде всего Казахстана, Узбекистана и Туркмении. Естественно, что почти полная зависимость (за некоторым исключением) Японии от поставок энергоресурсов из географически далекого Ближнего Востока всегда поощряла страну искать возможности снизить эту зависимость.

Однако большие ожидания, эйфория середины первого десятилетия нынешнего века сменились затем, как это часто бывает с Японией, определенным разочарованием. Помимо всего прочего, оно выразилось и в сокращении официальной помощи развитию региона со стороны Японии (млн. долл.)³:

	2004 г.	2008 г.
Казахстан	131	38
Узбекистан	100	49
Киргизия	27	12
Таджикистан	7	8
Туркменистан	2	0

И акцент на широкое сотрудничество сменился задачами обеспечения доступа к урановым ресурсам, некоторым другим источникам сырья и на незначительную помощь развитию (транспортная инфраструктура, образование и здравоохранение, водные ресурсы), что отражают выше приведенные данные. То есть Япония не уходит из Центральной Азии, но ограничивает свои усилия в регионе, не расширяя сферу их применения, а концентрируя в определенных сферах.

Обычная практика для японских компаний при осуществлении инвестиций в ресурсные проекты за рубежом – это минимизация рисков и обеспечение долгосрочных поставок сырья: то есть небольшая доля в капитале проекта, предоставление займов и заключение долгосрочных контрактов.

Первоначальное проникновение Японии в регион было основано на дипломатических усилиях по оказанию финансовой помощи и предоставлению займов, что было нацелено на получение доступа к энергетическим ресурсам и развитию инфраструктуры для их добычи и транспортировки. Например, корпорация Itochu Oil Exploration и поддерживаемые японским правительством организации финансировали развитие нефтегазовых ресурсов. Параллельно японское правительство проявило интерес к содействию улучшению системы госуправления в регионе, инвестиционного климата и его стабильности. Япония также прилагала усилия по подключению стран Центральной Азии к более широким региональным структурам в Азиатско-тихоокеанском регионе. Например, в результате прямого лоббирования японского министерства иностранных дел все пять стран Центральной Азии стали членами Азиатского банка развития (АБР) в период между 1994 и 2000 годами (Казахстан и Киргизия – 1994 г., Узбекистан – 1995 г., Таджикистан – 1998 г., Туркмения – 2000 г.)⁴. А это позволяло финансировать проекты развития в странах Центральной Азии не только напрямую, по двусторонней линии, но и через международную организацию, где Япония традиционно имеет большое влияние как ее главный донор.

Так, например, 1 мая 2010 г. в Ташкенте АБР провел свое 43-е ежегодное заседание, в результате которого президент банка, представитель Японии, Х. Курода и министр финансов Узбекистана подписали четыре соглашения о предоставлении Узбекистану займов в общей сложности на сумму 1,14 млрд. долл. (за предыдущие 15 лет страна получила от АБР в виде займов и грантов 1,28 млрд. долл.). Займы в более или менее одинаковой пропорции предназначены для осуществления проектов в энергетике, транспорте, сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности, водоснабжении и канализации, а также в образовании.

В дополнение к указанным займам АБР Управление международного сотрудничества Японии (УМСЯ) предоставит помощь для строительства крупной теплоэлектростанции (стоимость проекта – 1,28 млрд. долл. Доля АБР – 350 млн. долл., УМСЯ – 300 млн. долл.)⁵.

В последнее время в развитых странах вновь оживился интерес к развитию ядерной энергетики. Япония намерена до 2030 г. построить не менее 14 новых АЭС. Помимо этого у японских компаний есть намерение получить свою долю заказов на участие в строительстве АЭС и в других странах, за пределами Японии. Поэтому «Хитати», «Мицубиси» и «Тосиба», создавая задел по наращиванию мощностей, заключили ряд соглашений об участии в создании реакторов нового типа в США и Европе.

А для поддержки продвижения этой продукции на мировые рынки японское правительство только за последние два года подписало межправительственные соглашения о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии с целым рядом стран, в том числе с Казахстаном⁶.

Интерес Японии к Казахстану, как минимум, двоякий (и это относится не только к Японии): во-первых, у Казахстана есть планы по развитию собственных АЭС и получения доступа к технологиям производства реакторов или их отдельных компонентов, а это – рынок оборудования и технологического сотрудничества; во-вторых, Казахстан обладает вторыми в мире запасами уранового сырья. Он намерен

стать одним из ведущих его поставщиков на мировой рынок, а также развивать технологическое сотрудничество в сфере первичного обогащения урана.

Правда, среди потребителей сырья и поставщиков оборудования на мировом рынке уже образовалась и существует острая экономическая и политическая конкуренция. Но Казахстан (как и другие поставщики сырья) заинтересован в сотрудничестве с широким кругом потребителей, среди которых Япония занимает не последнее место, в рамках своей «многовекторной» внешней и внешнеэкономической политики. Тем более, что у Казахстана и Японии есть опыт сотрудничества, поскольку, в частности, японское правительство оказало помощь Казахстану в реабилитации района бывшего Семипалатинского ядерного полигона Советского Союза ⁷.

Во время визита в марте 2010 г. министра иностранных дел Казахстана в Токио стороны условились активизировать участие японских компаний в развитии энергоресурсов Казахстана, включая ядерные. Кроме того, они намерены как можно быстрее ввести в действие подписанное ранее в том же месяце двустороннее соглашение по ядерной энергетике, которое позволит Японии обеспечить стабильные поставки уранового сырья из Казахстана в обмен японские технологии ⁸.

Еще в июне 2008 г. во время визита президента Н. Назарбаева в Токио была достигнута договоренность (на базе ряда предыдущих договоренностей о сотрудничестве общего плана) разработать и подписать двустороннее соглашение по ядерной энергетике. Тогда же был подписан меморандум о намерениях по сотрудничеству между государственным предприятием «Казатомпром» и компанией «Тосиба».

Япония занимает третье место в мире по масштабам использования атомной энергии (после США и Франции). По существующим оценкам, она планирует довести долю атомного сектора в производстве электроэнергии с нынешних 30% до примерно 40% или чуть выше к 2017-2020 гг. По разным прикидкам доля Казахстана в японском импорте уранового сырья может достичь 30-40% по сравнению с нынешним 1% ⁹. Хотя такая оценка может оказаться и несколько оптимистично завышенной.

В данной сфере Японии придется конкурировать с Россией, Францией, Китаем, Индией – с ними Казахстан также имеет соглашения о сотрудничестве в ядерной области. И в стране уже имеется несколько совместных предприятий в этом секторе промышленности.

Запасы уранового сырья в Казахстане составляют примерно 1,5 млн. т (около 20% мировых запасов), а его добычу в 2009 г. планировалось довести до 11,9 тыс. т ¹⁰.

Япония фактически начала свое проникновение в атомную отрасль Казахстана в апреле 2007 г., когда тогдашний министр экономики, торговли и промышленности страны посетил Астану во главе многочисленной делегации представителей государственных органов и деловых кругов Японии. Тогда удалось заключить более двух десятков соглашений о сотрудничестве с казахстанскими партнерами (включая меморандумы о намерениях).

Так, «Марубени корп.» приобрела долю в одном из урановых рудников. Тосиба и др. компании договорились оказать помощь «Казатомпрому» в производстве атомных реакторов на легкой воде, в передаче технологии переработки ядерного топлива в обмен на поставки уранового сырья. Японские банки согласились предоставить займы для совместной разработки «Казатомпромом» и рядом японских промышленных и электроэнергетических компаний месторождений уранового сырья.

В дополнение к этому чуть позже, в октябре 2007 г., «Казатомпром» приобрел у «Тосибы» 10% акций американской компании «Вестингауз» (традиционно одного из крупнейших производителей ядерных реакторов в мире), 77% акций которой «Тосиба» приобрела годом ранее¹¹. Естественно, что это означало определенное финансовое обеспечение доступа Казахстана к соответствующим технологиям и технологическому сотрудничеству в ядерной области через взаимодействие с Японией.

Таким образом, японо-казахстанские связи в атомной отрасли становятся достаточно разветвленными, поскольку обе стороны заинтересованы в диверсификации сотрудничества в этой сфере и не намерены ограничивать число контрагентов одним-двумя.

В Туркмении для японского капитала представляют интерес отрасли, так или иначе связанные с энергоресурсами, а точнее – прежде всего с запасами природного газа. Так, в апреле 2010 г. крупнейшие японские частные банки (Bank of Tokyo-Mitsubishi UFJ, Mizuho Corporate Bank и Sumitomo Mitsui Banking Corp.) совместно с государственным Японским банком международного сотрудничества (JBIC) договорились о предоставлении самого значительно синдицированного займа, который японские банки когда-либо единовременно предоставляли центральноазиатской стране – около 45 млрд. иен (приблизительно 500 млн. долл.). Такие займы являются обычно связанными. И на этот раз он дается государственной нефтехимической корпорации Туркмении для строительства в г. Мары крупнейшего в стране предприятия по производству удобрений. Естественно, что строить его будут японские Kawasaki Plant Systems Ltd. и Sojitz Corp.¹²

Таким образом, японские корпорации стараются при поддержке банков страны и государства использовать свой опыт, технологические и финансовые ресурсы, чтобы занять определенное место в импорте оборудования и технологий, а также инженерно-строительных услуг в страны Центральной Азии. А это – одно из основных направлений внешнеэкономической деятельности японского бизнеса.

Другим примером этого является подписанное в мае 2008 г. соглашение между правительством Туркмении и японскими компаниями «Комацу» (производителем тяжелых грузовиков, различной строительной и сельскохозяйственной техники) и «Итотю корп.» (одной из ведущих торговых компаний страны из числа знаменитых «сого сёся»), в соответствии с которым Туркмения ежегодно до 2015 г. будет закупать до 200 единиц современных машин, которые будут применяться при реализации проектов в топливно-энергетическом секторе, транспортной сфере, в области водного и сельского хозяйства и других секторах экономики. В развитие реализации этого соглашения «Комацу» в начале 2010 г. сообщила о намерении развивать сервисные центры, готовить туркменских специалистов, в т.ч. организовать специальную кафедру на базе Дашогузского сельскохозяйственного института¹³.

Южная Корея

У Южной Кореи, как у Японии, также есть свои определенные целевые направления взаимодействия с Центральной Азией.

Естественно, что есть традиционный интерес к положению корейской диаспоры, сложившейся в регионе в определенных исторических условиях в рамках Советского Союза и претерпевшей некоторые численные и прочие изменения после его распада.

Но приоритет для Южной Кореи в регионе на данный момент и, как минимум, на ближайшее будущее – это энергоресурсы. А среди них пока на первом месте, как

и у Японии – урановое сырье. Так, в мае 2008 г. во время визита премьер-министра Южной Кореи в Ташкент стороны договорились о покупке 2600 т узбекского урана в течение 2010-2016 гг.

Такие соглашения важны для Южной Кореи, поскольку примерно 40% (по другим данным 30%) электроэнергии в стране вырабатывают атомные реакторы. Она на 97% зависит от импорта энергоресурсов. А сделка с Узбекистаном должна удовлетворить до 10% потребностей страны в импорте уранового сырья.

Помимо этого, Южная Корея проявила интерес к созданию с Узбекистаном совместных предприятий в разведке и добыче нефти и газа (во время визита премьер-министра Южной Кореи государственная компания Korea Gas Corporation или Kogas подписала соответствующий контракт), а также молибдена и вольфрама. Южная Корея получила эксклюзивное право на использование бизнес-парка в районе Ташкента. При этом она обещала предоставить экономическую помощь Узбекистану в размере 120 млн. долл.¹⁴

Южная Корея в качестве пятого по емкости уранового рынка в мире проявляет также интерес к сотрудничеству в ядерной области и с Казахстаном. Он поставляет уран в Южную Корею с 2005 г, обеспечивая порядка 26% ее потребностей в топливе для АЭС. В апреле 2010 г. национальная атомная компания «Казатомпром» подписала очередной Меморандум о взаимопонимании в отношении сотрудничества в атомной отрасли с компаниями Korea Resources Corporation (KORES) и Korea Electric Power Corporation (KEPCO). Основная его цель – продвижение сотрудничества путем проведения совместных разведочных и производственных работ по горнорудным проектам в Казахстане¹⁵.

Эксперты отмечают, что хотя повышенное внимание в последнее время приковано, прежде всего, к действиям Китая по обеспечению доступа к энергоресурсам Центральной Азии, Южная Корея также прилагает активные усилия в этой сфере. Это, в частности, показал визит президента Ли Мен Бака в Казахстан и Узбекистан в 2009 г. и последовавшие затем сделки по приобретению южнокорейскими компаниями соответствующих активов в регионе¹⁶.

Но у тактики Южной Кореи в нефтегазовой сфере в регионе есть свои особенности. Поскольку ей трудно конкурировать с крупными игроками типа Китая, ее компании осуществляют скупку относительно небольших и уже функционирующих ресурсных активов. Это дает возможность получать доступ к определенному набору ресурсов, пусть и небольшой единичной мощности, и позволяет избегать слишком рискованных крупных капиталовложений.

Такая тактика-стратегия не исключает, однако, осуществление отдельных крупных проектов. Особенно с учетом того, что центральноазиатские партнеры заинтересованы в диверсификации источников капитала и технологий.

Примером этого является подписание соглашения в феврале 2010 г. во время визита президента Узбекистана Ислама Каримова в Сеул по разработке блока газового месторождения Сургил (на северо-западе страны, запасы – около 130 млрд. м³) и строительству на его базе химического завода по производству пластмасс – полиэтилена и полипропилена. Ожидается, что эта продукция частично будет экспортироваться в Россию и Иран, а общий объем инвестиций может достичь 3,5 млрд. долл. при введении проекта в строй в 2014 г.¹⁷

В декабре 2009 г. государственная Korea National Oil Corp (KNOC) приобрела 85%-ную долю в казахстанской компании «Сумбе» за 335 млн. долл. после того, как «Сумбе» не сошлась в цене с одной из китайских компаний (Sinocnem). «Сумбе» владеет лицензиями на 2 месторождения, общие запасы которых оцениваются в 57,8 млн. баррелей. К 2012 г. «Сумбе» планирует добывать 10 000 баррелей в день, к 2014 г. – 20 000 баррелей¹⁸. Это немного, но вполне вписывается в тактику

«застолбить место» для перспективного развития присутствия в богатом ресурсами регионе.

Министерство энергетики в Сеуле рассматривает Казахстан в качестве базы для будущего развития нефтяных проектов в Центральной Азии с участием корейского капитала, оценивая Казахстан в качестве достаточно стабильной страны в этом регионе¹⁹.

До этого, в 2008 г. Консорциум во главе с KNOC приобрел 27%-ную долю (стоимостью 85 млн. долл.) в казахстанской Zhambyl Oil, которая владеет месторождением нефти на Каспийском море. Ведение разведки и добычи осуществляется совместно с «КазМунайгаз».

В 2009 г. южнокорейский консорциум, ведомый государственной электроэнергетической компанией KEPCO (Korea Electric Power Corp) и строительным подразделением «Самсунга» приобрел 65%-ную долю в крупном проекте по строительству теплоэлектростанции в районе Балхаша (35% – у казахстанской стороны). Ее общая стоимость – 2,5 млрд. долл. Ввод в строй – 2014 г., а мощность – от 1200 до 1500 мегаватт²⁰.

Южная Корея внедряется также в газовую промышленность Туркмении.

В декабре 2009 г. госконцерн «Туркменгаз» заключил с рядом иностранных компаний комплекс контрактов на общую сумму свыше 9,7 млрд. долл. по освоению крупнейшего в стране месторождения природного газа Южный Иолотань. Максимальная оценка запасов Южного Иолотаня была увеличена в апреле 2010 г. до с 14 (первоначально она равнялась 7 трлн.) до 16 трлн. м³. Для сравнения, запасы знаменитого Штокмановского месторождения в Баренцевом море оцениваются в 3,8 трлн. м³.²¹

Южнокорейский консорциум, в который вошли LG International Corp и Hyundai Engineering Co. Ltd, займется строительством комплекса по очистке газа от серы. Китайская CNPC (China National Petroleum Corporation) спроектирует и возведет объекты по освоению одного из участков месторождения для добычи газа. Аналогичные работы проведет Petrofac International (ОАЭ). Gulf oil & Gas FZE (ОАЭ) будет разрабатывать подземные сооружения и скважины²².

За пределами энергосектора южнокорейские компании, главным образом мелкие и средние, инвестируют в регионе в недвижимость, строительство, турбизнес, финансы, обрабатывающую промышленность и т.п. Но они осуществляют небольшие инвестиции, которые в совокупности составляют всего несколько сотен млн. долл.²³ Пожалуй, на этом фоне более или менее крупными выглядят инвестиции Daewoo в три текстильных предприятия по переработке хлопка в Узбекистане.

Здесь следует подчеркнуть одно существенное отличие: южнокорейские мелкие и средние компании с гораздо большей готовностью работают в Центральной Азии, чем японские, что, возможно, не в последнюю очередь связано с наличием здесь нынешней корейской диаспоры или старых связей «из прошлого».

Япония и Южная Корея во внешней торговле стран Центральной Азии²⁴

Естественным является то, что, исходя из масштабов экономики и выявленных до сих пор сфер интересов Японии и Южной Кореи, их главным контрагентом в торговле в регионе является Узбекистан.

Так, Япония занимает (2008г.) 7-е место в экспорте страны с довольно заметной долей в 5,1%. В импорте – относительно прочные позиции у Южной Кореи

(12% импорта Узбекистана), которую только в последнее время (с 2007 г.) стал опережать (и достаточно быстро) Китай, пока еще уступающий первое место России.

Южная Корея в 2008 г. вышла на 9-е место в импорте Казахстана, опередив Голландию, хотя ее доля в казахстанском импорте по-прежнему невелика – 1,6%. Аналогичное 9-е место Южная Корея занимает и в импорте Киргизии с такой же незначительной долей (1-1,5%).

Япония же вообще пока не присутствует в первой десятке стран-контрагентов ни в экспорте, ни в импорте Казахстана. Тоже можно сказать о роли Японии и Южной Кореи в торговле Туркмении и Таджикистана.

Основные торговые потоки представляют собой импорт сырья и полуфабрикатов из Центральной Азии и экспорт сюда японских и южнокорейских готовых изделий, включая оборудование.

Южная Корея старается подкрепить развитие торгово-экономических связей со странами Центральной Азии усилением политической активности в регионе. В частности, для этого она использует проведение ежегодного форума Южная Корея – Центральная Азия на уровне министров иностранных дел.

Есть и признаки становления военно-технического сотрудничества Южной Кореи (здесь ей политически действовать намного проще, чем Японии, для которой пока это закрытая область) с государствами Центральной Азии. В конце 2009 г. о планах создания на Каспии соединения малых сторожевых кораблей сообщил новый командующий ВМС Казахстана Ж. Жанзаков. Причем все новые корабли будут построены в Южной Корее, которая победила в конкуренции с Россией. По словам Жанзакова, приоритет отдан южнокорейским судостроителям, поскольку «корабли российского производства дороже», а, согласно командующему ВМС, «качество и цена имеют значение». На сегодня южнокорейские сторожевики будут самыми быстрыми кораблями на Каспии, развивая скорость в 38 узлов. Кроме того, казахстанская сторона намерена по возможности приобретать корабли одного класса у одного производителя, чтобы «унифицировать подготовку личного состава и проведение ремонтных работ». А казахстанские экипажи уже ходили на южнокорейских кораблях по Японскому морю.

По мнению директора Центра анализа стратегий и технологий Р. Пухова, в данном факте нет ничего необычного. Южная Корея традиционно имеет в Казахстане крепкие позиции, и в Астане есть мощное южнокорейское политическое и экономическое лобби²⁵. К этому следует добавить, что Южная Корея уже давно имеет мощную судостроительную промышленность и является в этой сфере сильным конкурентом.

Отдельно стоят вопросы помощи двух стран развитию инфраструктуры в Центральной Азии. Для региона это очень важная область еще на многие годы вперед. И здесь есть не только экономическая, но и немалая политическая подоплека. Скажем, на Японию в этой сфере возлагали и возлагают надежды, в том числе и в первую очередь Соединенные Штаты, Основная цель – содействовать развитию транспортной инфраструктуры региона в основном на юге и частично на западе: в обход России и Китая. Япония представляется политически менее ангажированной и ей в принципе легче предлагать соответствующие проекты и, так или иначе, поддерживать их, прежде всего финансово.

Япония, например, помогала строить автомобильную дорогу в Таджикистане до Афганистана. На определенном этапе Узбекистан был в фокусе усилий Японии в помощи развитию в Центральной Азии именно в инфраструктурных проектах (аэропорт, дороги)²⁶. Затем наступил определенный спад. Но, как отмечалось ранее, Япония вновь в известной мере возобновляет интерес к инфраструктурным

проектам в Узбекистане, в данном случае в кооперации с АБР. И у нее есть для этого немалые финансовые ресурсы.

Еще одно направление, где Япония может играть большую роль, чем в настоящее время – это экономическая помощь, у которой есть существенная гуманитарная составляющая. Не всегда для этого требуются значительные ассигнования. Например, оказание поддержки малоимущим фермерам и сокращение бедности остаются приоритетным направлением японской помощи Таджикистану. Правительство Японии, в частности, выделило 2 млн. долл. на закупку и лизинг различной сельскохозяйственной техники и удобрений. Средства небольшие, но способные помочь выжить наиболее бедным фермерам (а точнее – крестьянам). В настоящее время Японское агентство по международному сотрудничеству осуществляет еще ряд проектов в сельскохозяйственном секторе страны²⁷.

Заключение

Таким образом, Япония и Южная Корея постепенно развивают торгово-экономические связи со странами Центральной Азии и расширяют свое присутствие в их экономике.

Для Японии внимание к Центральной Азии – как экономическое, так и политическое – будет особенно стимулироваться мониторингом действий Китая в регионе и ожиданием возникновения или роста китайско-российских противоречий в тех или иных областях в Центральной Азии²⁸.

Для Южной Кореи, видимо, сохранит некоторое значение внимание к положению корейской диаспоры в регионе, хотя она и сократилась существенно со времен распада Советского Союза.

В экономической области оба государства заинтересованы в доступе к природным ресурсам региона, а в перспективе и в рынках сбыта для своей технологичной продукции. При этом они останутся игроками второго плана в регионе по сравнению, по крайней мере, с Китаем и Россией.

Примечания

¹ См., например, Is Japan's Interest in Central Asia Stagnating? By Amy King and Jacob Townsend. 09/05/2007 issue of the CACI Analyst.

² http://www.google.ru/search?hl=ru&newwindow=1&q=Japan%27s+interests+in+Central+Asia&btnG=%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA&lr=&aq=f&aqi=&aql=&oq=&gs_rfai=

³ http://www.google.ru/search?hl=ru&newwindow=1&q=Japan%27s+interests+in+Central+Asia&btnG=%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA&lr=&aq=f&aqi=&aql=&oq=&gs_rfai=

⁴ http://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2009/html/index_shiryo.html;

⁵ <http://www.mofa.go.jp/policy/oda/white/2005/ODA2005/html/siryo/index.htm>

⁶ www.uznews.net/news_single.php?nid=13569.

⁷ http://www.uznews.net/news_single.php?nid=13569.

⁸ <http://www.newizv.ru/news/2010-04-28/125944/>.

⁹ <http://www.today.kz/ru/news/kazakhstan/2010-03-24/tokio2>.

¹⁰ The Japan Times. March 25, 2010.

¹¹ http://www.nti.org/e_research/e3_japan_nuclear_cooperation.html.

¹² www.kazatomprom.kz.

¹³ http://www.nti.org/e_research/e3_japan_nuclear_cooperation.html.

¹⁴ Biggest Japanese syndicated loan to a central Asian nation, 19 April 2010,

<http://www.allenoverly.com/AOWEB/Knowledge/Editorial.aspx?contentTypeID=1&itemID=55603&prefLangID=410>.

¹⁵ 07.04.2010. www.regnum.ru/news/1271092.html.

¹⁶ South Korea scouts for energy in Central Asia. 12 May 2008.

http://www.world-nuclear-news.org/ENF-South_Korea_scouts_for_energy_in_Central_Asia_1205081.html.

¹⁵ [http://www.kazatomprom.kz/ru/news/2/press-](http://www.kazatomprom.kz/ru/news/2/press-reлиз_o_podpisanii_memorandumov_s_kompaniyami_kores_i_kePco)

[reliz_o_podpisanii_memorandumov_s_kompaniyami_kores_i_kePco](http://www.kazatomprom.kz/ru/news/2/press-reлиз_o_podpisanii_memorandumov_s_kompaniyami_kores_i_kePco).

¹⁶ South Korea's move in Central Asia. 03/03/2010 issue of the Central Asia-Caucasus Institute Analyst.

<http://www.cacianalyst.org/?q=node/5278>.

¹⁷ Korean cash to flow into Uzbekistan. Feb 24, 2010. www.atimes.com.

¹⁸ <http://profinance.kz/2009/12/29/unyoubya-iyouihsya-sgncb-85-ubpbxyobyu-ignc.html>.

¹⁹ <http://www.ft.com/cms/s/0/7469154e-f467-11de-9cba-00144feab49a.html>.

²⁰ <http://in.reuters.com/article/oilRpt/idINSEO24312420090513>.

²¹ <http://www.lenta.ru/news/2010/04/14/up1/>.

²² <http://lenta.ru/news/2009/12/30/explore/>

²³ См. например, Lee Jae-Young. Economic Cooperation between South Korea and Kazakhstan. Working Paper 09-07. October 2009. US-Korea Institute at SAIS.

<http://www.uskoreainstitute.org/>

²⁴ все данные по: www.adb.org.

²⁵ http://www.ng.ru/cis/2009-11-10/1_kaspiy.html?mthree=9.

²⁶ US and Japan build a new Silk Road. Feb 18, 2009. www.atimes.com.

²⁷ 18.04.2010. www.regnum.ru/news/1274893.html.

²⁸ См, например, Pipeline politics in Central Asia. The Japan Times. Jan. 5, 2010.

Южный Кавказ: разные пути постсоветского развития

Значение Южного Кавказа (ЮК) в современной мировой политике определяется тем, что благодаря появлению нескольких независимых государств на месте бывшего российско-советского Закавказья США, НАТО и ЕС получили важный военно-политический плацдарм, а также доступ к энергетическим ресурсам Каспия в обход России и Ирана. Географическая близость и высокая степень интеграции этого региона с Россией определяют ту важнейшую роль, которую он играет в российской политике и экономике, а также определяет характер тех вызовов, с которыми сталкивается Россия в своем уязвимом южном «подбрюшье».

После распада СССР новая геополитическая роль ЮК в сочетании с высоким внутренним потенциалом конфликтности обусловили превращение региона в одну из основных «зон нестабильности» в мире. Наряду с большой, временами несоразмерной ролью внешнего фактора в жизни ЮК сохраняется большое число межгосударственных конфликтов, а также всевозможных проблем внутри каждой из стран региона.

В странах ЮК произошло резкое падение уровня жизни, промышленного и сельскохозяйственного производства, научного, технологического потенциала, социального и медицинского обслуживания. Стремительное расслоение и социальная поляризация привели к формированию в каждой из стран региона богатой прослойки, которая включает в себя государственную бюрократию и тесно связанный с нею бизнес, весьма близкую по своим характеристикам к «новым русским». В регионе так и не сформировалось сколько-нибудь значительного среднего класса, для подавляющего большинства населения два первых десятилетия независимого развития принесли с собой обнищание и деградацию качества жизни.

В результате падения уровня жизни произошло значительное снижение индекса развития человеческого потенциала, массовый выезд на заработки в основном мужчин молодого и среднего возрастов с нарушением нормальной пропорции полов в населении, при этом женский перевес начинается уже в относительно молодых возрастах и затем устойчиво нарастает. В связи с тем, что большая часть потенциальных мигрантов уже выехала (в основном в Россию), масштабы миграции значительно сократились. Но пока нет достаточных оснований полагать, что в ближайшем будущем демографическая ситуация в регионе улучшится. Более вероятно, что во всех странах региона продолжится одновременное уменьшение численности населения и его старение.

Два десятилетия независимого развития ЮК привели к тому, что относительная однородность, унаследованная расположенными здесь государствами от советских времен, была утрачена. Подобная неоднородность в региональном разрезе будет способствовать сохранению высокого потенциала конфликтности внутри каждой из стран ЮК и на международном уровне.

Грузия: без Абхазии и Южной Осетии

Исповедующие евроатлантические ценности власти постсоветской Грузии не сумели провести экономических реформ, промышленность и сельское хозяйство находятся в состоянии глубокого кризиса. Страна выживает лишь благодаря масштабной финансовой помощи от ЕС и США¹. Православие и национальная

культура испытывают все возрастающее внешнее давление, происходит размывание национальной идентичности, интеллектуальный потенциал страны имеет устойчивую тенденцию к снижению.

По данным Национального банка Грузии, совокупный внешний долг страны в 2009 г. вырос на 1329 млн. долларов, или на 18,2% и достиг 8631 млн. долларов, что составило 80,3% ВВП страны. За год долг государственного сектора Грузии возрос на 477,4 млн. долларов до 2738 млрд. долларов, а Национального банка – на 453,5 млн. долларов до 913,7 млн. долларов. К 2013 г. для обслуживания внешнего долга потребуется 760 млн. лари (458,4 млн. долларов по нынешнему курсу), а на проценты – 80 млн. лари (48,25 млн. долларов)². Очевидно, что таких денег у Грузии нет. Если не поступит новой финансовой помощи (что весьма проблематично в условиях глобального экономического кризиса), Грузия имеет все шансы стать государством-банкротом.

В результате противоречащей национальным интересам политики властей Грузия превратилась в государство с ограниченным суверенитетом, заложника трудно прогнозируемых глобальных геополитических изменений. Во многом благодаря отказу тбилисского руководства от самостоятельной внутренней и внешней политики перспективы развития ситуации в Грузии и во всем регионе теперь во многом зависят от политики внешних по отношению к региону игроков – прежде всего США.

До введения в Грузии чрезвычайного положения и разгона массовых акций протеста (ноябрь 2007 г.) Запад высоко оценивал М. Саакашвили в качестве демократического лидера. Но после жестокого подавления оппозиции в Тбилиси и развязанной М. Саакашвили войны в Южной Осетии (август 2008 г.) Грузия утратила образ «витрины» постсоветской демократии. Как констатировала газета «The Washington Post», президент Грузии «повредил американскому продвижению демократии гораздо больше, чем это могла бы сделать дюжина президентов Пакистана, таких, как Первез Мушарраф. Никто не ожидал демократического развития Пакистана, но, что удивительно, США ожидали этого от Грузии. Кроме того, все оправдания Саакашвили, сводящиеся к вмешательству России, нельзя принимать на веру...»³.

Укоренение демократических институтов в постсоветской Грузии столкнулось с наибольшими трудностями в регионе. Здесь до сих пор отсутствует прецедент смены власти путем президентских выборов. З. Гамсахурдия и Э. Шеварднадзе были свергнуты антиконституционным путем. На проведенных в январе 2008 г. по настоянию США⁴ досрочных президентских выборах было осуществлено переизбрание М. Саакашвили на второй срок. При этом электоральная процедура имела формальный характер и была использована как средство легитимации продолжения его правления. Фактически оппозиция не имела никаких шансов на победу, так как Саакашвили установил жесткий контроль над всеми ветвями власти, ЦИКом, выборными комиссиями, а также, что особенно важно, над силовыми структурами, которые в состоянии подавить возможные выступления протеста.

Проводимая Тбилиси политика унитаризма и дискриминации этнических меньшинств привела к войнам в Абхазии и Южной Осетии. После разгрома грузинской армии в Пятидневной войне (август 2008 г.) независимость этих республик была признана Россией, Венесуэлой, Никарагуа и Науру. Высокий уровень межэтнического напряжения продолжает сохраняться в районах с азербайджанским населением (Квемо-Картли) и в населенной армянами Джавахетии.

В Грузии сложилась наиболее жесткая в регионе авторитарная модель управляемой имитационной демократии. Правящий режим жестко контролирует

политическую жизнь и в состоянии обеспечивать на выборах нужные результаты независимо от того, как проголосуют избиратели. Глубокий социально-экономический кризис, усиление авторитарных тенденций и рост протестных настроений повышает вероятность дестабилизации Грузии.

После окончания Пятидневной войны Грузия заявила о выходе из состава СНГ в знак протеста против «российской оккупации» Абхазии и Южной Осетии. В соответствии с уставом СНГ, процедура выхода Грузии из состава Содружества завершилась через год - 18 августа 2009 г.

Пятидневная война в августе 2008 г. и последовавшее за ней признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии не привели к решению абхазской и югоосетинской проблем, но они изменили свое содержание. Об окончательном решении можно будет говорить лишь в случае полного международного признания двух республик, либо после их возвращения в состав Грузии. Очевидно, что о втором варианте можно говорить лишь как о теоретически вероятном в весьма отдаленном историческом будущем.

После военных действий в Южной Осетии и бегства из республики грузинского населения местное общество отличается высокой степенью консолидации на антигрузинской платформе. События августа 2008 г. привели к полной дискредитации тех южноосетинских политических деятелей (Д. Санакоев и др.), которые считали возможным решение проблемы путем возврата республики в состав Грузии в качестве автономии.

Грузинское правительство лишилось надежды на приход к власти в Южной Осетии сторонников компромисса между Тбилиси и Цхинвалом по крайней мере в обозримом будущем. Более того, утрата контроля над частью территории Южной Осетии лишила власти Грузии возможности разыгрывать карту «легитимного параллельного правительства» РЮО как внутри этой республики, так и на международной арене.

Идея развития РЮО по пути укрепления собственной национальной государственности до сих пор не пользуется популярностью среди элиты и в обществе, так как она препятствует национальному объединению осетин в рамках единого государства. Не менее важно, что в современных условиях республика не в состоянии существовать без масштабной финансовой поддержки России⁵. В этом отношении Абхазия принципиально отличается от Южной Осетии.

В Абхазии идея государственной независимости получила широкую поддержку среди элиты и в обществе, о былых призывах включить республику в состав России многие местные политики теперь предпочитают не вспоминать⁶. При этом у политической элиты нет достаточно ясного представления о будущем пути социально-экономического развития Абхазии. Несмотря на определенные достижения, пришедший к власти в результате президентских выборов 2004-2005 гг. политический блок во главе с С. Багапшем не сумел претворить в жизнь своих предвыборных обещаний и обеспечить коренное улучшение социально-экономической ситуации.

Размеры пенсий и зарплат на государственных предприятиях, прежде всего в сфере образования, медицины, в государственных органах и на предприятиях продолжают оставаться низкими, часто символическими. Состояние ЖКХ в целом остается плачевным. Наблюдается быстрое социальное расслоение общества, которому способствуют масштабные финансовые вливания из России⁷. Это стимулирует рост протестных настроений в среде абхазов и среди местного населения в целом.

Сложными остаются и межэтнические отношения. Низкий уровень рождаемости в среде абхазов и куда более высокий у армянского населения

повышает опасность роста напряженности в отношениях между двумя наиболее многочисленными в настоящее время общинами. В случае ужесточения режима на границе Абхазии и Грузии сильно осложнится и положение грузинского (мегрельского) населения Гальского района, что может стать источником подпитки местного протбилисского подполья.

С. Багапш позиционирует себя прежде всего как гарант внутривнутриполитической стабильности и безопасности Абхазии. На проведенных в декабре 2009 г. президентских выборах он эффективно использовал признание Россией независимости Абхазии, разгром грузинской армии в августе 2008 г. и освобождение Кодорского ущелья, в результате которого власти Грузии лишились возможности разыгрывать карту собственного «легитимного правительства Абхазии».

Выборы привели к значительным изменениям внутри абхазского руководства. После своего переизбрания на второй срок С. Багапш признал наличие многих нерешенных проблем и выразил твердое намерение реформировать госаппарат, сделать его более мобильным и эффективным. Было заявлено, что одним из средств решения этой задачи станет омоложение управленческих кадров путем привлечения к работе в органах власти и управления молодых, подготовленных специалистов.

Новым главой правительства Абхазии стал бывший министр иностранных дел С. Шамба. В отличие от многих других членов прежней администрации он сумел сохранить конструктивные отношения с оппозиционными лидерами и партиями, в том числе и наиболее радикальной по отношению к власти их частью. Назначение новым премьер-министром именно С. Шамба наглядно свидетельствует о стремлении С. Багапша консолидировать элиту и общество, перевести отношения между властью и оппозицией в русло конструктивного диалога.

После Пятидневной войны ситуация на Южном Кавказе коренным образом изменилась. Наши западные партнеры вынуждены считаться с тем, что рассчитывать на «уход России с Кавказа» больше не приходится. Глобальный экономический кризис отодвинул грузинские проблемы на дальнюю периферию мировой политики. Одновременно наблюдается резкая активизация дипломатической активности вокруг проблемы нормализации отношений между Арменией и Турцией, а также вокруг урегулирования Карабахской проблемы. Это свидетельствует о возросшей роли Азербайджана и Армении в международной и региональной политике.

Азербайджан

После распада СССР обладающий богатыми сырьевыми ресурсами Азербайджан оказался в регионе в наиболее благоприятном положении. Главным источником доходов стал экспорт энергоносителей на мировые рынки и экономический рост страны до сих пор базируется на экстенсивном использовании энергетических ресурсов.

Благодаря своему географическому положению и нефтегазовым месторождениям Азербайджан был и остается для США одним из самых приоритетных государств на постсоветском пространстве. США оказали Азербайджану значительную по объемам помощь в области военного и военно-морского строительства, активно содействовали углублению отношений Азербайджан-НАТО.

США и ЕС провозгласили своей важнейшей задачей преодоление чрезмерной, по их мнению, зависимости Европы от российских энергоносителей. Началось строительство новой системы трубопроводов через Азербайджан, Грузию, Турцию и

далее в Европу. Уже построены нефтепровод «Баку - Тбилиси - Джейхан» и газопровод «Баку – Тбилиси – Эрзерум». Администрация Б. Обамы продолжила курс прежней администрации на строительство «Южного энергетического коридора» в обход России и Ирана.

Азербайджанское руководство демонстрирует заинтересованность в развитии энергетического сотрудничества с США и ЕС. Оно не раз заявляло, что сотрудничество Азербайджана с НАТО носит стратегический характер, и страна сделала свой выбор в пользу «истинной демократии» и «евроатлантических ценностей». Но для официального Баку такой выбор вовсе не означал отказа от собственного суверенитета и слепого следования в фарватере американской политики.

Президент Ильхам Алиев много раз повторял, что нынешние российско-азербайджанские отношения могут служить примером взаимодействия между двумя соседними государствами. На основании существующего высокого уровня взаимопонимания и схожести позиций по многим проблемам глобальной политики И. Алиев заявил о том, что российско-азербайджанские отношения уже достигли уровня стратегического партнерства. В Москве также не скупятся на комплименты в адрес официального Баку. Представители МИД России также не раз заявляли, что российско-азербайджанские отношения достигли уровня стратегического партнерства.

Российские власти занимают подчеркнуто отстраненную позицию по отношению к внутривнутриполитическим событиям в Азербайджане. Кремль предпочитает никак не проявлять публично своих симпатий или антипатий по отношению к тем или иным политическим силам в Азербайджане. Но эти симпатии вполне очевидны.

Нынешние оппозиционеры рассматриваются как продолжатели авантюристического и антироссийского курса А. Эльчибея⁸ и поэтому не могут найти в Москве никакой поддержки. При отце же и сыне Алиевых ситуация в Азербайджане вновь стала стабильной, российско-азербайджанские экономические связи были восстановлены и теперь активно развиваются. И это обстоятельство имеет для российского руководства куда более важное значение, чем авторитаризм, нарушения прав человека и т.п. «недостатки» нынешнего правящего в Азербайджане режима.

Такую же «отстраненно-созерцательную» позицию по отношению к происходящим в Азербайджане событиям занимают США, ЕС и практически все государства, олицетворяющие современную западную демократию. Несмотря на постоянную критику, звучащую в адрес Баку из западных столиц, ничего подобного имевшему место ранее в ряде постсоветских государств массированному вмешательству во внутренние дела и откровенной поддержке оппозиции в Азербайджане не наблюдалось. И это естественно: в международных отношениях собственные национальные интересы куда важнее интересов «продвижения демократии» в других странах.

США рассматривают Азербайджан как удобный плацдарм для расширения политического и военного присутствия в Каспийско-Черноморском регионе, транзитную страну для экспорта энергоносителей из Центральной Азии и важный поставщик энергоносителей. Для ЕС важна не столько военно-политическая составляющая, сколько роль Азербайджана в качестве транзитной страны и поставщика энергоносителей в Европу.

Для России Азербайджан является ценным торговым партнером и важнейшей частью новых транспортных коридоров Север-Юг, которые связывают ее с Ираном и странами Южной Азии. Москва не считает, что расширение военно-политического присутствия США послужит укреплению стабильности в Каспийско-Черноморском

регионе. Интересам национальной безопасности России противоречит втягивание Азербайджана в военную операцию против Ирана, что угрожает дестабилизацией ситуации на российских южных границах.

Очевидно, что превращение Азербайджана в транзитную страну для экспорта центрально азиатских энергоресурсов на мировые рынки противоречит интересам российских энергетических монополий, и повлекло бы за собой ослабление позиций РФ в ЦАР и на Южном Кавказе. Российское руководство с успехом нейтрализовало эту угрозу путем развития взаимовыгодного энергетического сотрудничества со странами ЦАР (предоставление транзита на внешние рынки по существующим трубопроводам, собственные закупки нефти и газа и т.п.). В 2009 г. Россия начала закупать газ и в Азербайджане. До этого главными экспортерами азербайджанского газа были Грузия и Турция.

Азербайджан имеет контрактные обязательства перед Турцией о поставках с месторождения «Шах Дениз» в рамках проекта «Стадия-1» ежегодно 6,3 млрд. кубометров газа в течение 16 лет. Эти поставки начались в конце 2006 г. По условиям подписанного в 2001 г. контракта его цена была определена в 120 долларов за 1 тыс. кубометров. Вместе с тем, в контракте оговаривалось, что стоимость газа с «Шах Дениз» может быть пересмотрена уже через год после начала поставок и затем это может делаться ежегодно по обоюдному согласию сторон. Как указано в контракте, переход на новую цену может начаться с 15 апреля 2008 г. И, когда эта дата наступила, Азербайджан заявил о намерении повысить цену, так как она оказалась почти в три раза ниже, чем в Европе. Но турецкая госкомпания Botas выступила против такого повышения. При этом эта компания покупала топливо у «Газпрома» почти в 3 раза дороже, чем в Азербайджане⁹.

Турецкая сторона предложила установить тариф за транзит азербайджанского газа в Европу в размере 70% от общепринятых мировых норм. По словам турецкого министра природных ресурсов и энергетики Т. Йылдыза, цена за прокачку 1 тыс. кубометров газа за каждые 100 км должна составить 2,36 доллара (Украина получает за прокачку российского газа 2,6 доллара). При этом Анкара явно стремилась увязать проблему прокачки газа в Европу с сохранением льготных цен на азербайджанский газ для Турции. По мнению азербайджанской стороны, предложенные Турцией тарифные ставки на прокачку газа являются совершенно неприемлемыми, так как они на 70% превышают аналогичные ставки по региону¹⁰.

Противоречия в энергетической сфере обострились еще больше после подписания протокола об установлении дипломатических отношений между Турцией и Арменией и последовавшего за этим беспрецедентного охлаждения отношений между Азербайджаном и Турцией. Азербайджанский МИД заявил, что подписание протокола «явно противоречит национальным интересам Азербайджана, а также бросает тень на братские отношения между Азербайджаном и Турцией, имеющие глубокие исторические корни»¹¹.

Страсти особенно накалились, когда во время футбольного матча между командами Турции и Армении в Бурсе, состоявшегося 14 октября 2009 г., было запрещено использование азербайджанских флагов, а СМИ Азербайджана сообщили о том, что офицеры турецкой полиции разорвали азербайджанский флаг, а затем выбросили его в мусорный контейнер. Азербайджанские СМИ негодовали и по поводу «теплых объятий» президентов Армении и Турции, а также из-за того, что жена президента А. Гюля якобы сама приготовила обед для С. Саргсяна, а турецкий президент якобы не нашел ничего лучшего, чем предоставить армянскому коллеге для ночлега собственную спальню.

Все эти сообщения вызвали взрыв антитурецких настроений в Азербайджане. Турецкие флаги, развивавшиеся у мемориала в память о погибших турецких

солдатах, были спущены. Состоялись демонстрации молодежи, представители различных партий подвергли турецкое руководство резкой критике «за унижение азербайджанского национального достоинства», в парламенте страны были проведены эмоциональные дебаты по поводу «инцидента с азербайджанским флагом».

Кризис в отношениях между Азербайджаном и Турцией, а также неопределенные перспективы экспорта азербайджанского газа в Европу, вынудили Баку срочно заняться поиском альтернативных рынков сбыта. 16 октября 2009 г. Ильхам Алиев заявил, что Азербайджан будет рассматривать альтернативные варианты экспорта газа, так как турецко-азербайджанские переговоры о транзите голубого топлива не дали результатов. Более того, он обвинил Турцию в том, что она препятствует достижению договоренностей, предлагая неприемлемо низкие цены за азербайджанский газ¹².

Пропускная способность связывающего Азербайджан и Россию газопровода составляет до 7 млрд. кубометров газа в год. Таким образом, Азербайджан имеет возможность продавать России до трети ныне добываемых объемов газа. Руководство Азербайджана заявило о своей готовности продавать России столько газа, сколько ей необходимо.

14 октября 2009 г. Газпром и ГНКАР подписали контракт об экспорте 500 млн. кубометров азербайджанского газа в Россию по цене, которую И. Алиев назвал «взаимовыгодной»¹³. Контракт изначально предусматривал возможность дальнейшего наращивания объемов поставок. В конце 2009 г. президент ГНКАР Р. Абдуллаев заявил, что достигнута договоренность с Газпромом об увеличении поставок газа в Россию в 2010 г. до 1 миллиарда кубометров. Наряду с этим ГНКАР заявил о возможности строительства предприятий по сжижению азербайджанского газа в Грузии, с дальнейшей его транспортировкой газозавозами по Черному морю в Румынию и Болгарию.

Еще одним важным потребителем азербайджанского газа может стать Иран. После распада СССР Азербайджан и Иран договорились о поставках газа на основе взаимобмена. Газ из Азербайджана поступает в приграничные иранские провинции, а Иран поставляет такое же количество газа в изолированную от остальной азербайджанской территории Нахичеванскую автономную республику (НАР).

11 ноября 2009 г. ГНКАР и иранская Национальная газовая компания подписали меморандум по поставкам азербайджанского газа в Иран, начиная с 2010 г. Соглашение предусматривает, что на начальном этапе ГНКАР будет поставлять Ирану по «близкой к мировой» цене не менее 500 млн. кубометров газа ежегодно, на последующих этапах этот объем должен быть увеличен.

В январе 2010 г. ГНКАР и иранская Национальная газовая компания подписали соглашение об объемах поставок газа в Иран. В настоящее время Азербайджан экспортирует в Иран ежедневно 2 млн. кубометров газа, из указанного объема 800 тыс. кубометров прокачиваются в Нахичевань (НАР), 1,2 млн. кубометров - идет в северные провинции Ирана¹⁴.

Стороны договорились продолжить работу над долгосрочным контрактом об экспорте азербайджанского газа в ИРИ, при этом объем долгосрочных поставок составит как минимум 3-5 млн. кубометров в сутки. Иранская сторона выразила готовность в перспективе покупать у Азербайджана любые объемы газа¹⁵.

Не исключено, что азербайджанский газ станет важной составляющей в обсуждаемом сейчас проекте «мирного трубопровода», который пройдет из Ирана в Пакистан и Индию. Как подчеркивают участники этого проекта, он призван сыграть большую роль в укреплении стабильности в регионе и его экономическом развитии. По мнению ряда азербайджанских экспертов, стране «проще и дешевле»

договориться об экспорте азербайджанского газа в Азию, чем продолжать ждать реализации «эфемерного Набукко»¹⁶.

Изменение энергетической политики Азербайджана вызвало негативную реакцию у западных партнеров. Спецпредставитель госсекретаря США по вопросам энергетики Р. Морнингстар в январе 2010 г. посетил Азербайджан. После своего возвращения в Вашингтон он назвал разочарывающим отсутствие соглашения между Азербайджаном и Турцией по условиям поставок газа. Р. Морнингстар исключил всякую возможность участия Ирана в «Южном коридоре» и констатировал, что этот проект может оказаться нежизнеспособным, если не будет достигнуто «целесообразного с коммерческой точки зрения и взаимовыгодного соглашения по условиям транспортировки газа»¹⁷.

О возможных негативных для Азербайджана последствиях заявил вице-председатель подкомитета Европарламента по правам человека и представитель Консервативной партии Великобритании по вопросам внешней политики Ч. Таннок. По его мнению, в случае возникновения трудностей с осуществлением «Набукко» по вине Баку это может стать «дополнительным препятствием для Азербайджана в его намерениях вступить в евро-атлантические структуры экономики и безопасности»¹⁸. Наряду с давлением на Баку страны Запада оказывают давление и на Анкару с целью добиться скорейшего решения проблемы транзита азербайджанского газа через Турцию.

Развитию энергетического сотрудничества между Азербайджаном и соседними Россией и Ираном благоприятствует наличие связывающих их газопроводов, оставшихся с советских времен. Азербайджан и Иран связывает газопровод Гази – Магомед – Астара – Бинд - Бианд, пропускная способность которого составляет 10 миллиардов кубометров в год. В феврале 2010 г. ГНКАР заявила о намерении построить и запустить в эксплуатацию в 2012 г. еще один газопровод в Иран по маршруту Сангачал - Азадкенд – Астара мощностью 6,57 миллиардов кубометров в год. Если эти газопроводы заработают на полную мощность – то газа для других потребителей у Азербайджана может не остаться¹⁹.

Осуществленная в кратчайшие сроки диверсификация газовых поставок укрепила позиции Баку на переговорах с Турцией. После подписания контракта на поставку азербайджанского газа в Россию Ильхам Алиев заявил, что Азербайджан совершенно не устраивают предлагаемые Турцией цена на газ и тарифные ставки за его транзит. Он прямо обвинил Анкару в том, что она препятствует экспорту азербайджанского топлива в Европу²⁰.

Очевидно, что если Турция продолжит затягивать решение о переходе на приемлемые для Азербайджана цены на газ и на транзит, масштабы энергетического сотрудничества между двумя странами могут стать минимальными. Однако вряд ли такая перспектива станет реальной: для Баку невыгодно попадать в чрезмерную зависимость от одного из своих потребителей, будь то Турция, Иран или Россия, а также слишком опасно обострять отношения с США и ЕС.

Проводимый Баку курс на развитие в первую очередь энергетического сектора позволяет получать политические и финансовые выгоды, но он стал причиной недостаточной диверсификации экономики и зависимости страны от ситуации на мировом энергетическом рынке. К тому же энергетические ресурсы Азербайджана ограничены и есть веские основания полагать, что уже в ближайшем будущем объемы добычи могут значительно снизиться. Пока азербайджанская элита не проявляет заметного беспокойства по поводу зависимости от «нефтяной иглы» и не имеет достаточных стимулов к политической и экономической модернизации.

В стране сложилась авторитарная модель управляемой или имитационной демократии. Правящий режим полностью контролирует политическую жизнь страны

и в состоянии обеспечивать на выборах нужные результаты, причем, в случае необходимости даже независимо от того, как проголосуют избиратели. Согласно официальным данным, в октябре 2008 г. 88,73% пришедших на выборы избирателей проголосовали за переизбрание действующего президента Ильхама Алиева²¹.

В марте 2009 г. по инициативе правящей партии «Ени Азербайджан» («Новый Азербайджан») в Азербайджане состоялся конституционный референдум. Согласно официальным данным, более 90% участников голосования одобрило внесение изменений в конституцию страны, в том числе отмену ограничений на избрание президентом одного и того же лица более двух раз. Это значит, что Ильхам Алиев сможет остаться у власти и после окончания своего второго президентского срока в 2013 г.

По мнению лидеров оппозиционных движений, изменения политической системы фактически превратили страну в наследственную монархию. Оппозиция, призвавшая бойкотировать референдум, отказалась признать достоверными его официальные результаты. Однако действия оппозиции никак не повлияли на ход референдума и его итоги, не получили они и международной поддержки. Миссия наблюдателей от Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) отметила, что референдум «продемонстрировал готовность азербайджанского народа к расширению элементов стабильности и демократизации». Глава миссии, бельгийский депутат П. Уилл подчеркнул, что референдум прошел в спокойной обстановке и при высокой активности избирателей²².

Миссия наблюдателей от СНГ также признала референдум свободным, открытым, соответствующим нормам действующего в государстве законодательства и общепринятым подходам к проведению всенародного голосования. Более того, миссия констатировала, что референдум явился важным фактором дальнейшей демократизации общественной жизни Азербайджана, укрепил основы суверенитета, стал отражением стабильного, поступательного социально-экономического развития государства²³.

Признание странами Запада легитимности осуществленной «передачи власти по наследству» от отца к сыну, а затем согласие на неограниченное по времени правление Ильхама Алиева, привело к кризису ориентированных на западную модель демократии политических сил. У лишенной внешней поддержки раздробленной прозападной оппозиции практически нет шансов добиться смены режима путем победы на президентских выборах.

Высока вероятность, что нынешний президент Азербайджана Ильхам Алиев (или, по крайней мере, клан Алиевых) еще долго будет оставаться у власти. Отсутствие перспектив смены правящего режима конституционным путем в условиях отсталости социально-экономической структуры и огромного разрыва в уровнях дохода элиты и остального населения ведет к росту социальной напряженности. Это создает благоприятные условия для деятельности экстремистских сил, которые стремятся использовать ислам в политических целях и с его помощью завоевать власть в Азербайджане.

Армения

После распада СССР важнейшую роль для экономики Армении стала играть ядерная энергетика. Функционирование Армянской АЭС позволило обеспечить энергетическую безопасность и сохранить высокотехнологичные отрасли. В стране продолжают работать металлургические и химические предприятия заводы по производству металлорежущих станков, прессово-формовочного оборудования,

точных приборов, вырабатываемая на АЭС и ГЭС электроэнергия экспортируется в соседние страны.

Сложная социально-экономическая ситуация обусловлена отсутствием надежных коммуникаций с внешним миром из-за конфликта с Азербайджаном и сложных отношений с Турцией и Грузией, а также высокой степенью монополизации экономики тесно связанными с властью олигархическими группами. Социальная поляризация общества способствует росту протестных настроений. Если нынешнему руководству страны в ближайшем будущем не удастся значительно улучшить социально-экономическую ситуацию и поднять уровень жизни населения - влияние оппозиционных политических сил будет усиливаться.

Ввиду затрудненности связей с внешним миром страна остро нуждается в новых транспортных коридорах, которые могут стать альтернативой ненадежному грузинскому транзиту. Один из таких коридоров может пройти через Иран. В декабре 2009 г. Азиатский банк развития (АБР) выделил первый миллион долларов для реализации технико-экономического обоснования (ТЭО) проекта по строительству железной дороги между Арменией и Ираном.

Протяжённость дороги, которая соединит Армению и Персидский залив, составляет 470 км, стоимость проекта оценивается в 1,5-2 млрд. долларов, планируется, что сроки его реализации составят пять лет. Российские инвесторы заявили о своем намерении участвовать в данном проекте, причем ЗАО «Южно-Кавказская железная дорога» (дочерняя компания ОАО «РЖД») уже проводит работы по модернизации железнодорожных магистралей Армении с учётом нового иранского маршрута²⁴. Налаживание железнодорожного сообщения с Ираном создаст условия для строительства полноценного транспортного коридора из Армении в Россию и далее в Европу по строящейся сейчас в Центральной Азии Прикаспийской железной дороге.

Стратегическое партнерство между Россией и Арменией имеет принципиально важное значение для Москвы и Еревана. Россия стремится сохранить присутствие на Южном Кавказе, для нее Армения - одно из важнейших звеньев безопасности и ценный региональный союзник. Для находящейся в недружественном окружении Армении Россия продолжает оставаться главным гарантом национальной безопасности.

После распада СССР российско-армянское взаимодействие сыграло определяющую роль для всего Южного Кавказа. В наиболее сложные для России 1990-е годы благодаря стратегическому партнерству между Арменией и Россией не произошло включения Южного Кавказа в создаваемую систему безопасности НАТО. В итоге Россия не была вытеснена с Кавказа, а затем, по мере укрепления своей государственности, стала укреплять свои позиции в этом важнейшем с точки зрения интересов ее национальной безопасности регионе.

Внешняя политика современной Армении учитывает сложное геополитическое положение небольшой страны, оказавшейся после распада СССР в эпицентре многих противоречий. Она основана на принципе комплементаризма, то есть стремлении уравнивать свои международные связи, строить их на основе взаимодополняемости, на обеспечении «равновесия» между различными военно-политическими блоками, чьи интересы непосредственно касаются Кавказского региона. В реальности Ереван проводит пророссийскую политику, так как она в наибольшей степени отвечает государственным интересам Армении на современном этапе.

В экономической сфере сотрудничество между Арменией и Россией осложнено изолированностью Армении от внешнего мира. Однако и здесь за последние годы достигнут значительный прогресс, в первую очередь в области

энергетики, связи, электронных и банковских технологий. Удалось снять налоговые барьеры во взаимной торговле, что заметно стимулировало ее рост.

Политическое руководство Армении рассматривает успешное развитие армяно-российских отношений в качестве одного из своих основных достижений. Значительная часть населения Армении склонна связывать свои надежды на улучшение социально-экономического положения с дальнейшим развитием российско-армянского сотрудничества. Россия сохраняет льготные цены на поставляемый в Армению газ (180 долл. за 1 тыс. куб. м в 2010 г.)²⁵. В настоящее время нет реальных предпосылок к изменению взаимовыгодных двусторонних отношений.

Усиление позиций России на Кавказе наиболее выгодно ее стратегическому союзнику – Армении. Не менее важно, что при этом российской дипломатии удалось успешно сочетать союзнические отношения с Арменией и взаимовыгодное партнерство с Азербайджаном и Турцией.

Будущие перспективы Армении и всего региона во многом зависят от того, каким образом будет решена карабахская проблема и будут ли нормализованы армяно-турецкие отношения. По мнению Анкары и Баку, эти проблемы тесно взаимосвязаны и должны решаться одновременно. Это мнение не разделяется Арменией, а также странами, которые выступают посредниками в решении карабахской проблемы (Россия, США и Франция).

После распада Советского Союза Турция признала независимость Армении, но дипломатические отношения не были установлены. В 1993 г. Анкара закрыла армяно-турецкую границу из-за конфликта между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха. После этого Турция выдвинула в качестве условия нормализации двусторонних отношений отказ Армении от политики международного признания геноцида армян и урегулирование карабахского конфликта на основе признания территориальной целостности Азербайджана. Власти Армении заявляли о своей готовности к установлению дипломатических отношений с Турцией без предварительных условий.

После длительных закрытых армяно-турецких переговоров в Швейцарии 10 октября 2009 г. в Цюрихе был подписан Протокол об установлении дипломатических отношений между двумя государствами. Одновременно произошла резкая активизация дипломатических усилий на «карабахском» направлении. На самых высоких уровнях говорилось о скорой нормализации двусторонних отношений, открытии армяно-турецкой границы и прорыве в решении карабахской проблемы. Однако процесс ратификации Протокола об установлении дипломатических отношений в парламентах Турции и Армении затянулся, стороны обменялись резкими заявлениями в адрес друг друга и уже очевидно, что решение обеих проблем вновь откладывается на неопределенный срок.

В январе 2010 г. сопредседатели Минской группы ОБСЕ²⁶ представили конфликтующим сторонам новый отредактированный вариант так называемых Мадридских принципов. Первый вариант этого документа был принят на саммите ОБСЕ в Мадриде в ноябре 2007 г. и содержал предложения МГ ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта. Полный текст Мадридских принципов официально до сих пор не обнародован, но основные положения этого документа были опубликованы в армянских и азербайджанских СМИ. Судя по этим публикациям, МГ ОБСЕ предлагает осуществить следующие меры по решению конфликта:

1. Возврат Азербайджану так называемого «пояса безопасности»
2. Наделение Нагорного Карабаха промежуточным статусом, обеспечение гарантий безопасности и самоуправления для местного населения

3. Сохранение коридора между Арменией и Нагорным Карабахом

4. Определение в будущем окончательного правового статуса Нагорного Карабаха на основе юридически обязательного волеизъявления местного населения

5. Обеспечение права всех внутренне перемещенных лиц и беженцев на возвращение в места их прежнего проживания

6. Международные гарантии безопасности и проведение операции по поддержанию мира.

Предлагаемый Мадридскими принципами вариант компромисса изначально имел один недостаток, который крайне затрудняет его практическое осуществление. Дело в том, что ни общество, ни политическая элита в Азербайджане и Армении были совершенно не готовы к предлагаемым «взаимным уступкам». Между ними нет даже минимального уровня доверия, а без этого достижение компромисса представляется невозможным. Поэтому ключевым фактором становится внешнее давление на власти обоих государств, пункт о международных гарантиях безопасности и о проведении операции по поддержанию мира.

В случае размещения воинских контингентов иностранных государств в зоне карабахского конфликта суверенитет Азербайджана и Армении будет ограничен. После этого решение проблем региона будет выработываться и проводиться в жизнь не столько самими сторонами конфликта, сколько другими государствами.

В течение последнего десятилетия США проявляли наибольшую активность в деле нормализации армяно-турецких отношений и в процессе карабахского урегулирования. Такая активность объясняется несколькими обстоятельствами. Первое - наличие многочисленной и политически активной армянской общины в США. В ее поддержке крайне заинтересованы американские политики на федеральном и местном уровне. Второе - заинтересованностью в наращивании политического, экономического и военного присутствия США на Южном Кавказе. Третье - особой ценностью Турции как регионального союзника США.

Очевидно, что эти базовые факторы оказывают разнонаправленное влияние на политику администрации США независимо от того, какая партия победила на президентских выборах и кто в данный момент возглавляет Белый дом. В результате уже много лет события движутся по одному и тому же сценарию.

На президентских выборах кандидат от оппозиции обещает армянской общине США официально признать события 1915-1921 гг. в качестве геноцида армян и получает поддержку армянского политического лобби и армянских избирателей. В случае своей победы новый президент США, на этот раз это Барак Обама, не выполняет данных армянской общине обещаний, так как это приведет к неприемлемому с точки зрения интересов США осложнению отношений с Турцией. Для обоснования своего отказа каждая администрация США ищет свои поводы и предлоги.

Для администрации Б. Обамы таким удобным предлогом стали армяно-турецкие переговоры, начавшиеся в рамках так называемой "футбольной дипломатии"²⁷, значение которых было всемерно раздуто в мировых СМИ. Понятно, что на фоне обещанной «не сегодня – завтра» нормализации армяно-турецких отношений проблема официального признания властями США геноцида армян была отложена в "долгий ящик", так как это могло осложнить якобы многообещающий переговорный процесс.

Противоречившие общему оптимизму высказывания различных турецких политиков, даже самого высокого ранга, о взаимозависимости проблемы нормализации армяно-турецких отношений, открытия границы и карабахского урегулирования не принимались во внимание и игнорировались. То же самое делалось в отношении заявлений армянской стороны о невозможности ее отказа от

требования к Турции признать геноцид армян, а также о невозможности «сдачи» Нагорного Карабаха на милость Азербайджана.

Подобная неопределенность не могла длиться до бесконечности. Спустя год после прихода к власти президента Б. Обамы во время своего визита в США премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил предельно ясно: "Мы с самого начала заявляем американским представителям: если вы урегулируете нагорно-карабахский конфликт, то решите и турецко-армянскую проблему. В противном случае вам ее не разрешить"²⁸. Это значит, что участники переговорного процесса опять вернулись на исходную точку, во времена "дофутбольной дипломатии". Это значит, что шансы рассчитывать на разблокирование границы и на нормализацию армяно-турецких отношений в ближайшем будущем весьма невелики.

Б. Обама, конечно, может оказать давление на Анкару, но вряд ли такое давление будет настолько сильным, чтобы серьезно осложнить американо-турецкие отношения. Значит, в очередной раз новая администрация США будет демонстрировать свои активные дипломатические усилия по решению карабахской проблемы и разблокированию Армении, но не более того. А через несколько лет очередной кандидат в президенты от оппозиционной партии может вновь обещать армянской общине США признать геноцид армян и все опять пойдет по старому сценарию.

Американская политика будет и дальше решать собственные проблемы на Кавказе и в мире в целом. Таким же образом будут действовать и остальные державы, которые имеют свои интересы в Кавказском регионе. Поэтому вряд ли стоит всерьез рассчитывать, что США, Турция, Россия, ЕС или кто-то иной однозначно поддержат Азербайджан или Армению и продиктуют решение карабахской проблемы в интересах одной из сторон конфликта.

Баку и Ереван до сих пор совершенно по-разному трактуют содержание Мадридских принципов. По мнению азербайджанских властей, этот документ обеспечит вывод армянских войск, возврат беженцев в места их прежнего проживания и, в конечном итоге, возврат всех «оккупированных территорий» в состав Азербайджана. Максимум, на что соглашается Баку в отношении армянского населения Нагорного Карабаха – это какая-то форма его автономии.

Президент Азербайджана И. Алиев не исключает возможности депортации армянского населения из Нагорного Карабаха. По его мнению, предоставление НКР независимости недопустимо, так как Нагорный Карабах является исторической азербайджанской землей, а армяне были в свое время переселены сюда Россией. «Приехавшие сюда как гости должны здесь и жить как гости», - заявил И. Алиев, отметив, что если армяне Нагорного Карабаха хотят самоопределиваться, они могут сделать это в Армении, переселившись туда²⁹.

В конце 2009 г. посол Азербайджана в России Полад Бюль-бюль оглы заявил, что время урегулирования карабахского конфликта уже настало. Каждый азербайджанец должен принять участие в освобождении земель. Напомнив о том, что крупнейшая диаспора азербайджанцев находится в России, он указал на обязанность всех азербайджанцев, в случае военного решения карабахской проблемы, принять активное участие в военных действиях. «Если кто-то думает отсидеться дома, пока армия отвоюет оккупированные земли, так не будет. Вся страна, все общество, весь народ должен подняться и, объединившись, как кулак, поддержать своего президента и освободить земли», - заявил П. Бюль-бюль оглы³⁰. Как подчеркнул посол Азербайджана в России, азербайджанской диаспоре за рубежом следует ускорить процесс самоорганизации, устранить разрозненность и превратиться в более мобильную силу.

Секретариат ОДКБ расценил заявление П. Бюль-бюль оглы как «неверие в политико-дипломатические методы урегулирования и подстрекательство к военному решению проблемы». В сообщении пресс-службы Секретариата ОДКБ от 30 декабря 2009 г. говорилось, что в словах посла «содержится однозначный призыв к силовым действиям, что не служит нахождению конструктивных развязок нагорно-карабахского конфликта. Представляется, что такая линия ведет к обострению обстановки в регионе, противоречит усилиям Минской группы ОБСЕ и контексту переговоров президентов Армении и Азербайджана»³¹.

Сообщение пресс-службы ОДКБ свидетельствует о том, что попытка силового решения карабахской проблемы вызовет крайне негативную реакцию со стороны этой организации. Аналогичную позицию в этом вопросе занимают США, ЕС и даже ближайший союзник Азербайджана – Турция. В этой ситуации постоянно звучащие из Баку воинственные заявления следует рассматривать не как реальную готовность к новой войне, а как составную часть политики дипломатического, экономического и пропагандистского давления на Армению с целью добиться от нее уступок по Карабахской проблеме. Пока подобная политика не принесла Баку заметных результатов.

Армянские власти продолжают рассматривать Мадридские принципы как гарантию проведения референдума по вопросу будущего статуса Нагорного Карабаха, признания его независимости или присоединения к Армении в том случае, если за это высказается местное население. В июне 2006 г. министр иностранных дел Армении озвучил три основных принципа урегулирования карабахского конфликта:

1. Нагорный Карабах не может находиться в подчинении Азербайджана
2. Нагорный Карабах должен иметь бесперебойную и сухопутную связь с Арменией
3. безопасность его населения должна быть гарантирована³².

Карабахские армяне на основании своего исторического опыта (геноцид армян 1915 г., погромы в Сумгаите и Баку накануне распада СССР, война в Карабахе 1991-1994 гг. и т.д.) категорически отвергают возможность возврата в состав азербайджанского государства. Об этом свидетельствовали результаты проведенных в НКР референдумов. В декабре 1991 г., за несколько дней до официального распада Советского Союза, в референдуме приняло участие 108734 чел. – т.е. 82,2% от числа зарегистрированных избирателей. 99,89% принимавших участие в голосовании высказалось за независимость НКР³³. В декабре 2006 г. подавляющее большинство избирателей одобрило новую конституцию НКР, согласно которой республика провозглашается суверенным, демократическим, правовым и социальным государством. Результаты еще одного референдума являются заранее предопределенными, столь же ясно, что они будут совершенно неприемлемы для Баку.

Признание Россией Абхазии и Южной Осетии не привело к коренному пересмотру политики Москвы по отношению к карабахской проблеме. Российское руководство продолжило прежнюю политику поддержания союзнических отношений с Арменией и двусторонних отношений с Азербайджаном. Такой курс не всегда вызывает понимание в Армении. Однако в Ереване вряд ли могут всерьез рассчитывать, что Россия, как и США, Турция или ЕС, однозначно поддержат Армению и продиктуют решение карабахской проблемы в интересах одной из сторон конфликта. Аналогичным образом на подобное развитие событий не может рассчитывать и Баку.

Самым действенным путем решения проблемы был бы серьезный и систематический диалог между Азербайджаном и Арменией с целью поиска

взаимоприемлемого компромисса. Такой компромисс потребует взаимных уступок, сложной, систематической работы по изменению общественных настроений, по улучшению социально-экономической ситуации. На это нужно много средств и многие годы. Политика России базируется на понимании невозможности быстрого решения карабахской проблемы, поэтому она служит надежной гарантией безопасности Армении и не возобновления военных действий в Нагорном Карабахе.

Главным препятствием для мирного урегулирования карабахской проблемы продолжает оставаться то, что ни элита, ни общество в Азербайджане и Армении не готовы к компромиссу, к уступкам со своей стороны, они ожидают не соглашения, а капитуляции противоположной стороны. Но подобного рода капитуляция представляется маловероятной, ведь ни Азербайджан, ни Армения не находятся в столь катастрофическом положении, чтобы на это пойти. Международные посредники также не станут добиваться такой капитуляции, они исходят из собственных интересов в Кавказском регионе и пока подобное развитие событий не в этих интересах.

Сложившаяся ситуация может показаться патовой, но она не самая худшая, причем и для Азербайджана, и для Армении. Как красноречиво показывает опыт миротворческих операций на Балканах и на Ближнем Востоке, в случае внешнего военного вмешательства какие-то государства свои проблемы решают, а оплачивают это решение страны и народы, где осуществляется подобного рода миротворчество. Учитывая, что Армения имеет гарантии безопасности как член ОДКБ, то у Азербайджана есть куда больше шансов в случае дестабилизации ситуации и возобновления военных действий оказаться в роли кавказской Сербии.

Правда, и у Армении есть веские основания для беспокойства, ведь гарантии ОДКБ даны лишь в отношении ее собственной территории. Они не распространяются на Нагорно-Карабахскую республику, которая до сих пор не признана даже самой Арменией. Тем не менее, ряд заявлений руководства ОДКБ и последнее сообщение службы Секретариата этой организации от 30 декабря 2009 г. свидетельствует о том, что в случае возобновления Азербайджаном военных действий Армения получит поддержку от своих союзников по ОДКБ.

У Азербайджана и Армении все еще есть возможность достичь компромисса. Решение не может быть скорым и быстрым, но оно в принципе достижимо, для этого требуется трудная, долгая и кропотливая работа политиков, дипломатов, средств массовой информации, деятельность которых пока направлена не на снижение напряженности, а на решение конъюнктурных задач, на разжигание страстей и враждебности между двумя соседними народами.

В наступившем десятилетии речь идет о том, сумеют ли Азербайджан и Армения сохраниться в качестве независимых субъектов международных отношений или их суверенитет будет сильно ограничен. Причем, очень возможно, что без какого-либо выигрыша в виде решения карабахской проблемы, улучшения социально-экономической ситуации, демократизации общества и т.п. В этой ситуации интересы Азербайджана и Армении могут совпадать, ведь обе страны в одинаковой степени заинтересованы в том, чтобы не превратиться в игрушку в руках внешних сил, в сохранении собственной независимости и суверенитета.

Самым действенным путем решения карабахской проблемы был бы серьезный и систематический диалог между Азербайджаном и Арменией с целью поиска взаимоприемлемого компромисса. Такой компромисс потребует взаимных уступок, долгой, систематической работы по улучшению социально-экономической ситуации и по изменению общественных настроений. Только это позволит подготовить стороны (элиты и население) к компромиссу, создаст атмосферу взаимной терпимости и доверия. И, конечно, необходимо желание сторон

выработать взаимоприемлемый и взаимовыгодный компромисс на основе понимания их общих интересов. А такие интересы есть, они имеют объективный характер, ведь Баку и Ереван в равной мере заинтересованы в том, чтобы Азербайджан и Армения сохранились в качестве независимых государств.

Вероятно, что в наступившем десятилетии определится будущая судьба Азербайджана и Армении, да и всего Южного Кавказа. Пока их лидеры имеют возможность повлиять на развитие событий. И будущие перспективы Южного Кавказа во многом зависят от того, сумеют ли политики двух государств добиться такого уровня осознания подлинных государственных интересов и такого уровня взаимопонимания, который соответствует судьбоносной важности исторического момента. В противном случае роль внешнего фактора неизбежно возрастет, и государства региона имеют все шансы превратиться в заложников глобальных геополитических процессов, исход которых пока непредсказуем.

При анализе будущих перспектив развития Армении необходимо учитывать особенности сложившегося в Армении государственного механизма. Несмотря на сохранение сильных авторитарных тенденций, Армения намного успешнее других стран региона развивает институты демократии. Путем выборов в стране сменилось несколько президентов, успешно действуют и пользуются сильным влиянием проправительственные и оппозиционные партии. Но в целом в стране сложилась авторитарная форма государственного правления, которую можно определить как управляемую или имитационную демократию. Такая же форма правления существует в соседних Азербайджане, Грузии и ряде других постсоветских государств, причем в куда более жестких по сравнению с Арменией формах.

Авторитаризм опирается в первую очередь на гражданскую бюрократию, армию и полицию. Мировой опыт свидетельствует, что авторитарные режимы имеют возможность обеспечить политическую стабильность (которая особенно важна для находящейся во враждебном окружении Армении) и даже успешное экономическое развитие.

Авторитарная форма правления в Армении призвана гарантировать внутреннюю политическую стабильность на стартовом этапе независимого развития. Жестко настаивающие на скорейшей демократизации Армении (и других постсоветских государств) международные организации (ЕС, ПАСЕ, ОБСЕ) и лидеры государств Запада совершенно не учитывают местной специфики и возможных негативных последствий от подобного «общественного скачка». Таким образом, сложившаяся форма правления усложняет интеграцию Армении в евроатлантическое сообщество или «объединенную Европу», однако она не препятствует (и, даже способствует) укреплению отношений с приверженной принципу невмешательства во внутренние дела других государств и выстроившей собственную «вертикаль власти» Россией.

Примечания

¹ В октябре 2008 г. западные страны выделили Грузии 4,5 млрд. долларов финансовой помощи, в 2010 г. США выделили Грузии еще 1 млрд. долларов.

² <http://www.vz.ru/economy/2010/3/31/388629.html>

³ www.kp.ru/daily/24001/80701/

⁴ М. Саакашвили заявил о проведении досрочных президентских выборов после своей пятичасовой беседы с послом США Дж. Дэфтом.

⁵ На восстановление Южной Осетии из российского бюджета в 2008-2009 гг. было выделено свыше 11 млрд. руб. Власти Москвы выделили на восстановление Цхинвала еще 1 млрд. руб.

⁶ После распада СССР руководство и население Абхазии выступали за воссоединение с Россией. В обращении Верховного Совета Абхазии к Верховному Совету РФ от 23 марта 1993 г. содержалась

- просьба «вернуть Республику Абхазия в состав, либо под покровительство России в соответствующей международно-правовой форме, обеспечивающей мир и безопасность в регионе, сохранение народа Абхазии и необходимого для его существования общего экономического и культурного пространства с Российской Федерацией». В обращении общенародного схода от 16 апреля 1995 г. вновь повторялась просьба к властям РФ о воссоединении Абхазии и России. Только ввиду отсутствия реакции на такие обращения и под влиянием откровенно прогрузинской позиции российской дипломатии в 1994-1999 гг. абхазское руководство было вынуждено пойти на мероприятия по юридическому закреплению государственной независимости.
- ⁷ В 2010-2012 г. российское правительство выделило 10 миллиардов рублей на социально-экономическое развитие Абхазии.
- ⁸ Абульфаз Эльчибей был одним из организаторов и руководителей оппозиционного Народного фронта Азербайджана. В июне 1992 г. он был избран президентом Азербайджана, но пробыл во главе страны всего год. За это время социально-экономическое состояние страны катастрофически ухудшилось, азербайджанские войска потерпели ряд сокрушительных поражений на карабахском фронте. В июне 1993 г. мятежные военные свергли А. Эльчибея, который перед своим бегством "официально пригласил" в Баку Гейдара Алиева.
- ⁹ Турция является вторым по объемам поставок импортером российских углеводородных ресурсов, около 52% своих потребностей в газе страна покрывает за счет его импорта из России. Между Турцией и Россией действует принцип "take or pay" (бери или плати), по которому турецкая сторона обязана платить за газ предусмотренных контрактом объемах, вне зависимости от того, использовала она его в полном объеме или нет. В 2010 г. объем поставок российского газа в Турцию составит 19 млрд. кубометров. Турция платила за тысячу кубометров импортируемого из РФ газа 330 долл. В 2010 г. в условиях мирового экономического кризиса "Газпром" согласился снизить на 6,5% тариф, а также ликвидировал задолженность за недобор топлива в 2009 г. в размере 160 млн. долл. Это позволит турецкой стороне сэкономить в 2010 г. около 400 млн. долл. (www.regnum.ru/news/1258113.html).
- ¹⁰ <http://www.newsru.com/finance/28jan2010/nabucco.html>
- ¹¹ <http://www.inosmi.ru/asia/20091103/156477007.html>
- ¹² <http://www.newsru.com/finance/19oct2009/azergaz.html>
- ¹³ <http://www.panorama.am/ru/politics/2009/11/04/jamestown-foundation/?sw>
- ¹⁴ <http://www.regnum.ru/news/1257550.html>
- ¹⁵ <http://www.advis.ru/cgi-bin/new.pl?B42DEBEB-4E8B-214D-A14D-C61E3BCB8529>
- ¹⁶ Gazeta Az, 31.01.2009
- ¹⁷ <http://www.vestikavkaza.ru/news/politika/geo/14761.html>
- ¹⁸ <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/160851/>
- ¹⁹ Внутренние потребности Азербайджана составляют 9,5-10 млрд. куб. м в год. В 2008 г. в стране было добыто 22847,2 млн., в 2009 г. - 23584 млн. кубометров природного газа (+35,6% к 2007 году) – <http://abc.az/rus/news/42735.html>
- ²⁰ <http://www.newsru.com/finance/19oct2009/azergaz.html>
- ²¹ http://www.factnews.ru/article/19Oct2008_ali
- ²² <http://www.vz.ru/news/2009/3/19/266627.print.html>
- ²³ <http://www.day.az/print/news/politics/150823.html>
- ²⁴ <http://www.regnum.ru/news/1239466.html>
- ²⁵ Белоруссия получает газ по 169 долл., Украина - по 304 за тысячу куб. м. газа.
- ²⁶ Минская группа ОБСЕ была создана в марте 1992 г. с целью мирного урегулирования карабахского конфликта. В 1993 г. Минская группа предложила первый план урегулирования конфликта ("Уточненный график"), но он был отвергнут Арменией и Азербайджаном. Страна-сопредседателями МГ ОБСЕ являются Россия, Франция и США.
- ²⁷ Термин "футбольная дипломатия" вошел в дипломатический лексикон в сентябре 2008 г. когда президент Турции Абдулла Гюль посетил Ереван по приглашению президента Армении Сержа Саргсяна для просмотра матча национальных сборных двух стран в рамках отборочного тура чемпионата мира 2010 г.
- ²⁸ <http://www.regnum.ru/news/1232110.html>
- ²⁹ <http://1news.az/politics/20070504033750865.html>
- ³⁰ http://www.gazeta.ru/news/lenta/2010/01/15/n_1445084.shtml
- ³¹ <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/polit/1240107.html>
- ³² <http://newsarmenia.ru/arm1/20080623/41901524.html>
- ³³ Ю.Г. Барсегов. Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Комментарии к документам. Т. 2, с. 263.

Российско – индийские отношения: проблемы и перспективы

Советско-индийские связи получили существенное развитие с середины 1950-х годов, хотя дипломатические отношения между СССР и Индией были установлены в апреле 1947 г., до официального провозглашения независимости Индии. К концу 1980-х годов Индия превратилась в стратегического союзника Советского Союза.

Индия была, пожалуй, самым позитивным примером взаимосвязей СССР с несоциалистическими государствами. Еще в 1971 г. две страны подписали Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, в котором было зафиксировано, что партнеры не будут участвовать в каких-либо военных союзах, направленных против другой стороны. В случае если одна из стран станет объектом нападения или угрозы, Советский Союз и Индия должны были приступить к взаимным консультациям для устранения таковой. Для СССР это был первый подобный договор, заключенный с несоциалистической страной и с государством, не отнесенным к категории так называемых «стран социалистической ориентации». Проверку Договор прошел уже через несколько месяцев в ходе индийско-пакистанской войны. Советская эскадра была послана в Бенгальский залив в ответ на отправку туда эскадры США, военно-политического союзника Пакистана (естественно, что ни Соединенные Штаты, ни СССР - тем более в условиях разрядки международной напряженности - не собирались идти на военное столкновение: это была всего лишь демонстрация своей политической позиции). Что касается предполагаемого вмешательства КНР, то Индия была твердо убеждена, что Пекин не предпринял активных действий из опасений перед возможными ответными шагами СССР. Война 1971 г. окончательно закрепила партнерские отношения СССР и Индии.

Самым активным образом развивалось военно-техническое сотрудничество СССР и Индии: с конца 1970-х годов Советский Союз удовлетворял около 75% потребностей Индии в закупках вооружения. При этом поставки осуществлялись на индийских условиях: СССР предоставлял весьма льготные долгосрочные кредиты и соглашался на предоставление технологии, а не только вооружений (это обычное требование индийской стороны при импорте военных материалов). Советский Союз являлся, наряду с США, крупнейшим экономическим партнером Индии. Весьма плодотворными были советско-индийские связи в культурной сфере.

Вместе с тем в двусторонних отношениях всегда существовали определенные проблемы, которые обострились после краха биполярного мира. После распада СССР произошло существенное охлаждение российско-индийских отношений. Период 1991 - 1993 гг. отличался бездействием старых механизмов политических отношений и практическим отсутствием постоянных взаимных дипломатических консультаций, которые были характерны для предшествующих периодов.

В 1993 г. состоялся неоднократно переносившейся визит президента России Б. Н. Ельцина, в ходе которого был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, заменивший Договор 1971 г. В новом документе не было каких-либо конкретных положений, выходящих за рамки заверений во взаимных дружеских отношениях. Резко сократилось экономическое и военно-политическое сотрудничество. В ходе визита Б. Н. Ельцина было достигнуто компромиссное решение по долгу Индии Советскому Союзу. В соответствии с ним индийский долг был разделен на две части: 7,5 млрд. долларов Индия обязалась выплатить в течение 12 лет, а 4,5 млрд. долларов - в течение 45 лет. На сумму долга Россия получила право ежегодно покупать товары в Индии¹. К сожалению, соглашение не оказало заметного

позитивного влияния на российско-индийский товарооборот, который резко (почти в 5 раз) сократился.

Нарастали сложности в российско-индийском военном сотрудничестве. В начале 1990-х гг. 3/4 боевых самолетов², 1/2 танков, 2/3 артиллерийских орудий, 90% подводных лодок и все ракеты “земля-воздух”, находившихся на вооружении Индии, были советского производства³. Тем большее значение имело то обстоятельство, что с 1991 г. Индия стала испытывать трудности в получении запасных частей к боевой технике, закупленной в СССР. Многие российские производители вооружения начали требовать оплаты в твердой валюте.

Москва отошла от традиционной поддержки Индии по спорным вопросам международной жизни. Так, в коммюнике, подписанном по итогам визита вице-президента России А. В. Руцкого в Пакистан в декабре 1991 г., отсутствовала обычная формулировка о том, что Кашмир является неотъемлемой частью Индии⁴. Зимой 1992 г. правительство России дезавуировало высказывания А. В. Руцкого, но в позиции Москвы произошли существенные изменения (например, в ходе своего визита в Пакистан в апреле 1993 г. министр иностранных дел А.В. Козырев возложил вину за резкое обострение ситуации в Кашмире и на Индию⁵). В ноябре 1991 г. впервые Россия поддержала в ООН предложение Пакистана об объявлении Южной Азии безъядерной зоной (интересно отметить, что Франция и Япония, например, при голосовании воздержались)⁶. Москва также согласилась с пакистанским предложением о проведении международной конференции в составе США, России, Китая, Индии и Пакистана по вопросам, связанным с ядерными программами в Южной Азии.

Распад СССР обострил для Индии геополитическую ситуацию: в последней с огромным беспокойством следили за расширением сотрудничества Пакистана и других исламских государств с бывшими советскими среднеазиатскими республиками. Пакистан не скрывал своих целей: в апреле 1992 г. премьер-министр М.М. Наваз Шариф заявил, что победа моджахедов в Афганистане создала благоприятные условия для образования нового регионального блока, состоящего из Пакистана, Ирана, Турции, Афганистана, среднеазиатских республик.

Наконец, почти прервались культурные связи между двумя странами.

С 1994 г. в связи с изменением внешнеполитической стратегии России и резким ослаблением позиций “атлантистов” в ее руководящих кругах. Были восстановлены двусторонние политические консультации, возобновилось систематическое взаимодействие в международных делах. Возобновились и заседания совместных советов и рабочих групп (уже в 1994 г. были проведены подобные встречи по цветной металлургии, энергетике, культуре и т.д.). В сентябре 1994 г. состоялось первое заседание межправительственной комиссии по торговле, экономическому, научному, технологическому и культурному сотрудничеству.

В ходе визитов премьер-министров Индии П.В. Нарамсимха Рао (июнь-июль 1994 г.) и России В.С. Черномырдина (декабрь 1994 г.) было подписано около 20 соглашений - по поощрению и защите капиталовложений, по долгосрочным закупкам индийских товаров в счет погашения долга, по исследованию и использованию космического пространства, об установлении “горячей линии” между Москвой и Дели (создана в 1998 г.) и т.д., а отношения двух стран были названы “дружественными”. Летом 1994 г. были подписаны Декларации о защите интересов плюралистических государств и о дальнейшем развитии и интенсификации сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Индии, а в декабре – Долгосрочная программа по военному и техническому сотрудничеству на период до 2000 г. Очень позитивно в Индии, которая десятилетиями пыталась добиться места постоянного члена Совета Безопасности ООН, расценили поддержку Россией ее усилий в этом

направлении. В 1994 г. Россия одной из первых заявила, что если Пакистан внесет на конференции по правам человека в Женеве проект резолюции по Кашмиру, она решительно выступит против. Сходной была и реакция России на попытку обсуждения кашмирского вопроса в Совете Безопасности ООН. Москва отказалась и от планов поставки вооружения в Пакистан. Была создана российско-индийская совместная рабочая группа по Афганистану, и стороны начали активный обмен информацией по деятельности исламистских радикальных организаций.

Постепенно начали восстанавливаться российско-индийские культурные связи. В 1995 г. прошли «Дни российской культуры» в Индии, а в 1996 г. – «Дни Индии» в России.

Важной вехой в двусторонних отношениях стали переговоры премьер-министра Индии Деве Гоуда в марте 1997 г. В ходе визита премьер-министра РФ Е.М. Примакова в Индию в декабре 1998 г. была подписана Долгосрочная программа по военному и техническому сотрудничеству вплоть до 2010 г.

В наступившем XXI веке развитию двусторонних отношений в рамках резкого возрастания роли Азии в системе приоритетов внешней политики России был придан дополнительный импульс. В ходе визита президента России В. В. Путина в Дели в октябре 2000 г. было подписано соглашение о «стратегическом партнерстве» двух стран и 17 совместных соглашений. Была достигнута договоренность о создании совместной комиссии по военно-техническому сотрудничеству. Было принято решение о проведении ежегодных саммитов⁷. В ходе ответного визита А. Б. Ваджпай (премьер-министр Индии в 1998-2004 гг.) в РФ в ноябре 2001 г. были подписаны, в числе прочих соглашений, Московская декларация Российской Федерации и Республики Индии о международном терроризме, в которой, в частности, отмечалось неприятие двумя странами каких-либо силовых действий без санкции Совета Безопасности ООН, и совместное заявление по стратегическим вопросам⁸.

Во время очередного визита В.В. Путина в Индию в декабре 2002 г. были подписаны Делийская декларация о дальнейшем упрочении стратегического партнерства между Российской Федерацией и Республикой Индией и Совместная декларация об укреплении и наращивании экономического и научно-технического сотрудничества. Последний документ был посвящен проблемам всемерного расширения торговли, экономических связей и взаимных инвестиций. Оба правительства взяли на себя обязательство всецело содействовать подобному развитию. Были определены 146 совместных научно-исследовательских проектов в таких областях, как компьютеризация, роботизация, информационные технологии, биотехнология и иммунология, лазерные и космические технологии, гидрология и океанология, электроника, биомедицина, машиностроение, астрофизика и химические науки. В ходе визита президента РФ была создана российско-индийская совместная рабочая группа по борьбе с международным терроризмом в качестве важной составляющей стратегического партнерства двух стран⁹. В сентябре 2003 г. и апреле 2004 г. были проведены первые встречи группы.

Во время ответного визита А.Б. Ваджпай в Россию в ноябре 2003 г. были подписаны Декларация Российской Федерации и Республики Индии о глобальных вызовах и угрозах международной безопасности и стабильности и Меморандум о взаимопонимании между компанией «Росавиакосмос» и Индийской организацией космических исследований о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях

Во время визита В.В. Путина в Индию в декабре 2004 г. было подписано 14 соглашений. При этом лидеры двух стран обратили основное внимание на экономическое и научно-техническое сотрудничество¹⁰.

Во время очередной встречи в верхах в декабре 2005 г. в Москве, помимо совместного заявления, были подписаны соглашения о соблюдении прав интеллектуальной собственности в военно-политической сфере, о сотрудничестве в области физики Солнца и солнечно-земной связи по проекту "Коронас-Фотон" и о мерах по охране технологии в рамках глобальной спутниковой системы ГЛОНАСС¹¹.

В январе 2007 г, во время визита президента России в Индию, было подписано десять документов, включая Совместное заявление о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии; Протокол по проведению Года России в Индии в 2008 году и Года Индии в России в 2009 и программа культурных обменов между правительствами двух стран на 2007-2009 годы; меморандум о строительстве новых энергоблоков для атомных станций в Индии¹².

Вместе с тем следует отметить, что в 2007 г. произошло определенное охлаждение в российско-индийских отношениях, что было вызвано, по всей видимости, сближением Индии с США. В октябре министр иностранных дел Сергей Лавров не стал встречаться с Пранабом Мукерджи, своим индийским коллегой, во время приезда того в Москву для участия в заседании российско-индийской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству¹³. В ходе визита Манмохана Сингха в Москву в ноябре 2007 г. впервые за 8 лет не была подписана совместная политическая декларация. Правда, стороны подписали несколько соглашений, среди которых два касались военно-технического сотрудничества - о совместной работе по созданию многоцелевого среднего транспортного самолета (Ил-214) и многофункционального истребителя пятого поколения. Была достигнута договоренность о совместном исследовании Луны и борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Был также произведен обмен письмами об использовании оставшегося индийского долга СССР в качестве российских инвестиций в Индию. Стороны договорились, что Россия построит дополнительно еще четыре энергоблока АЭС в Индии (хотя индийская сторона отказалась подписать официальное соглашение)¹⁴.

Данное соглашение было подписано уже во время визита президента РФ Д.А. Медведева в Индию в декабре 2008 г. Помимо этого, были приняты Совместная политическая декларация и Контрольный список приоритетных задач по дальнейшему продвижению стратегического партнерства в 2009 году. Стороны также договорились продлить на 10 лет долгосрочную программу военно-технического сотрудничества между РФ и Индией, срок действия которой истекал в 2010 году¹⁵.

В ходе визита Манмохана Сингха в декабре 2009 г. данная программа была действительно подписана, как и соглашение о послепродажном обслуживании поставленных в Индию российских вооружений и военной техники и протокол к соглашению между правительствами двух стран о сотрудничестве в области разработки и производства многоцелевого транспортного самолета от 12 ноября 2007 года. Было также парафировано соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, которое может вывести двустороннюю кооперацию в этой сфере на совершенно иной уровень, заключены программы культурных обменов на 2010-2012 годы и кредитное банковское соглашение, подписана совместная декларация. Аналитики признали переговоры весьма успешными, что было особенно важно в условиях нараставших проблем в двусторонних отношениях.

Весьма плодотворным следует признать и визит В.В. Путина в качестве премьер-министра в Индию в марте 2010 г. (некоторые эксперты даже предложили считать его новой вехой в двусторонних отношениях¹⁶). Особо следует выделить подписание соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии

в мирных целях и специальной «дорожной карты», согласно которой России предложили возвести четыре энергоблока АЭС в Куданкуламе и шесть энергоблоков в Харипуре (штат Западная Бенгалия). Всего, по словам главы «Росатома» С. В. Кириенко, Россия рассчитывает построить для индийской стороны до 16 ядерных энергоблоков на трех площадках (к 2017 г. планируется возвести 6 блоков) и создать топливный завод на территории Индии. Уже существует контракт о поставке Индии 2 тыс. тонн урана в топливных таблетках, но эти объемы не полностью соответствуют программе развития ядерной энергетики в Индии. Здесь планируют, что в 2020 г. мощность атомных электростанций составит 20 гигаватт, а в 2030 г. - 40 (по сравнению с нынешними 4 гигаваттами¹⁷)¹⁸. «Дорожная карта» предусматривает также, что обе стороны будут создавать совместные предприятия по геологоразведке и добыче урана, как на территории двух государств¹⁹, так и в третьих странах. Начинается обсуждение возможности сотрудничества двух стран по созданию реакторов на быстрых нейтронах (Россия имеет опыт по данному направлению, а Индия начала сооружать первый реактор)²⁰.

Также были подписаны соглашение о создании совместного предприятия по производству навигационного наземного оборудования для приема сигнала с российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере минеральных удобрений и рамочное соглашение на поставку в Индию минеральных удобрений (к марту 2011 г. Россия обязалась поставить 900 тыс. тонн хлористого калия). Российская компания «Алроса» подписала с индийскими фирмами соглашение о поставке алмазов на сумму около полумиллиарда долларов в течение 3 лет. В.В. Путин договорился и о продолжении сотрудничества в области освоения космического пространства: и по лунной тематике, и по подготовке двух индийских космонавтов, которые должны совершить полеты в космос в 2013 году²¹.

В ходе своего визита он заявил, что уверен в положительном результате совместной работы России и Индии по созданию самолета пятого поколения. Правда, сам контракт не был подписан, но глава корпорации «Сухой» М.А. Погосян уверен, что это произойдет в ближайшее время, как и заключение соглашения на поставку 40 новейших многоцелевых истребителей Су-30МКИ для индийских ВВС на сумму не менее 3,5 млрд. долларов. Зато был подписан контракт на поставку Индии 29 палубных истребителей МиГ-29К стоимостью в 1,5 млрд. долларов (поставки начнутся в 2012 г.)²². М.А. Погосян также заявил, что из более тысячи истребителей с применением технологии «стелс», которые появятся в России за период до 2050 г., около 200 закупит Индия²³.

В результате подписания этих соглашений были закреплены существенные сдвиги позитивные в двустороннем военно-техническом сотрудничестве. Как известно, еще в ходе визита министра иностранных дел и обороны Индии Джасванта Сингха в РФ в июне 2001 г. было решено выйти на качественно новый уровень такого сотрудничества за счет совместного проектирования новой военной техники, в том числе авиации, систем ПВО, боевых надводных кораблей и подводных лодок. Уже в ходе второго заседания российско-индийской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству (февраль 2002 года) было принято решение о совместной разработке многоцелевого истребителя пятого поколения. Значительно активизировался обмен визитами высших военных должностных лиц. За десятилетие была подписана серия контрактов (на миллиарды долларов) о закупке российской военной техники или о строительстве в Индии по российским лицензиям заводов по ее производству (речь шла о новейших боевых кораблях, подводных лодках, самолетах, танках, комплексах ПВО, артиллерийских установках и т. д.²⁴).

Наиболее крупными соглашениями стали продажа тремя партиями 230 многофункциональных истребителей Су-30МКИ на общую сумму в 8,5 млрд. долларов (самолет был специально доработан под индийские требования)²⁵ и продажа танков Т-90С (первый контракт на 310 танков был подписан в 2001 г.; в 2006 г. Индия докупила в России еще 330 танков, а в 2007-м дополнила контракт еще тысячей машин²⁶).

Важным направлением военно-технического сотрудничества стало строительство кораблей для военно-морского флота Индии на верфях Санкт-Петербурга. Первые два фрегата типа 1135.6 были построены в 2000 г., в 2001 г. был спущен на воду третий фрегат, введение его окончательно в строй произошло в 2004 г.²⁷. В 2006 г. был заключен новый аналогичный контракт. Его выполнение, которое планируется завершить в 2012 г., началось уже на верфях Калининграда (стоимость контракта - 1,6 млрд. долларов²⁸). В январе 2004 г. было подписано соглашение о передаче Индии авианосца «Адмирал Горшков» (сумма сделки составила 1,5 млрд. долл.), а в марте состоялась передача корабля ВМФ Индии. Вскоре авианосец вернулся в Россию, которая согласилась на проведение комплексной модернизации корабля. К сожалению, Россия затянула сроки выполнения работ и запросила дополнительной оплаты, при составлении контрактов она не приняла в расчет инфляцию и не правильно оценила стоимость требовавшейся модернизации. Только во время визита Манмохана Сингха в декабре 2009 г. было найдено компромиссное решение по этому вопросу²⁹. В ходе переговоров В.В. Путина в марте 2010 г. было заключено дополнительное соглашение по продаже авианосца, согласно которому цена корабля составит 2,35 млрд. долларов и он будет поставлен Индии до конца 2012 г.³⁰

В конце 2008 г. был подписан контракт о поставках 80 вертолетов Ми-171³¹. Начался выпуск совместной многофункциональной сверхзвуковой крылатой ракеты «БраМос» (в 2006 г. корабельная версия была принята на вооружение ВМС Индии, с 2007 г. ею стали оснащать сухопутные силы страны, а в 2012 г. ракета должна быть принята на вооружение ВВС Индии)³².

Россия рассчитывает выиграть контракт в 10 млрд. долларов на поставки 126 многофункциональных истребителей³³. При этом, однако, наша страна наверняка столкнется с жесткой конкуренцией со стороны авиационных компаний из США и Европы.

Дели, учитывая зависимость от поставок российского вооружения, стремится к диверсификации импорта. К тому же, в Индии все чаще критикуют Россию за поставку старых боеприпасов, несвоевременную доставку вооружения, затягивание выполнения контрактов. В свою очередь российские фирмы не всегда удовлетворены исключительно жесткими требованиями Дели к модернизации вооружения и стремлением получать его по максимально низким ценам. Однако в целом двустороннее военно-техническое сотрудничество развивается достаточно успешно.

В двусторонних отношениях между нашими странами существуют и проблемные подсистемы. Самой слабой является экономическая сфера. Восстановление прежнего уровня доверия между Москвой и Дели сталкивается с изменившейся политической и экономической обстановкой в обеих странах и значительным сужением возможностей обоих правительств влиять на динамику внешнеэкономических связей. В этих условиях трудно ожидать существенных изменений в двусторонней торговле. Эти связи у двух стран продолжают переориентироваться на Север. Изменения здесь могут быть связаны лишь с долгосрочным экономическим кризисом в США и Западной Европе.

В 1990-е годы российско-индийский торговый оборот по сравнению с предыдущим десятилетием упал в несколько раз и находился в пределах 1,2-1,8 млрд. долларов (без военно-технического сотрудничества). Положение начало слегка улучшаться лишь в последнее время. По данным Генеральной дирекции внешней торговли Министерства торговли и промышленности Индии, торговый оборот (без учета военных поставок) составил в 2002/2003 фин.г. (апрель-март) - 1,3 млрд. долларов, в 2003/2004 фин.г. - 1,67 млрд., в 2004/2005 фин.г. - 1,95 млрд., а в 2005/2006 фин.г. – 2,76 млрд. долларов, в 2006/2007 фин.г. - 3,51 млрд. долларов³⁴. По данным МИД РФ, в 2008 г. оборот взаимной торговли составил 7 млрд. долларов³⁵, но, по-видимому, в эту цифру были включены военные поставки. В 2005/2006 фин.г. доля российско-индийской торговли во всей внешней торговле Индии составила 1,09% (в 2002/2003 фин.г. – 1,14%)³⁶. Будет очень сложно реализовать поставленную в ходе саммитов цель – достичь 10-миллиардного оборота в 2010 г. и 20 млрд. долларов к 2015 году (последнее предложение выдвинул премьер-министр Индии в декабре 2009 г.³⁷).

Структура торговли не является оптимальной. Более 70% российского экспорта в Индию приходится на черные и цветные металлы, удобрения и серебро. В целом резко сократились поставки российских машин, оборудования и транспортных средств (авиатехника, металлообрабатывающие станки, электротехника). В отдельные годы происходит повышение их доли в российском экспорте (в 2000 г. они составили 13% всего экспорта), которая затем вновь уменьшается.

В свою очередь Индия увеличила экспорт высокотехнологического оборудования, электроники, компьютеров. Однако их поставки по объему тоже не сопоставимы с сельскохозяйственными и продовольственными товарами, медикаментами и текстильными изделиями, на которые приходится почти три четверти индийского экспорта.

Вместе с тем многие эксперты полагают, что существуют области, в которых можно существенно нарастить взаимный товарооборот. Особо часто выделяют поставки российских углеводородов.

По прогнозу Международного Энергетического Агентства, потребление нефти в Индии будет возрастать в среднем на 4% в год до 2025 г., а газа - на 6,1%³⁸. Уже сейчас собственная добыча покрывает не более трети потребления нефти в стране. К 2025 г. Индия станет третьим импортером нефти в мире³⁹. При этом, существует зависимость страны от одного региона мира – Ближнего Востока. Подобная ситуация требует диверсификации ввоза углеводородов, поскольку азиатский гигант становится чрезвычайно уязвимым, особенно из-за роста нестабильности на Ближнем Востоке. Поэтому Индия заинтересована в поставках российских углеводородов. В начале декабря 2006 г. первый российский танкер привез в Индию 90 тыс. тонн нефти из Сахалина. За год 20 танкеров доставили нефть в Индию, что привело к росту товарооборота уже в 2007 г. Некоторые индийские эксперты полагают, что из России Индия может получать по 50 млн. тонн нефти ежегодно⁴⁰.

Индия, которая является мировым лидером по обработке алмазов, крайне заинтересована в получении напрямую российских алмазов. Премьер-министр Индии Манмохан Сингх заявил, что индийская сторона согласна и на создание совместных компаний по экспорту ювелирных изделий. Большие возможности лежат и в сфере фармацевтики (высококачественные индийские лекарства существенно дешевле других импортных аналогов). Кроме того Дели стремится увеличить экспорт чая и табака в Россию, тем более, что за последнее время Индия, бывшая по существу монополистом на советском чайном рынке, уступила свои позиции целому

ряду стран. Российская же сторона рассчитывает на увеличение поставок машин и оборудования в Индию.

Таким образом, возможно, обе страны добьются поставленных целей увеличения взаимного торгового оборота, хотя это и будет крайне сложно осуществить. К числу препятствий на этом пути следует отнести то, что российские предприниматели плохо знают индийские реалии. Индийские промышленники постоянно высказывают жалобы в отношении коррупции и организованной преступности в России, и обе стороны отмечают, что бюрократизм в обеих странах крайне осложняет работу. Часто происходят задержки платежей за товары (особенно это касается российских компаний). Российская сторона отмечает, что на российский экспорт накладываются существенные ограничения в Индии (в отдельные годы Индия входила в тройку стран, проводивших наибольшее количество антидемпинговых расследований в отношении российской металлургии). Наконец, Индия и Россия расположены относительно близко друг от друга только на политической карте мира. В действительности же основные товары доставляются по морю, и маршрут оказывается очень длинным, что резко удорожает стоимость транспортировки.

Вместе с тем существуют другие сферы двусторонних экономических связей, где есть огромный потенциал для развития.

Россия и Индия, с точки зрения качественных параметров, принадлежат к разным группам стран. В принципе Россия может совершить прорыв в постиндустриальную фазу развития, придерживаясь стратегии развития человеческого потенциала, технологически сложных и наукоемких отраслей, а также повышения роли науки в производстве. Что касается Индии, то она вряд ли в обозримом будущем сможет перейти в постиндустриальную фазу развития. Однако у Индии есть прекрасные возможности для развития по индустриальному пути.

Именно различие ситуации в двух странах может привести к позитивному, многообещающему результату - соединению потенциалов России в сфере высоких технологий и добыче сырья (около 30 % мировых запасов) и возможностей Индии в сфере промышленности и инженерной деятельности. В этом направлении сейчас уже началось создание СП (со значительным государственным участием). Не случайно, в ходе ежегодных встреч на высшем уровне обязательно подписываются соглашения о дальнейшем укреплении экономического и научно-технического сотрудничества.

В рамках двусторонней Комплексной долгосрочной программы научно-технического сотрудничества уже осуществлено более 300 проектов в таких областях, как математика, механика, химия, физика, материаловедение, электроника, океанология и сейсмология. Россия придает приоритетное значение развитию сотрудничества с Индией в таких областях, как информационные технологии (в Москве создан Центр перспективных компьютерных технологий), космос, энергетика и фармацевтика. В столице России создается двусторонний Центр по передаче технологий.

При этом очевидно, однако, что обе стороны не прилагают достаточных усилий для развития научно-технического сотрудничества. Так, в сфере биотехнологий, приоритетной для обеих стран, связи практически отсутствуют. В ежегодных докладах Департамента биотехнологии Министерства науки и технологий Индии перечисляются десятки стран, отнесенных к категории «стратегических партнеров» (включая Кубу и Финляндию), но России в этом списке нет. В докладах за 2006-2007 фин. г.⁴¹ и 2007-2008 фин. г.⁴² Россия вообще не упоминается, а в Докладе за 2008-2009 фин. г. отмечается лишь то, что на пятнадцатой сессии индийско-российского Совета Комплексной долгосрочной программы научно-

технического сотрудничества (Нью-Дели, октябрь 2008 г.) стороны выразили желание осуществлять двустороннее сотрудничество в биотехнологии⁴³.

Перспективным направлением сотрудничества могут стать взаимные инвестиции. Так, Индия участвовала в реконструкции порта в Новороссийске, индийская фирма «Sun Group» вложила более 200 млн. долларов в пивоваренную промышленность России, значительные капиталовложения в российскую фармацевтику осуществили компании Dr. Reddy's Laboratories Ltd. и Lupin Ltd. В 2001 г. индийская государственная нефтегазовая компания ONGC Videsh Limited заключила соглашение с «Роснефтью» об инвестировании 1,7 млрд. долларов в разработку проекта «Сахалин-1» (ONGC принадлежит 20%, что дает 2,4 млн. тонн нефти в год).

В счет погашения государственного долга Россия в середине 1990-х годов стала инвестировать часть средств в конкретные проекты в Индии (например, в сфере энергетики, нефте- и угледобычи, металлургии). В 2006 г. было принято решение, что в течение пяти лет государственные и частные российские компании получают 1 млрд. долларов (за счет выплат Индией России долга СССР) для инвестиций в Индию. Российские компании проявляют все больший интерес к телекоммуникационному, информационному и алюминиевому сектору индийской экономики. Здесь, бесспорно, не все планы удастся успешно реализовать. Так, интерес компании «Русский алюминий» к покупке акций «НАЛКО», крупнейшей индийской фирмы в алюминиевой сфере, пока не материализовался, в том числе и из-за отказа индийского правительства содействовать выполнению этих планов. Зато российская компания «Система» реализовала свой давний проект, и в 2007 г. приобрела часть телекоммуникационной фирмы Shyam Telecom. В 2008 г. россияне объявили о готовности вложить в течение двух лет 7 миллиардов долларов в модернизацию индийской системы мобильной связи⁴⁴.

Российские организации участвуют в создании и расширении индийской инфраструктуры, включая строительство автомагистралей, модернизацию и реконструкцию металлургических объектов. Россия рассчитывает на получение крупных контрактов на строительство общенациональных автомагистралей "Золотой четырехугольник", "Север-Юг" и "Запад-Восток" (стоимость всей программы оценивается в 13 млрд. долларов) и строительстве метрополитенов. Относительно успешно развивается сотрудничество в области модернизации индийских металлургических и гражданских авиационных предприятий. Есть большой потенциал в российско-индийском сотрудничестве в деле развития индийской угледобывающей отрасли и в сфере машиностроения. Россия вложила 250 млн. долларов в титановый проект в Ориссе.

Вместе с тем часто Россия уступает в Индии компаниям высокоразвитых стран крупные контракты на строительство новых и реконструкцию старых промышленных объектов, построенных еще с советской помощью. Во многом это связано с тем, что РФ практически полностью свернула в Индии свою пропагандистскую деятельность. В результате многие индийские СМИ ориентируются на негативную информацию о нашей стране, которую получают из западных источников, и искажают имидж России. Дискредитация РФ не только опасна в политическом плане, но и является одним из факторов, ослабляющих нас как экономического конкурента.

Важным направлением представляется сотрудничество по созданию международного транспортного коридора «Север-Юг». Межправительственное соглашение по этому вопросу, подписанное министрами транспорта России, Индии и Ирана в сентябре 2000 г., вступило в силу в мае 2002 г. Предварительные оценки в отношении индийского экспорта в Россию показали, что данный транспортный путь уменьшит на 20% время и расходы на транспортировку. В дальнейшем можно было

бы довести транспортный коридор до Юго-Восточной Азии – на восток и до Западной Европы – на запад.

Все больше внимания индийцы стали обращать на регионы (на что их ориентирует и российская сторона). Посольство Индии в РФ осуществляет специальную программу по данному направлению. Подписаны специальные Протоколы о сотрудничестве между рядом российских и индийских регионов (например, между штатом Гуджарат и Астраханской областью, между Хайдарабадом и Казанью).

По-видимому, самым главным в экономическом сотрудничестве наших стран должна стать энергетика. Индия разработала амбициозную программу по строительству АЭС, на которую она собирается потратить около 100 млрд. долларов. По планам страны, суммарная мощность станций должна достичь к 2020 г. цифры в 20 тысяч МВт (на начало 2010 г. – около 4 тысяч) и 63 тысяч к 2032 г. (а к 2050 г. на долю атомной энергетики должно придтись 25% от всей производимой в стране энергии)⁴⁵. С 2002 г. более 100 российских предприятий начали создание АЭС «Куданкулам» (штат Тамилнад) с двумя РУ ВВЭР-1000 общей мощностью 2000 МВт. Как отмечалось, по соглашению 2008 г., подписанному в ходе визита Д.А. Медведева в Индию, Россия построит дополнительно еще четыре РУ ВВЭР-1200 мощностью по 1170 МВт в Куданкуламе. Новые договоренности в конце 2009 г. позволили генеральному директору "Росатома" С. Кириенко заявить, что Россия может построить в Индии дополнительно от 12 до 20 блоков АЭС (стоимость контрактов - десятки миллиардов долларов)⁴⁶ - в Куданкуламе, в Западной Бенгалии и возможно на третьей площадке.⁴⁷

После распада СССР Соединенные Штаты постоянно оказывали серьезное давление на Россию по вопросу ограничения поставок в Индию ракетных технологий. Наиболее скандальной стала история с соглашением 1992 г. между Главкосмосом и Индийской организацией космических исследований о поставках в Индию российской космической техники, в том числе двигателей последних ступеней ракеты для вывода спутников на околоземную орбиту. США предприняли попытки воспрепятствовать реализации этого контракта, утверждая, что поставляемое оборудование может быть использовано в военных целях. По мнению российских экспертов, однако, российско-индийские договоренности не подпадали под соглашение о контроле над ракетной технологией, так как криогенные двигатели не имеют применения в военных целях, потому что используемое в них топливо требует соблюдения сложнейших мер безопасности и не подлежит длительному хранению (все это свидетельствует о сотрудничестве в области мирной программы).

Большинство российских и индийских специалистов склонялось к мнению, что резкая реакция США на планируемую сделку на самом деле объяснялась стремлением вытеснить Россию с обширнейшего индийского рынка военной техники и космических технологий. Президент РФ Б.Н. Ельцин в мае дал обещание Б. Клинтону пересмотреть контракт с Индией. В июле 1993 г. в Вашингтоне было объявлено, что США и Россия договорились строго следовать условиям режима контроля над ракетной технологией, и Индия была уведомлена о невозможности дальнейшего выполнения Россией обязательств по контракту. А в конце августа 1993 г. США предложили Индии свои криогенные двигатели.

Именно позиция США и действовавшие международные договоренности постоянно препятствовали налаживанию российско-индийского ядерного сотрудничества (так, соглашение о строительстве АЭС в Куданкуламе должно было быть подписано еще в 1994 г., а заключено оно было лишь в конце 2001 г.). При этом в марте 2006 г. во время визита Дж. Буша в Индию было подписано соглашение о мирном сотрудничестве в области атомной энергии, которое было одобрено

Конгрессом США в декабре 2006 г. Согласно нему Индия будет получать ядерные технологии и топливо из США без подписания Договора о нераспространении ядерного оружия. В 2008 г. Группа ядерных поставщиков и МАГАТЭ сняли ограничения на сделки с Индией по данному направлению.

Однако США в 2009 г., руководствуясь желанием устранить конкурентов, стали стремиться помешать другим странам продавать Индии оборудование по обогащению и переработке урана. Еще в ходе визита президента Индии П. Патил в Москву в сентябре 2009 высокопоставленные российские деятели заявляли, что Россия будет строго соблюдать соглашение 2008 г. о передаче технологий Индии и не согласится с какими-либо ограничениями. Во время переговоров премьер-министра Индии в РФ в декабре 2009 г. Индия получила гарантии российского руководства о том, что Россия не поддастся давлению со стороны США и выполнит все достигнутые договоренности.

В сфере тепло- и гидроэнергетики российские компании - ОАО «Силовые машины» и ФГУП «Технопромэкспорт» - участвуют в проектах по ТЭС "Бар", "Корба", "Обра" и "Сипат", ГЭС "Нижняя Субаншири" и ряду других объектов.

В декабре 2004 г. было подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве между ОАО "Газпром" и Газовым управлением Индии. Основными направлениями стали проекты поставок углеводородов в Индию, совместные работы по разведке и обустройству нефтегазовых месторождений как на территории Индии и России, так и в третьих странах. С 2000 г. ОАО «Газпром» проводит разведку и разработку газовых месторождений на шельфе в Бенгальском заливе. Компания "Зарубежнефть" занимается реабилитацией простаивающих нефтяных скважин в штате Ассам. Активно осуществляются проекты по строительству сети нефте- и газопроводов на территории Индии, а также программы газификации индийских штатов, в которых принимает участие ОАО «Стройтрансгаз». Дочерняя компания «Газпрома» «Трансгаз» участвует в строительстве стратегического газопровода Виджаявада – Ахмедабад⁴⁸.

Россия объявила о согласии участвовать в строительстве трубопровода Иран – Пакистан – Индия (стоимость – 7 млрд. долларов). Развитие сотрудничества в сферах нефтепереработки и нефтехимии тоже может принести существенные дивиденды РФ. Осенью 2006 г. российские компании были официально приглашены принять участие в нефтеперерабатывающем проекте «Парадип» в штате Орисса (увеличение мощности на 30 млн. тонн ежегодно, стоимость – 4 млрд. долларов). «Роснефть» объявила о желании инвестировать в проект ONGC в Мангалоре (штат Карнатака).

В свою очередь, еще в 2006 г. Индия предложила создать совместное предприятие Сахалин-3 (на условиях предоставления ОАО «Газпром» доли в 51%, а ONGC Videsh Limited (OVL) – в 49%). В ноябре 2008 г. в ходе визита в Россию министра нефти и газа Индии Мурли Деоры была достигнута принципиальная договоренность на участие ONGC совместно с «Роснефтью» и «Газпромом» в освоении газовых и нефтяных месторождений в Восточной Сибири и проектах «Сахалин-3» и «Сахалин-4». Индия также выразила желание в покупке сжиженного газа⁴⁹.

В целом можно констатировать, что существуют все предпосылки для дальнейшего повышения уровня российско-индийских отношений в XXI веке. Однако без реальной повседневной работы «стратегическое партнерство» России и Индии, провозглашенное еще в октябре 2000 г., может остаться просто декларацией.

Примечания

- ¹ The Economic Times. 04.07.1994.
- ² Ibid., 11.08.1993.
- ³ Известия, 09.02.1993.
- ⁴ The Hindu, 23.12.1991.
- ⁵ Московские новости, N 32, 07-14.08.1994.
- ⁶ The Times of India, 14.11.1991.
- ⁷ Cherian J. A Strategic Partnership // *Frontline*, Vol. 17, Issue 21, Oct. 14 - 27, 2000
- ⁸ Cherian J. *Firming up a friendship* // *Frontline*, Vol. 18, Issue 24, Nov. 24 – Dec. 07, 2001
- ⁹ Dash P.L. Indo-Russian Relations. Putin's Visit in Perspective // *Economic and Political Weekly*, 2003, p. 192-195.
- ¹⁰ Chengappa Raj. It's All Business // *India Today*, 06.12.2004.
- ¹¹ Kapila Subhash. Russia: Visit of Indian Prime Minister (December 2005) Reviewed // South Asia Analysis Group. Paper no. 1649. 19. 12. 2005 – <http://www.southasiaanalysis.org/%5Cpapers17%5Cpaper1649.html>
- ¹² Владимиров Д. Владимир Путин принял парад вооруженных сил Индии // *Российская газета*, №4280, 27.01.2007.
- ¹³ The Tribune (Chandigarh, India), 7.11. 2007.
- ¹⁴ Radyuhin V. Ties with Russia have stood the test of time: Manmohan // *The Hindu*, 13.11.2007.
- ¹⁵ Kapila Subhash. Russia: President Medvedev's Visit to India (December 2008) Reviewed // South Asia Analysis Group. Paper no. 2978. 10. 12. 2008 - <http://www.southasiaanalysis.org/%5Cpapers30%5Cpaper2978.html>
- ¹⁶ Например, руководитель Центра индийских исследований Института востоковедения РАН Т. Л. Шаумян (<http://oko-planet.su/politik/politikmir/33591-po-itogam-vizita-vladimira-putina-v-indiyu.html>).
- ¹⁷ International Energy Outlook 2009. Paris, International Energy Agency, 2009, p. 77.
- ¹⁸ The Hindu, 14.03.2010.
- ¹⁹ Речь идет, прежде всего, о территории России, поскольку в Индии практически нет своих урановых месторождений (запасы урана оцениваются всего в 73 тыс. тонн). Правда, достаточно велики индийские запасы тория, и Индия является крупнейшим в мире производителем тяжелой воды.
- ²⁰ Интервью главы Департамента атомной энергии Индии Шрикумар Банерджи РИА Новости (<http://atomic-energy.ru/node/9543>).
- ²¹ http://геополитика.ucoz.ru/news/str_ny_brik/2010-03-13-247
- ²² Компанец А. Россия и Индия будут сотрудничать в сфере хай-тек - http://www.trud.ru/article/12-03-2010/237988_rossija_i_indija_budut_sotrudnichat_v_sfere_xaj-tek.html
- ²³ <http://www.trud-ost.ru/?p=29767>
- ²⁴ В Индии по российским лицензиям производились самолеты МиГ-27М, СУ-30МКи, танки Т-90С и другое вооружение.
- ²⁵ Литовкин В. Успех с намеком на неприятность // *Независимая военное обозрение*, 10.09.2009.
- ²⁶ Индия сравнит собственный танк с российским Т-90. 18.01.2010 // <http://army.lv/ru/>
- ²⁷ <http://www.newsru.com/russia/19apr2004/fregate.html>
- ²⁸ <http://www.regnum.ru/news/fd-nw/klnggrad/1013548.html>
- ²⁹ Латухина К. Расставили точки. Российский президент и индийский премьер подвели итоги года // *Российская газета*, №5058 (234), 08.12.2009.
- ³⁰ Е. Письменная, А. Никольский. \$7 млрд из Индии // *Ведомости*, 15.03.2010, №44 (2562).
- ³¹ <http://www.globalsecurity.org/military/world/india/air-force-equipment-helo.htm>
- ³² Индийские ВВС примут на вооружение ракеты "БраМос" // *Независимая газета*, 06.03.2009.
- ³³ Литовкин В. Продолжается борьба за индийской небо // *Независимая газета*, 03.02.2009, с. 2.
- ³⁴ Indian Ministry of Commerce and Industry. Department of Commerce. Export Import Data Bank – <http://commerce.nic.in/eidb/iecnet.asp>
<http://commerce.nic.in/eidb/iecnet.asp>
- ³⁵ The Ministry of Foreign Relations of the Russian Federation. Information and Press Department. Asia-Pacific Dimension of Foreign Policy of Russia. – http://www.ln.mid.ru/brp_4.nsf/itogi/0B60DA745F93EA81C325752E0036EB0C
- ³⁶ <http://dgft.delhi.nic.in/>
- ³⁷ Латухина К. – Там же.
- ³⁸ International Energy Outlook 2003. Paris, International Energy Agency, 2003.
- ³⁹ International Energy Outlook 2007. Paris, International Energy Agency, 2007.
- ⁴⁰ Siddharth Srivastava. India's quest for Russian energy // *South Asia*, November 7, 2006.
- ⁴¹ Biotechnology. Annual Report. 2006-2007. Ministry of Science & Technology. Department of Biotechnology. Government of India. Delhi, 2007.
- ⁴² Biotechnology. Annual Report. 2007-2008. Ministry of Science & Technology. Department of

Biotechnology. Government of India. Delhi, 2008.

⁴³ Biotechnology. Annual Report. 2008-2009. Ministry of Science & Technology. Department of Biotechnology. Government of India. Delhi, 2009, p. 132.

⁴⁴ Russian Business Net rb.ru - <http://www.rb.ru/topstory/business/2008/02/11/133346.html>

⁴⁵ Nuclear Power in India. World Nuclear Association, 28.01.2010. - <http://www.world-nuclear.org/info/inf53.html>

⁴⁶ <http://russian1.people.com.cn/31519/6835798.html>

⁴⁷ <http://www.atominfo.ru/news/air8891.htm>

⁴⁸ Russia seeks to diversify trade ties // The Hindu, 08.03. 2008.

⁴⁹ Sujay Mehdudia. India keen to import LNG // The Hindu, 08.11. 2008.

СПИСОК АВТОРОВ

Амиров В.Б.

старший научный сотрудник ИМЭМО РАН

Гельбрас В.Г.

д.и.н., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН,
профессор Института стран Азии и Африки МГУ

Крылов А.Б.

д.и.н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН

Куртов А.А.

главный редактор журнала «Проблемы национальной стратегии»
Российского института стратегических исследований (РИСИ)

Лунев С.И.

д.и.н., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН,
профессор МГИМО – Университет МИД РФ

Малышева Д.Б.

д.п.н., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

Салицкий А.И.

д.э.н., главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

Чуфрин Г.И.

чл.-корр. РАН, д.э.н., советник РАН, ИМЭМО РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Г. Чуфрин Введение.....	3
Д. Малышева Центральная Азия в свете российско-американской «перезагрузки»	7
В. Гельбрас Казахстан после кризиса.....	25
А. Салицкий Китай во внешнеэкономических связях ЦА: угрозы и возможности.....	40
А. Куртов Трансформация внешней политики Туркменистана при новом руководстве страны.....	52
В. Амиров Япония и Южная Корея в экономике Центральной Азии.....	90
А. Крылов Южный Кавказ: разные пути постсоветского развития.....	100
С. Лунев Российско-индийские отношения: проблемы и перспективы.....	117
Список авторов.....	130